

ДЕНДРАРИЙ-2

Альманах
семейно-литературного
журнала “Древо” № 9 - 16

Тольятти 2008

ББК 84 (2 Рос - Рус) 6 Кр
ДЗЗ

На обложке: Обложки семейно-литературного журнала “Древо”
№ 9-16, 2002-2006 гг.

Дендрарий-2: Альманах семейно-литературного журнала
“Древо” № 9-16/Под ред. О.А. Вавилиной. – Тольятти: «НОВЫЙ
ШТРИХ», 2008. – 336 с.

Подписано в печать 21.05.08. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура BookmanC.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1 000 экз. Заказ № 1124/12163/0408

Отпечатано в ООО «НОВЫЙ ШТРИХ», г. Тольятти, Новый проезд, 8,
тел.: (8482) 70-40-40.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

«Вдруг посетила мысль о необходимости издания семейного журнала. В старые добрые времена в русской интеллигентской среде бытовали традиции личных, как правило, женских альбомов, куда гости, среди которых были известные люди, записывали свои стихи, стансы, посвящения, мысли. Реже издавались рукописные семейные журналы или альманахи, где члены семьи, друзья и заезжие знаменитости публиковали свои творческие изыскания.

Дело архиполезное. Заставляет мыслить, побуждает творить и грамотно излагать всё это на бумаге. Духовно единит семью. А потом – это наша история, это интересные события и факты, художественное творчество, мысли.

Должно быть интересно...»

**«Житейские дневники», 17.04.99,
Виталий Вавилин**

ОЛЬГА ВАВИЛИНА ОТВЕЧАЕТ ЗА СЕМЕЙНОЕ «ДРЕВО»

...Сначала я сопротивлялась, потому что вообще было непонятно, что за работа, какой объем, как все будет выглядеть в итоге. Но глаза боятся, а руки делают – взялись и сообщая, при поддержке всей семьи, сделали наш первый журнал, который назвали «Древо». Он, конечно, получился очень забавный, эдакий простой, самодельный, но мы безумно старались и потому очень им гордились. Сегодня журналы уже выглядят солиднее, увесистее и по страницам, и по количеству авторов, и по содержанию.

Моя мама корректирует тексты, Виталий делает фотографии, дети рисуют, все остальные пишут художественные, научные и публицистические материалы.

И надо сказать, что содержание нашего журнала довольно-таки интересно: кто-то рассказывает об интересном случае, поездке или берет интервью о семье. Виталий нашел свои записи об армейской службе, которые писал во время службы, – опубликовали без купюр и правок все, что он тогда писал «на коленках» об армейской действительности, брат и отец пишут художественные произведения, тольяттинские и даже зарубежные писатели, знакомые нашей семьи, дают свои рассказы и повести.

Если едем куда-то, ведем путевые дневники, фотографируем – и все публикуем потом в журнале. Лет через двадцать – это будет просто золотой фонд! Поэтому стараемся каждое событие, которое происходит в семье отразить в журнале, практически каждый номер имеет тематический материал.

Собственно, традиция тематических номеров тоже появилась неожиданно. Четвертый номер журнала был посвящен мне и собран к моему дню рождения – получить такой подарок было безумно приятно, тем более, что я не принимала в его подготовке никакого участия. Но идея понравилась всем. Например, когда родители Виталия отмечали рубиновую свадьбу, номер «Древа» был во многом посвящен им: у них брали интервью, их поздравляли внуки и дети. К юбилею Виталия, кстати, тоже выпустили тематический номер – тут уж я дотянулась до кого могла: его со страниц «Древа» поздравляли мэр Николай Уткин, бывший генеральный директор АВТОВАЗа

Алексей Николаев, ректор ТГУ Сергей Жилкин, скульптор Александр Рукавишников, друзья, коллеги, родные. Такие памятные журналы очень ценны.

– У любого печатного издания есть своя периодичность. Как часто выходит «Древо»?

– Два-три раза в год в зависимости от того, насколько я загружена. Потому что формируются еще и книги. Мы решили, что по результатам каждого восьми номеров журнала, будем издавать «Дендрарий» – альманах, куда войдут избранные материалы. Первая уже вышла. Осенью выйдет 16-й номер «Древа», а следом – второй «Дендрарий». Вообще же наш журнал мы делаем с 2000 года – уже пять лет. Удивительно, но с течением времени не наступила проблема с нехваткой материала, напротив, существует довольно значительный его избыток...

– Каков тираж журнала?

– 35 экземпляров. Тираж «Дендрария» – 1000 экземпляров.

– Все они остаются в семье?

– Нет, часть мы все-таки отдаём в библиотеку. Потому, что к нашему удивлению появились постоянные читатели журнала и вне нашей семьи, которые ждут его выхода. Конечно, рассылает по экземпляру авторам материалов. И честно говоря, ощущается нехватка – читателей становится все больше, и не дать прочитать номер я просто не могу. Получилось как у Экзюпери – «Мы в ответе за тех, кого приручили». И было приятно, когда несколько человек подошли ко мне и сказали, что благодарны нашей семье, которая пробудила в них интерес к своему роду, корням.

Вы знаете, на самом деле это безумно увлекательная работа, собирать своё генеалогическое древо. Когда мы этим начали заниматься, то искали и копали все: от дедов – до внуков. Но мы до сих пор не считаем эту работу оконченной.

Проследить судьбу семьи сможет каждый. Многие, начиная поиск информации о своих предках, понимают, почему о деде или прадеде в семье всегда умалчивали: кто-то был репрессирован, кто-то имел дворянские корни – в советские годы все это старались скрыть, потому что хотели жить. Виталий, например, из яицких казаков, а они практически все были беглыми и сегодня, действительно, трудно восстановить откуда и от чего они бежали. Тем не менее, удалось проследить историю семьи на шесть поколений.

– Первоначально журнал был ориентирован на семью:

авторы – члены семьи, рассказывают о том, что происходит внутри семьи или с кем-то из членов семьи. За пять лет, что изменилось в подходе к подбору материалов?

– Отбор материалов всегда очень жесткий. Мы не берем те, которые были где-то напечатаны ранее. Иначе, какой смысл в них? У нас только эксклюзив. Изначально мы определили, что «Древо» – это журнал нашей семьи, но постепенно он выходит за ее пределы, становится более социальным. Среди его авторов появляются люди совершенно уникальные, которые рассказывают удивительные вещи о себе, делятся с нами своими размышлениями, а иногда и самыми дорогими воспоминаниями. Вот недавний пример, в библиотеке Автограда работает Лия Валерьяновна Демьяненко, заведующая абонементом. Она как-то подошла ко мне, показывает письмо, написанное 30 лет назад своему любимому человеку, с которым рассталась: «Я его написала, но не отослала и порвала, а выбросить не смогла...» Мы это письмо опубликовали в таком же виде – порванные странички, стиль... И знаете, что удивительно: мы говорим, что наша молодежь черства, но когда эти письма читали друзья наших старших дочерей, многие плакали. Я считаю, что до каждого можно достучаться.

– Ольга Александровна, вы упомянули, что среди авторов журнала не только члены семьи, но и многие известные люди. Как вам удается их привлекать к работе? И каким образом решается такой животрепещущий для автора вопрос о гонораре?

– Что вы? Какой гонорар? Мы не коммерческое издание. Это же все в собственное удовольствие делается, для души. Никакого гонорара не выплачиваем. Причем и Александр Рукавишников, и художники Сергей Шаров принимали участие в журнале абсолютно бесплатно, как говорится, безвозмездно, из уважения к такой вот чудачинке нашей семьи.

Все наши авторы – это друзья семьи. В очередном номере будет материал о Максиме Канторе, художнике. Как-то мы сидели с ним в кафе, я – человек наглый – нашла листки какие-то, подсунула ему и попросила что-нибудь нам нарисовать на память. Потом полгода переписывались с ним по электронной почте, и вот наконец-то пришла от него великолепная статья – сформировался материал. Таким же образом работали с Александром Рукавишниковым. Он предоставил нам, наверное, самое дорогое, что может быть у художника, – свои черновики, эскизы

– все то, из чего потом рождается шедевр. Ведь, действительно, все искусство основано на эскизах, в них живет душа. Это потом художник все обрабатывает, раскрашивает, а замысел – в эскизах.

– Но помимо журнала вы еще работаете и над составлением и редактированием книг, которые также выпускаете семейными силами. Это похоже на закономерное развитие – переросли формат журнала и взялись за издавание книг. Расскажите историю книги, которая наиболее вам дорога.

– Я думаю, что практически о каждом из членов нашей семьи можно написать книгу, и каждая будет нам дорога. Мой дед Арон Наумович Резников был первым ректором ТПИ, а его отец Наум Иосифович Резников – основатель науки резания, вошел в украинскую энциклопедию как один из ведущих ученых Украины XX столетия. И наша первая книга, которую мы издали, – это книга моего дедушки Арона Наумовича «Эскизы прошлого в проекции на настоящее». Надо сказать, она продлила ему жизнь, ведь дед за несколько лет до смерти полностью ослеп, но не сдавался, всё, как сейчас говорят, активный образ жизни: преподавал, диктовал дневники, консультировал аспирантов и, что было немаловажно, писал книги.

Вторая его книга «Из времени неясных контуров» так же успела выйти в свет при его жизни, несмотря на то, что она более личного, семейного плана, мы ей очень гордимся и считаем, что нашим детям она крайне нужна для верного мировосприятия.

Уже пять лет, как деда нет с нами. 31 мая ему бы исполнилось 90 лет, и к этой дате мы сформировали о нем книгу «Первый ректор». Виталий полгода интервьюировал бабушку Беллу – его жену, – так нам удалось прописать практически все линии, все ступени их семейной жизни: как они познакомились, каковы были их взаимоотношения – совершенно удивительные воспоминания. Второй раздел книги тоже эпохальный – в него вошли статьи учеников деда, некоторые были опубликованы в газетах еще при его жизни. В книгу вошла подразделом «Беседы с молодыми преподавателями» – уникальная методичка для вузов (в свое время она была шлягером), и некоторые из его рассказов, воспоминаний о встречах с интересными людьми. Большинство из этих рассказов он, уже не имея возможности самостоятельно печатать, наговаривал на пленку. Последний раздел

«Дневник» появился, когда книга была уже сверстана. Как-то вечером Виталий говорит: «Пойду покопаюсь в архивах деда. Вдруг найду еще какие-либо высказывания...» – и пропал на несколько часов, а потом приносит дедовы дневники. Оказывается, в последние годы жизни дед вел личный дневник, а мы об этом даже и не догадывались. Знаете, читали и плакали – это невозможно было выдержать – дед знал, что слепнет, и на каждую лекцию шел как на бой: учил лекции наизусть, потому что не мог заглянуть в записи и прочитать, по памяти научился рисовать так, чтобы окружность получалась окружностью, а три линии сходились в одной точке. А ведь он преподавал «Резание, станки и инструменты» – все в этой науке построено на сложных чертежах, представляете, как непросто было работать человеку, который не видит. И все переживания деда, все чувства отражены в его дневнике. С 1 июня 1997 года он стал вести его на аудиокассетах, так как полностью потерял зрение и последнюю запись сделал будучи уже слепым человеком.

Вместо эпилога мы пригласили к разговору людей, с которыми дед общался, которые знали его хорошо: Валентина Михайловна Гройсман его лечила, Александр Григорьевич Зибарев был его учеником ещё в Самаре, Николай Вартанович Абрамов работал с дедом по линии производства, а Сергей Жилкин стал правопреемником. Была огромная дискуссия, много воспоминаний. Ну, а точкой в нашей книге стала такая фраза: «Давайте завершим наш разговор о Резникове – основателе научной школы Тольятти и, образно говоря, отца Политехнического института, а ныне государственного университета. Все остальное уйдет, а это останется. Дай бог, чтобы каждый из нас оставил такое наследство».

Ирина ГРАДОБОВА,
«Навигатор», 2005 год

Вокруг света

*«Счастье —
это не конечный пункт назначения,
а способ движения к цели»*

*Арон Резников,
"Словарь жизни"*

Виталий Вавилин

ཡུལ་པོ་ལྟོ་ལྟོ་རྒྱུ་མཉམ་མཉམ་ལུ་།
ཆོད་བཞིན་ལྟོ་ལྟོ་པོ་ལྟོ་ལྟོ་ལྟོ་

Tu es prêtre, c'est
un homme de bien
considérable !

Ay

Лама Гедун Шераб

ФРАГМЕНТЫ ТИБЕТСКИХ ДНЕВНИКОВ

Это не путевые заметки, а крупницы того, на чем останавливался взор, что будоражило ум, чувствовало сердце, о чём говорили и молчали во время экспедиций 2005 и 2006 годов на Тибет.

Июль 2004 года. За последние полгода при нечастых встречах и ещё более случайных телефонных разговорах наши беседы с Таней Фогель по вопросу возможного приезда в Россию тибетского ламы стали наконец-то обретать реальность.

Лама Гедун Шераб из высокогорного монастыря провинции Амдо в Тибете впервые в июле 2004 года выехал за пределы Китая, не считая поездок в Индию для встреч с Далай-ламой. Таня Фогель сопровождала ламу в поездке по России. 10 дней он прожил у нас в доме. Первые три дня мы оказались в некотором затруднении – лама владел лишь одним языком – тибетским. Переводчик с китайского оказался бессилен, китайский был столь же чужим, что и русский. Но дискомфорта не было. В доме поселилось маленькое солнышко, стало как-то светлей, спокойней и радостней. Всякий жест, вопрос или просьба ламы были понятны и не требовали особых переводов и объяснений. Хорошими «переводчиками» были дети, они общались с ламой постоянно и запросто, заодно обучая его бытовому русскому языку. Их словно магнитом тянуло к нему – были забыты и заброшены игрушки, мультики, компьютер...

Лишь через три дня прилетел из Минска Коля, переводчик с тибетского. Пошёл полноценный диалог.

Он не давал учения (не было это целью поездки), но он многому научил. Чего только стоит его «без разницы» с благодушной улыбкой на лице.

Тебе рис на гарнир или гречку? – Без разницы!

Тебе такой чай или другой? – Без разницы!

Пойдём гулять в лес или по городу? – Без разницы!

Мир прекрасен во всех его проявлениях и это не важно, какой именно сейчас пить чай – зелёный, чёрный, с травами или просто с жасмином, с молоком или без молока... Это не принципиально. Не стоит на это тратить свои эмоции. Есть более существенные вопросы в этой жизни. Есть вопросы, в которых надо не толь-

ко иметь своё мнение, но и иметь мужество его высказать. Ибо высказанное мнение – есть позиция.

Очень часто люди устраивают настоящий скандал по поводу не того сорта чая, и сразу же замолкают, когда обсуждается принципиальный вопрос.

Уже после отъезда из Тольятти, во время посещения Уфы, лама сделал предложение через Таню Фогель совершить парикраму (кору) – сходить с ним в медитативный поход вокруг Кайласа.

Удивительно, но всё, что хочет лама, неумолимо непременно сбывается.

Организатором и вдохновителем российской половины экспедиции выступала Таня Фогель. Она упорно в течение последних нескольких месяцев, собирала в единый клубок разрозненные ниточки желаний, обстоятельств, возможностей и вариантов этой экспедиции. И когда, казалось бы, всё срослось, были решены временные, финансовые и билетные проблемы поездки и встал вопрос о бронировании билетов, она позвонила и сказала, что не может ехать.

По мнению Тани, лама – огромная энергетическая субстанция. Субстанция, очищающая и стирающая вся и всё около себя, сея добро, радость, мир в душах и покой. Таня жила у него в монастыре 2 месяца. Зачистка была фундаментальная. Как-то само собой исчезли давно мучавшие проблемы, закрылись душевные раны, прочистился ум, что-то стало неожиданно понятным и ясным (на что раньше не находилось ответов), а что-то стало незначительным и случайным, хотя раньше казалось существенным и важным. Но, почистилось всё, в том числе и основательно почистились Танины цигунские медицинские практики. Она потеряла способность лечить людей. Что-то расстроилось в её тонкой цигунской настройке, как будто тихую далёкую мелодию в радиоэфире вдруг накрыла другая – мощная, громкая радиоволна. Более полугода Таня с помощью практик и медитаций на ретритах и дома восстанавливала свой медицинский цигун. Сегодня всё восстановилось. Руки видят и лечат.

Слишком актуален для неё вопрос – чем закончится новый длительный контакт с ламой? В итоге Таня отказалась в последний момент от поездки, предложив вместо себя Лену. С Леной я был знаком заочно.

Лена Хазанова, личный ученик Сюи Минтана, его переводчик. Впервые я увидел её на ретрите мастера в Сочи в мае 2003 года.

Внешне милая девушка, постоянно улыбающаяся по-детски наивно, открыто и добродушно.

Чего в Татьянином решении больше – разума или эмоций? Сердцем она там, в Тибете, около Кайласа, с ламой. Разум победил. Выиграла ли от этого Таня?

Отказавшись от участия в экспедиции, Таня с тем же энтузиазмом продолжала теперь уже нам с Леной помогать с организацией поездки. Это удивительно приятно! Приятно наблюдать и чувствовать энергию созидания, сладострастную, как наркотик, потребность помочь, «отдать», быть нужной. Благодарность ламы, Лены и моя будут жить в наших сердцах. Она будет с нами там, на Кайласе.

Доху. Катар. На посадку самолёт заходит со стороны Персидского залива. Бирюзовая гладь воды неожиданно уткнулась в береговую линию и превратилась в жёлтое безмолвие. Ни деревья, ни кусточка, ни озерка, ни бугорочка. Желтое безмолвие, уходящее за горизонт. Марсианский выжженный пейзаж.

Пятидесятиградусная жара оглушает безмолвием, обжигает кожу и лёгкие. Небольшой уютный современный аэропорт – настоящий оазис прохлады и комфорта в этой непригодной для жизни пустыни. У нас два часа до следующего самолёта. Индусы, арабы всех мастей, непальцы, тибетцы, европейцы, негров парочка затесалась и, конечно же, русские. И всё это живёт по своим законам и вроде как мирно сосуществует. Арабы ведут себя поувереннее, понаглее, откровенно таращатся на полураздетых европейских женщин, плюют на пол, отделанный дорогим керамогранитом, громко разговаривают. Они дома. Остальные больше напоминают добропорядочных гостей, на минутку заглянувших в этот дом.

Следующий пункт назначения Катманду, Непал. В самолёте две третьих европейцы, ни одного араба. Это другой мир, чуждый им и не интересный. Приземляемся. Характерно – никто не включает мобильные телефоны и не кричит: «я прилетел», «как дела», и прочую глупость. Никто!

Оформляем визу, очередь человек двести, мы последние. Вдруг к нам подходит непалец, работник аэропорта, берёт наши документы, внимательно просмотрев их, помогает прикрепить фото и отходит. Через некоторое время подходит ещё раз, задает дежурный вопрос, на сколько дней нам нужна виза в Непал, и ус-

лышав, что на три дня, предлагает нам пройти и оформить визу у пустующей таможенной стойки. Только нам. Больше его никто из впереди стоящей толпы не заинтересовал. Уже оформив нам визу, он выкрикнул в толпу вопрос, нужна ли кому транзитная виза на три дня. Желающих не нашлось. «Лама о нас вспомнил, – сказали мы с Леной друг другу, – решил немножко помочь».

Катманду. Древний город. Гуляя по Древнему городу, я постепенно проникаюсь уникальностью его архитектуры, культурно-историческим величием этого места. Лена заводит меня в одну из многих ничем не примечательных дверей, и мы оказываемся во внутреннем дворике Дворца Кумари. Кумари – девочка, живое перевоплощение богини Кале. Она постоянно живёт во Дворце, один раз в год выходит из него на улицы Катманду, но при этом не касается ногами земли. На фестивальное шествие, под названием «Праздник Инды – бога Грозы и Молнии» её выносит на руках специальный человек. Такой праздник есть только в Катманду. Девочку избирают из буддистской семьи. Из касты Шакки (Сакки) – род, из которого вышел Будда. У неё тридцать два признака, по которым выбирают в возрасте двух-трёх лет. Хорошие зубы, чёрные глаза и волосы, длинные мочки ушей и т. д. Сопоставляется её гороскоп с гороскопом короля. Она должна родиться в полнолуние. Четырёх избранных девочек, соответствующих этим требованиям, отправляют в храм, сажают в четыре тёмные комнаты, в темноте видны страшные картины, включают пугающую, тревожную музыку. За ними наблюдают в специальное отверстие: девочки должны молиться Кале и та, которая является воплощением Кале, не испугается. Выбранную выносят на руках. Два раза в год король Непала приходит к ней, и она его благословляет. Когда королю надо ехать за границу, он приходит за благословением. Сейчас Кумари восемь лет, она будет принцессой до 12 – 13 лет, до полового созревания. Потом её возвращают в семью. При ней постоянно учителя. Учат читать, писать, хорошим манерам.

Примечательно то, что девочка, будучи воплощением индуистской богини, выбирается из буддистской семьи. По сути, она является живым символом объединения религий буддизма и индуизма в Непале. За небольшую денежку, которую ты должен положить в ящичек, стоящий во внутреннем дворике дворца, девочка, по просьбе монаха, выглядывает в окошко. Мы дважды посмотрели на это сияющее создание, пока находились во Дворце.

це. Один раз деньги пожертвовали мы, а чуть позже, пришедшая группа европейцев тоже захотела на неё посмотреть.

13 – важное и значимое число в нумерологии, астрологии, философии, в различных религиозных течениях. Точнее, надо говорить о формуле $12+1$ – одном из важнейших законов системы мироздания.

Астрология. Звёздное небо над нами – двенадцать знаков зодиака, и все созвездия, весь небосвод обращается вокруг полярной звезды – она тринадцатая.

Астрономия. Учёные недавно открыли двенадцатую планету в Солнечной системе. В центре системы Солнце, вокруг которого происходит движение планет.

Малевич нарисовал 13 чёрных квадратов. 13-й оставил себе.

Музыка. Одна октава на рояле – семь белых клавиш и пять чёрных – всего двенадцать, двенадцать тонов и полутонов, посредством которых создается музыка. Создает и играет её тринадцатый – человек. Гениальный музыкант создаст гениальное произведение, бесталанный – ужасный набор звуков. И великое, и ужасное создает тринадцатый. Без него двенадцать ничто.

Живопись. Двенадцать цветов создают законченную цветовую гамму. Их смешение даёт тринадцатый, единственный чистый цвет – черный или белый. Все двенадцать вышли из белого и пришли в чёрный, и наоборот.

Мировая система судопроизводства породила уникальный инструмент поиска истины – *институт присяжных*. Их двенадцать. И только их единодушное решение порождает истину – тринадцатый, самый главный элемент системы.

У Иисуса Христа двенадцать апостолов, двенадцать учеников. Он, Учитель, тринадцатый, в самом центре – как символ мироздания, новой истины, нового миропонимания.

Православное христианство. Мировая религия с красивейшей храмовой культурой. Одной из самых древних, гармоничных и красивейших церквей является Покров на Нерли. Основной архитектурный элемент каждой из четырёх её сторон – три строгих каменных свода. Итого двенадцать. Венчает храм простая и органичная башенка с куполом и крестом на самом верху – тринадцатый архитектурный элемент. Главный символ, венец.

Буддизм. Ещё одна великая мировая религия, исповедуют которую почти четверть человечества. В буддизме есть культовое сооружение – ступа. На верхней части ступы располагается три-

надцать колец – тринадцать ступеней на пути к просветлению. Тринадцатое кольцо и есть состояние просветления. Если человек прожил жизнь достойно, то весь его двенадцатиступенчатый путь венчает жизнь в раю. Если же нет, тринадцатая ступень станет точкой сошествия в ад.

Поэтому, половина человечества суеверно боится этого числа и связывает с ним всё негативное. А вторая половина смотрит на него позитивно и не видит в этом числе ничего негативного и никакой угрозы своему существованию. Тринадцать – итог того, чем ты занимаешься, как прожил свою жизнь, что после себя оставил. Истина.

В аэропорту Лхасы нас встречал Юмба – друг ламы. Юмба – единственное окошечко для диалога с ламой, именно через него согласовывалась и организовывалась экспедиция на Кайлас. Первым делом, соблюдая традиции, он повесил нам на шеи белые кхаты – тибетские шарфы, а уже потом были слова приветствия, рюкзаки, машина, дорога, разговоры.

По дороге от аэропорта через каждые 3-4 километра посты полиции. Юмба прокомментировал – скоро по этой дороге в Лхасу поедет большой китайский чиновник.

Ужин. Хорошая кухня. Мясо яков – традиционная для тибетцев еда. Юмба спросил, какое мясо мы употребляем в пищу. Я стал перечислять – говядина, свинина, баранина, мясо птицы..., сказал, что пробовал лягушек и медведей. Лена вспомнила, слушая меня, однажды заданный ей индусом вопрос: «А, правда, что вы, русские, едите коров и людей?». Для индусов и то и другое является кощунством в равной степени.

Дрипунг (гора риса). Один из трёх главных монастырей Тибета. Основан в 1416 году Дзонкапой, основателем школы Гелуг.

До 1959 года в монастыре было более 7 700 монахов. Было так же много монахов вокруг проживающих, приходящих паломников. Общее количество монахов достигало 10 000. На территории монастыря было 4 монастырские школы. «Целый город!» – подумал я, когда услышал эту информацию.

Сейчас на территории монастыря 850 монахов. В худшие времена их количество опускалось до трёхсот. Основной род занятий – сопровождение туристического бизнеса и содержание монастыря. Школ нет, нет возможности заниматься монашеством.

Если хочешь сделать серьёзное пожертвование монастырю, то идёшь к китайским властям, отвечаешь на вопросы «зачем?», «почему?». Монастыри не имеют права получать пожертвования напрямую, без ведома китайских властей.

Здесь была резиденция первых пяти Далай-лам – духовных и политических лидеров Тибета. Пятый Далай-лама построил основное здание Поталы. Шестой Далай-лама переехал в Поталу и с тех пор этот дворец стал главной резиденцией Далай-лам.

Во внутреннем двореке монастыря, рядом с апартаментами Далай-ламы, всегда проходили Лхамо – тибетские мистические танцы с масками. Далай-лама наблюдал из окна. Сейчас китайцы запретили этот праздник, вместо него идёт подготовка празднования сорокалетия автономии Тибета. Китай уничтожает автономию, письменность, культуру и традиции Тибета. В центре Лхасы огромные надписи китайскими иероглифами, изредка мелким шрифтом они дублируются тибетской письменностью.

Только в одном месте в монастыре увидел портрет 14-го Далай-ламы в юношеском возрасте. Портрет, сделанный до его побега с оккупированного Тибета в 1959 году. Рядом портреты 2 учителей: слева учитель философии, справа – грамматики. На портретах учителя в старческом возрасте, они уже переродились. Учителю философии сегодня 20 лет он живёт с Далай-ламой. На портретах свастика, повёрнутая по часовой стрелке. Этот символ приносит удачу.

В главном молельном зале 108 колонн. Все пространство между колоннами заполняют специальные подстилки, на которых должны сидеть монахи во время медитаций и молитв. Одновременно в зале могут уместиться сотни, а то и тысячи монахов. Я присутствовал в одном из помещений, где 5 монахов пели мантры, один из них задавал ритм ударами в барабан и большой медный гонг. Это было потрясающе красиво. Прекрасно поставленные гортанные голоса, спетые в результате многолетних совместных практик, сами тексты мантр, их духовно-энергетическое содержание наводили состояние лёгкого оцепенения и восхищения. Голоса проникали в тебя, наполняли каким-то непонятным торжественным звучанием и благостным содержанием. В какой-то момент ты начинаешь понимать, что резонируешь с этими голосами. Ты полностью принадлежишь им. Подумалось, а что будет, если зазвучат сотни или тысячи голосов одновременно. Что

происходит в это время в главном молельном зале, где одновременно поют мантру тысячи монахов?

1000 Будд – уникальный символ веры. В каждом из нас живет Будда. Каждый может найти дорогу к просветлению. Искать её надо в себе.

Летняя резиденция Далай-ламы. Большой храмово-парковый комплекс превращен в парк отдыха и развлечений – пьяные компании, громкая музыка, курево, мусор. Вместо традиционных тибетских разноцветных молельных флажков гирлянды рекламных флажков китайского пива.

Город наводнён китайскими туристами, очень мало европейцев. Исторически Тибет был закрытой областью для иностранцев, поэтому основная альпинистская тропа лежала через королевство Непал. В настоящее время Китай ограничивает количество виз иностранцам для посещения Тибета, точнее, для посещения отдельных районов на территории Тибета требуется специальное разрешение, присутствие сопровождающего лица и постоянная регистрация в каждом районе у местных властей.

Потала – дворец Далай-ламы. На месте сегодняшней Поталы (ещё в VII веке) начал строить для себя дворец 33-й император Тибета – Сомгдзен Гампо.

Сомгдзен Гампо – ключевая фигура в истории Тибета. При нём началось активное распространение буддизма. Был создан тибетский алфавит на основе санскрита. Начался перевод буддистских текстов с санскрита и пали.

Спустя 10 веков 5-й Далай-лама на месте разрушенного временем и пожаром дворца начал строить новый дворец – Поталу.

Потала – уникальное по архитектуре и красоте сооружение. Состоит из двух частей – Белой и Красной. Белая часть – жилая, где расположены кельи монахов. В Красной части находятся молельные залы, библиотека, религиозные святыни.

Тринадцатизэтажный дворец состоит из более 1 000 комнат и залов, соединённых между собой многочисленными лабиринтами и лестницами.

Из 1 000 комнат открыто всего 20, остальные повреждены во время захвата дворца в 1959 году: велась стрельба, разрушались стены, разбирались полы и потолки – искали Далай-ламу. В

некоторых комнатах были устроены солдатские казармы и конюшни для лошадей. Дополнительно дворец подвергся разрушению и осквернению во время Культурной революции. Фрески уничтожены. Сохранились написанные на стенах красной краской иероглифы – китайские коммунистические лозунги.

Китайцы полностью разрушили 6 000 монастырей во время Культурной революции. Поталу тоже хотели разрушить.

Ситуация очень напоминает историю отношений к религии советских коммунистов. Видимо, воинствующий атеизм одинаков в своих проявлениях в любых точках мира. Разрушенные храмы, осквернённые гаражами, складами, конюшнями, хранилищами для картофеля да клубами для развлечений пролетарской молодёжи. Интересно, была ли от этого хоть какая-то польза – сохранялась ли лучше картошка, лошади меньше болели?

Несмотря на активное возражение и противостояние лам, находящиеся в монастырях религиозные и культурные ценности подверглись вандальному уничтожению.

Почему китайцы пошли через разрушение? Программа уничтожения заложена. Пример: Язычество – Христианство – Коммунизм –

Китайцы боятся связей местных тибетцев с Далай-ламой, с тибетцами, бежавшими из страны после 1959 года. У местных жителей нет права на работу, им запрещено заниматься бизнесом, нет свободы слова.

С 1975 года монахам опять разрешили жить в монастырях, но денег на жизнь, на восстановление и содержание монастырей не дают. Была объявлена религиозная свобода, но больше на словах. Нигде нет портрета 14-го Далай-ламы. Запрещено, даже там, где для него отведено специальное место, например, в зале официальных приемов и встреч белого дворца Поталы.

Для посещения Поталы делается специальный пропуск. У нас заранее, за один день взяли паспорта для оформления пропуска.

Деньги, пожертвования везде – сотни мест в каждой комнате, у каждой святыни. Каждый входящий приносит подношения – как правило, мелкую китайскую купюру достоинством в десятую часть китайского юаня. Изредка видны купюры большего достоинства – 1, 2, 5 юаней. Иностранцы кладут свои национальные купюры – видны американские, филиппинские и сингапурские доллары, английские фунты, японские йены ...

Деньги забирает китайское правительство. Впоследствии 20-30% отдают монастырю.

– «Почему монахи не могут себе оставлять больше, не отдавая часть выручки?»,- спросил я.

– «Среди монахов много шпионов», – был ответ.

В каждой комнате дворца есть специальный лежак для монаха или нескольких монахов. Он следит за порядком, в определённое время читает или напевает мантры. В комнате 7-го Далай-ламы монах отвлёкся, куда-то вышел. Вместо него на лежаке сидела на поводке кошка. Кошки у них не гуляют «сами по себе», всегда только на поводке (в отличие от собак), которым предоставлена полная свобода перемещения.

У 6-го Далай-ламы сложная судьба. После смерти 5-го Далай-ламы, регент долго, в течение 12 лет, скрывал это от народа. В то смутное время известие о его смерти могло вызвать межрелигиозные конфликты. 5-й Далай-лама считается великим в истории ламаизма, он объединил многие религиозные течения буддизма и сделал буддизм государственной религией. Так же причиной скрывания смерти была необходимость окончания строительства Поталы.

Его реинкарнацию – 6-го Далай-ламу нашли уже взрослым мальчиком. Во время своего правления он не проявил себя в качестве религиозного и государственного деятеля. Наоборот – предавался мирским утехам, переодевался и странствовал как паломник, писал стихи. В некоторых монастырях нет статуй и изображений 6-го Далай-ламы.

Существует пророчество сделанное Padmasambava (Падмасамбава – рождённый из лотоса) что 14-й Далай-лама покинет Тибет, но потом вернётся.

Ступы в монастырях имеют такую же форму, как и короны российских императоров. Только вместо возвышающегося над короной креста, верхняя часть ступы представляет собой тринадцатиступенчатую пирамиду.

Если внутри ступы находятся мощи ламы, то голова находится на уровне «окошечка», внутри которого скульптурное изображение ламы. Го – голова. Готчим – переводится как корона.

Ступа 5-го Далай-ламы самая большая – 26 метров в высоту, 3 тонны золота.

В монастырях большое количество текстов о Дхарме, с мантрами, описанием практик, а также тексты тантрических учений. Целые залы, библиотеки. Тексты пишутся на отдельных листах – пластинах, потом складываются стопкой, сверху и снизу вместо обложки скрепляются деревянными дощечками. Очень много текстов, а значит и знаний уничтожено, утеряно безвозвратно. Несколько раз наблюдал как местные жители, трепетно сложив руки в молитве, прикладывают лоб к стеллажам со священными текстами, высказывая тем самым отношение к этим «книгам» как к святыне.

Фотографировать, как правило, в помещениях нельзя. Там, где фотографировать разрешено, висят специальные таблички. Стоит это 10 долларов. Почему нельзя фотографировать в Потале? Мне кажется главная причина запрета властей, – не допустить популяризацию буддизма и тибетского ламаизма. Проблема не в заботе о сохранении культурных и исторических ценностей.

На площади перед Поталой китайцы строят большую временную сцену, частично закрывая обзор этим шедевром современного зодчества на древнюю Поталу. Скоро праздник 40-летия независимости и автономии Тибета. «Приедут много чиновников из Китая. Будут говорить торжественные речи. Все тибетцы обязаны прийти туда и улыбаться», – грустно сказал Кольсанг, мельком взглянув на процесс сооружения огромного помоста.

В Москве, при упаковке багажа, на дне рюкзака в одежде, была тщательно запрятана фотография Далай-ламы. Китайскими властями запрещён ввоз в страну фотографий, литературы и любой печатной продукции, связанной с Далай-ламой. Таня Фогель просила передать фотографию ламе от неё в качестве подарка. К фотографии Далай-ламы он молитвенно приложился лбом, попросив перевести текст на русском языке с обратной стороны. Я вручил фотографии, сделанные во время его пребывания в Тольятти и рисунки детей. За несколько дней до моего отъезда Кристина с Беллой сделали несколько рисунков для ламы, прибавили свои школьные рисунки, и вот этот подарок от них я привез ему. Ламе понравились рисунки детей. Интересовался, какой рисунок

сделала Кристина, а какой Белла, вспоминал общение с детьми, радовался и смеялся как ребёнок.

По фото рассказывал Юмбе о Белле, говорил, что на лбу знак – будет здорова и счастлива. Про Кристину – на руке написано, что будет богата. Богатство в понимании ламы это прежде всего духовное богатство, полезность обществу. Про мою маму (бабу Тому) рассказал, как она делает стойку на голове, чем сильно удивил Юмбу.

Разговаривали, вспоминали его поездку в Россию. Вспомнили наши многочисленные беседы в Тольятти, которые я фиксировал на бумагу. Лама тогда категорично высказался против публикации каких-либо моих записок. Он объяснял это тем, что не уверен в качестве перевода и правильном понимании мною истинного смысла его ответов на поставленные вопросы. В конце нашего разговора, улыбаясь, лама сказал, что теперь не против публикации моих заметок и постарается ответить на все вопросы, на которые не стал отвечать в Тольятти.

Лама достал из своей сумки упаковку тибетского лекарства. Ренасамие – неожиданно предложил это лекарство для головы. Сказал, что надо его обязательно пить. Попросил Юмбу принести это лекарство для меня на следующий день. Я никогда нигде не говорил о проблемах головы, возникших после аварии 10 лет назад.

Наш проводник Кальсанг тибетец из семьи кочевников, живущих неподалеку от Кайласа. Его семья по-прежнему живёт там. Кальсанг, начиная с 1987 года был 25 раз на Кайласе.

В монастыре Сера первое что увидели – дебаты молодых монахов. Обсуждают – что есть пустота, что все недолговечно, есть душа у дерева (дерево мужское, дерево женское, есть ли у деревьев кровь, душа...). Нельзя рубить деревья. Погибнет дерево, погибнут насекомые – нарушится естественный процесс в природе, нарушится равновесие...

Диспуты идут на религиозном языке, он сильно отличается от разговорного. Дискуссия часто сопровождается громкими хлопками, это означает, что собеседник задает вопрос.

Очень важен учитель при получении учения. Без учителя сложно достичь состояния просветления.

Быть Буддой выше, чем быть в нирване.

Лама рассказал о себе – 14 лет изучал буддизм, философию, астрологию. 10 лет находился в ретритах.

В практике важно знать астрологию, когда, где, какие практики делать.

На Тибете к астрологии, как к науке относятся с большим вниманием и уважением. Юмба, будучи сотрудником государственной медицинской клиники в Лхасе, профессионально занимается составлением астрологических календарей. Календарь составляется на основе древних знаний Китая, Индии, Тибета. Изучаются древние астрологические тексты, исторические записи о природных событиях. В компьютере у Юмба я видел огромное количество сканированных и систематизированных древних тибетских «книг».

Астрологический календарь составляется только для Тибета. Это настольная повседневная книга для скотоводов, крестьян, кочевников, врачей... Когда потомство будет у овец, когда переходить на пастбище, когда сеять и убирать урожай, когда собирать лекарственную траву, корни, цветы, на какой день назначать бракосочетание, когда лучше делать бизнес, переезжать. Когда умирает человек, какие исполнять ритуалы. Многое, многое другое и, конечно же, прогноз погоды на год, на сезон. Вот такая мудрая книга практических знаний. Нечто подобное есть и у нас, когда многие погодные явления, даты сбора трав и урожая в народе завязывают на даты церковных праздников. Но эти знания во многом разрознены и утеряны.

Монастырь Сера. Лама взял в монастыре «сумма» – охранный амулет для детей и сделал благословение «tambing sung khor» (защитный круг). Благословение (освещение) было сделано у ног Хаягривы – гневного божества с головой лошади, покровительствующего детям – одной из святынь буддизма. Лама сказал, что амулет необходимо носить на себе или повесить дома, например, над кроватью. Амулет защищает от негативных явлений, разрушает препятствия, увеличивает долголетие и улучшает благосостояние.

Над монастырём пещера, где медитировал Дзонкапа. Здесь большое количество пещер для медитации, многие из которых были разрушены во время Культурной революции.

В другой стороне за холмом на большом камне место расчленения трупов. Мёртвые тела тибетцев расчленяются и отдаются на съедение грифам. В этом ритуале кроется многое, в том числе и проблема захоронения в скальной породе и совершение благого поступка в отношении живого существа – корм для птиц.

В монастыре, в одной из комнат под стеклом находится одна из буддистских святынь. Ко лбу статуи приставлена медная труба, через отверстие в стекле выходящая другим концом наружу. Монах, одной рукой придерживая трубу, знаками разрешает подошедшему паломнику приставить лоб к свободному концу трубы. Вторую руку монах кладёт на темечко паломнику и начинает читать мантру. Я подошёл, получил незримое разрешение и прикоснулся лбом к трубке. Рука монаха накрыла голову сверху и полилась монотонная, ритмичная мантра.

Поток энергии мощно входит через лоб и плавно растекается по телу. Легкая, прохладная на входе, энергия наполняет тебя словно сосуд теплом, покоем и благодатью. Почувствовав невесомость, я растворился в этом потоке. В какой-то момент решил пропустить её через себя, вывести в землю. Я делал это тысячи раз, но все попытки вывести энергию были тщетны. Она наполнила меня, я растворился в ней, моё тело стало другим, впитав, словно ссохшая губка эту живительную влагу. Закончив читать мантру, монах убрал руку с головы, дав понять, что ритуал окончен. Помню, что не хотелось уходить, голова слегка кружилась, тело не слушалось, как бы привыкая к своему новому состоянию.

Лама, посмотрев на меня и, видимо, считав моё состояние, спросил, как я молюсь, когда прикасаюсь к святыням. Я ответил, что не молюсь, просто пытаюсь почувствовать и получить энергию святынь.

Лама сказал: «Надо молиться. За благо всех. Надо думать о других людях. Мы не можем жить вне зависимости от других людей. Надо быть благодарным им. Тебя люди родили, научили ходить, говорить, помогали учиться в школе, совместно работают с тобой... Один ты никто. Окружающие люди являются частичкой тебя, не только люди...»

Я рассказал, что именно это думаю во время посещения про-
руби. Лама расспросил, как это происходит.

Выслушав, лама сказал, что в буддизме есть подобные практи-
ки – практики «холодного ада».

Намургби – уважение учителю

Намургбдая – уважение Будде

Намудхармая – уважение учению, Дхарме

Намусынгая – уважение общине.

Четыре магических слова. Одна из основополагающих мантр в
буддизме. Намургби...Намургбдая...Намудхармая...Намусынгая...

Мантра – это очень тонкий, но одновременно очень мощный
механизм отношений человека с духовным миром. Важен звук,
ритм, интонация и в итоге внутренняя вибрация, возникающая
во время прочтения мантры. Так же важны энергетические
потоки (их цвет, температура, правильность прохождения по
каналам тела) и визуализация мыслеобразов, возникающих во
время прочтения мантры.

Мантру нельзя читать в переводе. Это будет просто бестолко-
вый ничего не значащий текст. Вот перевод, взятый из книги, из-
данной в России:

Слава Ему, Вознесённому, Архату, Всепросветлённому.

Я прихожу к Будде как к прибежищу.

Я прихожу к Учению как к прибежищу.

Я прихожу к Духовному Сообществу как к прибежищу.

Потерян звук, нет ритма, в лучшем случае можно попытаться
создать мыслеобразы, но даже они почему-то в голове не возни-
кают.

Я задумался о молитвах православного христианства.

Исторические корни их находятся в дословном переводе с
древнего, сегодня «мертвого» арамейского языка. В них потеряна
энергетика слов, что заложили в эти молитвы древние иудеи.
Они пусты и не несут в себе истинного смысла.

Через систему заблуждений человек неуклонно движется к ис-
тине.

Заблуждения и фантазии Л. Рампы и Мулдашева, что за ними
стоит?... Искренние или осознанные? Осознанные с целью прос-
ветительства – через фантазии и фантастические теории и рас-
сказы попытка возбудить интерес к Буддизму? От простого к
сложному, через сказку к сложным для понимания реалиям.

Бизнес необходим – считает лама. Дуализм: Духовность – Бизнес. Духовность не может выжить, не имея финансовой поддержки, спонсорства. В то же время бизнес сам себя уничтожит и разнесёт все вокруг, если в нем не будет духовного, созидательного начала.

Тибетцы постоянно делают подношения Будде.

Они подают Будде, потому что «Будда думает о них 24 часа в сутки», думает, как принести блага всем живым существам, уменьшить их страдания. Если мы к нему обращаемся, делаем ему подношения, то он помогает нам получать больше знаний, совершенствоваться в духовном пути, даёт благословение.

«Когда мы подаём бедному человеку, то это тоже полезно, потому что мы помогаем себе подобному живому существу. Но плохо если мы это делаем из собственных амбиций и напоказ, а не из чувства искреннего сострадания», – сказал лама.

Лама занят вопросами обучения детей и организации лечения для больных и старых. Этим он занимается постоянно и профессионально, а строительством монастыря, обустройством территорий занимается намного меньше.

Он сам прошёл, пропустил через себя потребность и необходимость в такой деятельности. В детстве, когда он был очень бедным, ему люди помогали учиться.

В Тибете монастыри и ламы несут религиозно – социальную функцию. Люди отдают деньги монастырям, а уже потом часть денег идёт на нужды монастырей, а часть денег ламы распределяют нуждающимся, на лечение, обучение. Тем самым выполняется функция, подобная Благотворительным фондам и организациям на Западе, которые определяют и озвучивают цели своей деятельности. Люди перечисляют туда деньги, а фонды распределяют их в соответствии с объявленными целями.

Ламы всегда чётко соблюдают целевое использование денег. Если вы желаете помочь монастырю, то это деньги монастыря, если даёте на учебу детей, то они будут потрачены только на детей.

К ламам люди приходят не только по религиозным вопросам, но и по житейским, с проблемами здоровья. И если для решения этих проблем нужны материальные средства – одежда, лекарства, деньги, пища – ламы по возможности решают эти проблемы.

Монастыри взяли на себя часть функций государства. Так было исторически и так происходит и в настоящее время.

Наша церковь не берёт на себя решение социальных проблем общества. Всё, что люди приносят в церковь, остается в распоряжении церкви, становится собственностью русской Православной церкви. Но ведь надо что-то отдавать. Это касается всех и церкви тоже. Это закон Жизни. Православная церковь его не выполняет. Наша церковь – вампир.

Нет насекомых – высокогорье. За всю дорогу между Лхаса и Шигатзе о стекло не разбилось ни одно насекомое, хотя часть трассы проходила в долине, где есть небольшие деревья и много сельхозугодий.

Кругом, в магазинчиках, ресторанах, в холле гостиницы, просто на улице портреты Панчен-ламы, умершего в 1989 году. Он ушёл из этой жизни относительно молодым 50-летним мужчиной и тибетцы предполагают, что был отравлен китайцами. К портрету делаются всевозможные подношения, в том числе деньги. Дань уважения, любви, преклонения.

Я подумал о наших православных священниках. Есть ли в наших домах, магазинах, ресторанчиках, офисах, гостиницах их портреты? Обращаются ли к ним люди? Любят ли, уважают?

Монастырь Ташилумпо.

Первый Далай-лама основал монастырь. 3 300 монахов жили здесь до культурной революции.

Когда 4-й Панчен-лама стал учителем 5-го Далай-ламы, Далай-лама отдал ему этот монастырь.

После смерти тело Панчен-ламы подлежит захоронению в специально построенной для этой цели ступе. Ступы с захороненными останками Панчен-лам с 4-го по 9-й были разрушены во время китайской Культурной революции. 10-й Панчен-лама собрал остатки и сделал одну ступу, после чего умер. Кроме этой ступы в монастыре есть ступы первых 3-х Панчен-лам и ступа 10-го Панчен-ламы.

11-й Панчен-лама никогда здесь не был. Его выкрали в детстве китайские спецслужбы и дальнейшая судьба мальчика не известна. На все запросы о его судьбе китайские официальные власти заявляют, что не считают его официальной реинкарнацией Панчен-ламы и находится он на обучении в одной из религиозных

школ. Одновременно китайцами был найден другой мальчик, по их версии являющийся реинкарнацией Панчен-ламы. Тибетцы не признают его Панчен-ламой, никогда не позволяют себе называть его Панчен-ламой и дали ему доброе прозвище «счастливчик». «Счастливчик» постоянно живёт за пределами монастыря, и всего два раза приезжал в «свою» резиденцию.

Статус 10-го Панчен-ламы после Культурной революции изменился. Остались только функции религиозного лидера. 10-го Панчен-ламу после 1959 года долго держали в тюрьме. Много монахов этого монастыря бежали в Индию сначала вместе с Далай-ламой, а потом в знак несогласия с назначением китайского 11-го Панчен-ламы – «счастливчика». Среди оставшихся монахов много шпионов. Шпионами местные жители называют монахов, приспособившихся к китайской идеологии, присягнувших оккупантам.

Здесь находится самая большая бронзовая скульптура Будды – 26 метров. Все входящие в зал, где находится эта ступа, непременно делают обход вокруг неё и потом замирают в молитве.

От 26-метрового Будды Майтрея (Будды будущего), сидящего на листке лотоса в позе дающего учение, от руки поднятой кверху исходит сильная вязкая энергия. От руки, находящейся высоко над тобой исходит энергия, сильно отличающаяся от энергии космоса. Другие вибрации, совершенно необычные. Энергия входит мощно и плавно, растекается по всему телу, проникая и наполняя каждую клеточку. Вниз не уходит, несмотря на все мои попытки вывести её, осталась во мне.

Тибетцы постоянно заглядывают в мой блокнот, когда я что-то записываю. Пытаются понять, что пишу и как пишу на тарабарском для них языке. Отнимают блокнот – «читают».

Им любопытно. Белые иностранцы не часто здесь бывают. Раньше, когда Тибет существовал как самостоятельное государство, иностранцев сюда не пускали. Потом, с приходом к власти китайцев, иностранцев стали пускать на территорию Тибета, строго лимитируя количество выдаваемых виз. Сегодня по-прежнему иностранцы не частые гости Тибета. К тому же, из тех немногих чужеземцев, что встречаются здесь, я единственный с блокнотом и ручкой. Им интересно смотреть, как я пишу.

Во время посещения монастыря Ташилумпо, лама стал внимательно к нам присматриваться, проявляя заботу и опеку. Несколь-

ко раз предложил: «Вы устали. Пойдёмте в гостиницу». В какой-то момент, перестав нас спрашивать, свернул осмотр монастыря. Только присев в фойе гостиницы на диван, я почувствовал, как болит голова и подкашиваются ноги. У Лены – головокружение, слабость. Она прилегла на соседнем диване и отключилась. Лама это заметил. Стал выяснять, пили ли мы шарики, которые он дал два дня назад. Когда узнал, что мы уже выпили по два шарика с интервалов в 24 часа, резко отреагировал – нельзя было. Необходимо было второй шарик употребить через неделю, а третий через 3 суток после второго. Показал жестами, что мы находимся в наркотическом состоянии (продемонстрировал на себе укол в вену).

Днём раньше, при переводе слов ламы Юмба перепутал слова день и неделя. И мы исправно собирались выпить 6 шариков за 6 дней.

«Надо срочно кушать мясо, много мяса», – объяснил лама, и, не смотря на слабость Лены, потащил нас в местный пункт приёма пищи под названием «ресторан».

Выйдя из монастыря – резиденции Панчен-ламы, мы с Леной опрометчиво дали один юань очень бедной грязной женщине с годовалым ребёнком за спиной. Потом минут 15, до самой гостиницы нас преследовали тибетские дети с требованием дать денег. Окружив нас, и не давая идти вперёд, постоянно путаясь под ногами, они выкрикивали: «Ей дали, мне не дали... дай мне». В тот момент они ненавидели нас, как, впрочем и ту женщину с ребёнком, что мы нечаянно ошастливили одним юанем.

О наркотиках. В Индии многие медиумы курят наркотики, кушают траву, корни. Население, а особенно европейцы, приезжающие сюда в поисках нового, неизведанного, начинают им бездумно подражать. Медиум знает, с какой целью, что, когда, сколько надо употреблять. Это не средство получения наслаждения. Они не получают удовольствие от наркотика. Наркотик лишь инструмент «очистки ума». Наиважнейшим условием медитативных практик является умение или способность «не думать». Только так можно достичь состояния «паузы». Наркотики позволяют освободить ум, помогают достижению состояния покоя, паузы. После чего у человека открывается третий глаз, второе сердце, третье ухо. Человек может войти в состояние левитации, достигнуть состояния соматхи. Это не сравнимое ни с чем удоволь-

ствие. Разве можно сравнить нирвану с удовольствием от наркотика или от секса...

Древняя Греция. Храм в Дельфах. Посреди храма сидит жрица, в определённой позе, в определённом месте, в определённое время. К храму стекаются паломники со всего мира послушать предсказания жрицы, которая, входя в медитативное состояние, отвечает каждому на один вопрос о его будущем. Все предсказания абсолютно точны. Только в настоящее время ученые обнаружили под обломками полуразрушенного храма два пересекающихся в центре тектонических разлома. Через разломы в земной коре на поверхность выходили газы, в том числе газ, обладающий опьяняющим наркотическим свойством. Жрица «принимала наркотик» и в итоге достигая состояния паузы, у неё открывался третий глаз, и она смотрела судьбы людей.

Карлос Кастанеда. Применение кактусов помогало выйти из тела, помогало общаться с духами. Это был наркотик без удовольствия.

Для остальных людей наркотик – исключительно средство получения физического наслаждения, забытьё – средство ухода от действительности, сладострастие ради сладострастия.

Удивительный момент – медиумы, часто употребляя наркотические вещества, не страдают от наркотической зависимости. Медиум осуществляет комплекс медитативных действий и практик, где наркотик лишь один из инструментов – вспомогательный, но не главный, и только для этого практикующего и для этой практики. Поэтому нет проблемы физического привыкания. У европейцев иное – наркотик без практики не помощник, а враг.

Есть категория людей искусства, для которых употребление наркотиков играло двойную роль. С одной стороны, как у медиумов происходила очистка ума, и в результате они возбуждали свой Дух, творя гениальное и неземное. Но не ставя перед собой цели достижения паузы, или просто не задумываясь об этой следующей ступени духовности, они попадали в физическую наркозависимость, которая в конце концов их погубила. Я имею в виду таких известных людей, как Владимир Маяковский, Владимир Высоцкий, Курт Кобейн...

В час дня выезжаем из города. Впереди дорога на Кайлас. У местных властей возникли какие-то вопросы к нашим разрешительным документам. Кальсанг где-то целый час пропадал. В какой-то момент мы даже начали волноваться, но поглядывая на

спокойный вид ламы, я успокаивался – он не чувствовал проблем. Действительно, Кальсанг в итоге решил все возникшие проблемы.

Лама опять постоянно говорит своё «без разницы».

Чиомаре, чикпаре – так это звучит на различных диалектах тибетцев.

На ночь остановились в крупном тибетском посёлке. Перед сном сделали восхождение на небольшую гору. Там наблюдали красивейшее природное явление – двойную радугу. Лама был счастлив – хороший знак.

Утро пасмурное, холодно. Во дворе гостиницы 7 экспедиционных джипов. Европейцы, русских нет. На завтраке все улыбаются, приветствуют друг друга.

Завтрак типичный – лапша с мясом яка, солёный тибетский чай. С улицы через стекло дети стали просить милостыню. Лама сильно расстроился.

Тибетские дети постоянно просят подаяния. Ламе это очень не нравится. Он видит свой народ бедным, но гордым и высокодуховным.

Искупался в водопроводе. Чем сильно удивил всех, и тибетцев и европейцев. Тибетцы умываются мокрыми полотенцами.

У Лены каждое утро эффект женской суматохи в масштабах вселенской катастрофы. С вечера она в обязательном порядке достаёт из плотно набитого рюкзака все вещи, а утром мужественно и упорно обратно укладывает. То ли это форма женского развлечения, то ли это приносит удовольствие, в котором женщины трудно себе отказать даже в наших экстремальных условиях.

Девять часов пути по горным дорогам. Несколько высоких перевалов. Дороги размыты. Размывы преодолеваем с трудом. В одном месте тяжёлая строительная техника разгребает завалы от сошедшего с гор грязевого потока. Пришлось немного подождать. Дважды пересекали горные потоки «вплавь».

При въезде в районный центр Сага (4280) – контрольный пост Китайской народной армии. Нас долго проверяли. Впрочем, серьёзно их интересовал только лама.

По несколько раз просмотрели его документы, перетрясли все вещи. Нашими вещами вообще не интересовались.

Сага – полувоенный населённый пункт. Большая площадь казарменных построек за отдельным забором. Похоже на то, что здесь расквартирован гарнизон Китайской народной армии. Кругом висят красные флаги и лозунги на красных кумачах. Рядом граница Индии и Непала.

От дикой тряски что-то поломалось в ступице правого переднего колеса. Сопровождающие нас тибетцы занялись ремонтом. Лама, оставшись в машине, прикрыв глаза, то ли задремал, то ли погрузился в медитацию, а мы с Леной прошли десятка полтора шагов по дороге и присели на большом валуне, с любопытством рассматривая красоту, казалось бы, совершенно пустынной долины и уникальную гряду белых вершин по обе стороны от дороги.

Буквально через несколько минут, неизвестно откуда взявшись, перед нами появились двое местных тибетца. Джип со снятым колесом и тибетцы, занятые работой, их совершенно не интересовали. Они сразу подошли к нам и, встав буквально в двух шагах, стали настырно нас рассматривать. Судя по всему, они впервые реально видели белых людей. Чувствовалось, они с трудом сдерживали желание потрогать нас. У одного из них, что постарше, на поясе висел кортик. У того, что помладше на шее, поверх плотной одежды находился железный амулет, инкрустированный камнями. Они стояли молча на неприлично близком расстоянии и в упор рассматривали нас. Удивительно, но искренность и добродушие от них исходившие нисколько не создавали дискомфорта.

Ремонт автомобиля затягивался. Я сходил к машине, взял свой блокнот с записями и, примостившись поудобней на валуне, начал записывать путевые заметки. Не успел я написать первые несколько слов, как тибетцы неожиданно активизировались – они подошли вплотную и, наклонившись, стали пристально смотреть на то, как я пишу. Через некоторое время тот что постарше молча забрал у меня блокнот, и они вдвоём с неподражаемым неподдельным интересом стали рассматривать мои записи. Изучение непонятной им письменности заняло какое-то время. Потом они опять же молча отдали блокнот и, низко наклонившись, стали наблюдать, как я делаю записи.

Около часа двое тибетцев стояли возле нас, не проронив ни слова и ни коим образом не выразив желания пойти на контакт.

Потом они также неожиданно исчезли, как и появились, будто растворившись в воздухе.

В последующем мы не раз сталкивались с этим удивительным «явлением природы». Стоит где-нибудь остановиться в горах или в долинах, где, как говорится, ни души вокруг и нет никаких следов присутствия людей, как сразу непонятно откуда появляются тибетцы.

В разговоре с ламой, после его вопроса, зачем я делаю столько много записей, я высказал предположение о возможности публикаций путевых заметок, своих мыслей, а так же наших диалогов с ламой. Лама сказал, что это очень хорошо. Он чувствует, что я правильно понимаю увиденное и происходящее, и если будут опубликованы записи, то это пойдёт на пользу всем. Я со своей стороны заверил ламу, если этот замысел дойдёт до реализации, то обязательно согласую текст публикации с ним.

«Долина одиноких барханов». Уникальное явление природы. Несколько десятков (это то, что увидели) огромных, высотой 15-20 метров песчаных барханов, стоящих на значительном расстоянии друг от друга. Удивляет не высота и размеры барханов, а то, что между ними находится огромная территория заболоченных пастбищ. Ярko-желтые песчаные подковы фантастично гармонируют с серо-голубым ландшафтом сильно заболоченной местности.

«Всё это так и было до 1959 года. Культурная революция этих мест не коснулась, поэтому так красиво», – прокомментировал Кальсанг.

В Долине одиноких барханов, немного не доезжая до места ночёвки, увидели большие круглые травяные пятна. На высоте более 4 000 метров, на пустынно-каменистой местности горного плато почти идеально ровными кругами растёт крупная сочная трава насыщенного зелёного цвета. Фото сделать тяжело, надо подниматься на гору – именно оттуда круги будут отчётливо видны. Нет времени, да и есть фотографии этих странных кругов у Мулдашева в книге, вдруг вспомнил я. «Как будто большие люки. Такое ощущение, что они вот сейчас откроются, и оттуда вылетит космический корабль», – сказала Лена.

Посёлок Парьян. Вечер, но солнце ещё высоко. Неожиданно круглая радуга вокруг солнца. При этом небо совершенно чистое. «Очень хорошо! Хороший знак!», – сказал лама, рассматривая радугу. Радуга, на которую очень трудно смотреть, но трудно оторваться от этой манящей красоты.

Прихватив с собой спальники, мы с Леной отправились ночевать на бархан. 3 километра от посёлка, в котором разместился базовый лагерь. Ночью сложно ориентироваться на местности. С трудом нашли бархан. Долго его «смотрели», «слушали», ходили вокруг него, поднимались наверх и выбрали место для ночлега внизу, недалеко от подножья бархана. Наверху спать невозможно – сильный ледяной ветер и слишком крутой уклон, ночью бы мы могли попросту сползти или скатиться вниз. Жуткое впечатление произвела чаша бархана – состояние тревоги, опасности.

Перед тем, как ложиться спать, мы сели на спальники немного помедитировать. Ночь. Красивый растущий месяц. Яркие звёзды и млечный путь, казалось бы нависший над горами. Воздух чистый, разряженный, высота более 4 000 метров. Как говорится – до неба рукой подать. Нереально яркое красивое небо с огромным количеством звёзд. Я и предположить не мог, что так много звёзд на нашем небе. Если на широте Москвы или Средней Волги на небосводе можно без труда найти Большую медведицу и Полярную звезду, то здесь на Тибете, я с трудом нашёл всем известное созвездие в огромном хаосе звёзд и созвездий.

На тёмном небе, градусов на тридцать в стороне от места, где зашло солнце, вертикально в небо поднималась световая дорожка, чем-то напоминающая лунную дорожку на воде. Свечение шло с той стороны, куда мы направлялись. Кайлас светится, подумал я. Свечение было явным и чем-то напоминало странный энергетический луч, поднимающийся от земли вертикально вверх.

Неожиданно началось необычайное природное явление. 8-10 раз – яркие вспышки на той стороне Долины одиноких барханов, у самого подножья белоснежных пиков Гималаев. Вспышки света были удивительно яркого белого цвета, словно гигантская мощная фотовспышка срабатывала на мгновение. Лишь одна вспышка была необычайно красивого зелёного цвета. После неё на небе появились в разных местах 4 искры того же зелёного цвета, слов-

но огромная праздничная петарда взорвалась за сотню километров от нас.

Когда мы рассказали об этих свечениях ламе, то он ответил, что никто ничего подобного в базовом лагере не видел и что все произошедшее хороший знак.

Вспышки никоим образом не походили на молнию ни по цвету, ни по форме (был точечный источник света), тем более была очень ясная звёздная ночь, на небе ни облачка.

Лама также сказал, что это хороший кармический знак для всех участников экспедиции.

На вопрос: «Что это?», Кальсанг ответил: « У нас на Тибете много разных непонятных явлений природы. Мы их не изучаем, принимаем все, как есть».

Легли в 23.30. Начал читать мантру. В полночь я услышал шаги. Было четкое ощущение, что где-то рядом, совсем близко, спокойным размеренным шагом идёт человек. Его шаги гулко отдавались в ночной тишине. Я открыл глаза. Яркий лунный свет хорошо освещал бархан. Перестал читать мантру, прислушался, шаги были совсем рядом. Вдруг возникло сильное чувство тревоги. Не опасности, а именно тревоги. Я расстегнул спальник, чтобы встать, когда человек подойдёт к нам. Прислушался, попытался понять, с какой стороны приближается человек. Шаги четко отдавались в мозге. Было ощущение, что они слышны отовсюду. Шаги прекратились также неожиданно, как и начались.

Утром я пошёл смотреть окрестности. Никаких следов на бархане, кроме наших, не было. Потом я вдруг понял, что на песке не слышны шаги. Ночью, когда я сидел и созерцал странное свечение со стороны Кайласа, Лена возвращаясь с прогулки по бархану, настолько тихо шла, что я обратил на неё внимание лишь тогда, когда она буквально неожиданно появилась передо мной. Мне же чётко слышались шаги идущего по твёрдому грунту. Где-то вдалеке паслись яки и овцы. Слышалось характерное для животных фырчанье и перезвон колокольчиков, что тибетцы подвешивают на шеи животных. Стало очевидным, что ночью никакое животное рядом не ходило.

Спросил Лену – она не слышала, хотя, так же как и я в это время ещё не спала.

Может, Дух этого бархана или этой местности приходил посмотреть на непрощенных гостей, потревоживших его своим присутствием и мантрами.

Ночь была очень холодной. Утром я долго стряхивал со спальных иней, толстым слоем осевший не только на спальные, но и на все наши вещи. Значит, было ниже «0».

Утром, сложив вещи, пешком вернулись в лагерь. Остальные участники экспедиции нас ждали и уже начали немного волноваться, так как мы пришли почти на час позже условленного времени.

Я как всегда принял ледяную ванну у колодца. Кальсанг доставал воду резиновыми «ведрами», сделанными из автомобильных камер и поливал на меня с головы до ног на радость и удивление местных жителей. Такого кретинизма они точно никогда не видели, оно им и в голову не могло прийти.

Увидели на одном из холмов довольно большой курган продолговатой формы, полностью собранный из черепов и рогов яков и коз, украшенный сверху разноцветными молевыми флажками. Здесь тысячи голов, подумал я, ни один год, не одно стадо. «Так здесь поклоняются и делают подношения Духу местности», — прокомментировал Кальсанг. Я решил на обратной дороге обязательно сходить на этот холм, посмотреть поближе курган, сфотографировать его.

Дорога неуклонно идёт вверх. Слева весь горизонт в белоснежных вершинах, словно белоснежные зубы благородного дракона — защитника Тибета.

Остановились у палаточного городка кочевников и пастухов. Тибетские женщины напоили нас «чаем». Такой странной жидкости я не пил никогда. Серо-зелёная мутная масса, очень солёная, но пить приятно. Сделал фото очень красивой молодой тибетки с длинными волосами, заплетёнными в косички и подвязанными к поясу, чтоб не пачкать их о землю. Она долго не соглашалась выйти из палатки и сфотографироваться. Кальсанг с водителем проявили напористость, почти вытолкнув её наружу, предварительно получив согласие у старой тибетской женщины, которая была рядом.

Пока пили «чай» лама поинтересовался нашим самочувствием. Узнав, что у меня и у Лены болит голова, настоятельно посоветовал съесть один злополучный шарик.

Примерно за 100 километров до Кайласа нас остановил таможенно-пограничный пост Китайской народной армии. Опять повышенный интерес к ламе, тщательная проверка его документов,

перетрясли, просмотрели его вещи. На наши физиономии даже не посмотрели, без вопросов вернув Кальсангу наши паспорта.

Кайлас. Кора (священный обход горы).

Навстречу нам идут бонцы – тибетцы, исповедующие древнюю буддистскую языческую религию. Идут навстречу, потому что осуществляют священный обход Кайласа против часовой стрелки. Идут легко, подпрыгивающе-летающей походкой, улыбаются, светятся все изнутри. Они обходят Кайлас за один день. Мне кажется это нереальным, невероятным. С некоторыми лама, усевшись на камень, о чем-то беседует. Лама сказал, что в старые времена буддисты и бонцы при встрече во время коры, садились на камень и устраивали дискуссии, пытаясь убедить друг друга в правоте именно своих религиозных воззрений, в силе и могуществе именно своих богов. Итог дискуссии мог быть только один – кто-то кого-то должен был переубедить и, поднявшись с камня, они должны были продолжить путь вместе, в одну сторону.

У некоторых бонцев из дёсен течёт кровь. Тогда подумал, что из-за высокогорья и больших физических нагрузок кровоточат дёсны. Только потом, на второй день коры, я узнал истинную причину. На высоте 5 300 метров находится огромное «кладбище», место, где всякий приходящий сюда тибетец оставляет принадлежащую ему вещь, делает ранку на теле, как правило на десне, чтобы оставить свою кровь на этом месте. Так же сюда, к подножью Кайласа, в город Богов приносят вещи умерших людей. Тибетцы искренне верят, что таким образом помогают душам умерших людей подняться выше, а значит, помогают им реинкарнироваться в будущем в лучшую жизнь.

Начало третьего дня коры. С утра сырая промозглая погода. Всё затянуло облаками. Перевал, с которого вчера спустились, исчез в белой пелене. Там идёт снег, подумал я, а значит пройти его очень сложно, а может и невозможно. Я сходил на реку, искупался в бурной ледяной воде. Сразу стало тепло, появился заряд бодрости, настроение улучшилось. Находясь у реки, понял, что ночь мы провели в облаке. Дымка ещё не до конца развеялась, все кругом было мокрым как после дождя.

Пещера Миларепы. Удивительное место. По моей просьбе лама сделал ритуал освещения некоторых вещей и камней, что я собрал по дороге. Отнесся к моей просьбе очень серьёзно.

Я выйду отсюда другим человеком.

Я плачу сердцем в пещере Миларепы. Я осознаю, что всех люблю. Это так меня переполняет, что я плачу. Это чистая любовь. У неё нет объекта. Проходят образы близких людей. Это чистая радость, которая переполняет и возносит.

Выйдя из пещеры, я почувствовал невероятную лёгкость. Как будто некий груз свалился с сердца. Сердце открылось, задышало. Я пошёл, пошёл быстро, легко. С каждым шагом я чувствовал, как в меня мощнейшим потоком входит энергия. Она подбрасывала меня. В какой-то момент осознал, что иду той самой приплясывающей походкой бонцев и тибетцев, что на лице моём беспричинная улыбка, мне необычайно хорошо, хочется петь, читать мантры. Краем глаза и крупными сознанием я понимал, что очень быстро ухожу вперед от моих спутников и мне не хочется останавливаться и ждать, потому как не хочется прерывать этот блаженный полет. Я постепенно нагнал и обогнал две группы тибетцев, чем вызвал у них реакцию удивления и уважения. Я был подобен им и этим был им близок.

Остановился после одного из подъемов, когда понял, что слишком далеко оторвался от экспедиции. Присел, разделся, сфотографировал местность, сделал записи в тетрадке. Попытался подзвать к себе собаку, что с некоторых пор меня сопровождала на расстоянии. Не получилось. Видимо я зашёл на её территорию, и она меня охраняла.

Через некоторое время появилась Лена. Присела, поболтали. Потом (минут через 15) в гору поднялся сильно уставший лама. Долго ждали Кальсанга.

Я потом прикинул пройденное расстояние – километров 7-8. Весь день состояние полёта не покидало меня. Необычайно приятная треть пути. В Дарчен я вернулся в приподнятом настроении, совершенно не уставшим. Было даже лёгкое сожаление, что путь так быстро закончился.

Нет ничего вкусней и полезней талой воды Кайласа. Сходи и попробуй. Лучшее лекарство от всех болезней, физических и духовных. Её нельзя привезти. Её надо пить на месте.

Энергетика пожертвования – отдавая, совершая благой поступок. Акт не материальный, акт духовный.

Мы приходим из Пустоты и уходим в Пустоту.

Не надо задавать вопрос, что первично: Курица или Яйцо. Первична Пустота, она не имеет ни начала, ни конца, а в ней и Курица и Яйцо, и прошлое наше и будущее.

Владимир Высоцкий: «Хорошую религию придумали индусы, они, отдав концы, не умирают насовсем...»

Он был в горах. «Вертикаль». О том, что не запало в душу, не вспоминают. Спокойные старцы в горах, без суеты и страха на закате жизни.

Отчего он ушёл, отчего наркотики и алкоголь, отчего хотел изменить своё сознание. Надорвалось Эго?

Внешне да. На самом деле нет. Славы народной было предостаточно, признание власти его не грело. Что хотела душа увидеть, сказать, почему бежал от сознания? Что он черпал там, в забытии?

Есть Я – внутреннее. Есть Я – внешнее.

Внутреннее – это ты, это Будда внутри тебя, твоя Душа, твоя Совесть. Это Рай внутри тебя. Возвышение над собой.

Внешнее – это Эго, это природа греха, твой Ад. Возвышение над людьми.

Твоё Эго находится в постоянном конфликте с твоей Совестью.

Ты на кого-то накричал, обидел. Твоя Совесть мучается, страдает. Помоги ей, помоги Себе. Надо извиниться, и тогда твоя Совесть, твое внутреннее Я успокоится. Но тогда ты унизишь своё внешнее Я – Эго. Внешнему Я кажется, что, прося прощение, признавая свою неправоту, ты унижаешь себя.

Очень часто понимая свою неправоту в каком-то поступке, не признают её, боясь тем самым ущемить свою Гордыню. Находя для этого множество объяснений неправоты, пытаясь её оправдать или ещё хуже – превратить в праведный достойный поступок. Эго победило Совесть. Ты убил в себе Будду.

Глядя на тибетских паломников, постоянно делающих подношения, делающих это искренне, а не по принуждению, несмотря на свою бедность, я в который раз осознал – не жди, когда у тебя что-то заберёт Бог, научись отдавать сам. Причем, не просто отдавать, а делать это искренне, от всего сердца, получая при этом громадное удовольствие.

Власть, слава, богатство эфемерны. Физическое существова-

ние может быть прекращено в любой момент. Твоя Душа в этом не нуждается. Это нельзя передать детям, их Душа тоже в этом не нуждается. Это принадлежит только твоему бrenному телу. Отблики славы и богатства родителей часто слепят сердца детей. Лишь твоя Душа, ушедшая чистой на небеса делает их жизнь счастливой.

Журнал «Лехаим». Орган Федерации Еврейских общин.
Маркус Леман. Рабби Шмуэл а-Нагид. (Исторический роман)
«Душа не больше чем гость в человеческом теле и в конце концов должна будет его покинуть». «Душа ведь дарована человеку навеки».

Иудаизм, как впрочем и католицизм, и православное христианство не отвергают, а точнее даже признают реинкарнацию, вот только почему-то предпочитают об этом молчать.

Монахи, взявшие обет безбрачия. Они есть в католицизме, в православном христианстве, они есть в буддизме.

Плоть укротить невозможно, одно из мощнейших сил Природы.

Человеку, ограничивающему себя в еде, снятся постоянно гастрономические сны. Спросите у любого, кто по какой-либо причине голодал.

Человеку, ограничивающему себя в воде, снится вода, снится процесс потребления воды.

Бросившему курить постоянно снятся сигареты, во рту долго, годами, сохраняется вкус табака, сигаретного дыма.

Человеку, ограничивающему себя в сексе, снятся эротические сны. Они заставляют его в фантазиях заниматься сексом, они не дают ему спать, они днём возвращают постоянно к этой мысли при виде проходящей мимо женщины, при чтении книг, да и просто без повода, а лишь потому, что тесное бельё или банальная физиологическая потребность посетить туалет напоминает о существовании плоти.

Христианский монах – не медитирующий, не практикующий монах, обречен на грех. Его постоянно одолевает дьявол, как правило, в женском обликии, побуждая к сексуальной связи, к совокуплению и ласкам.

И в конце концов человек не выдерживает. Он обнаруживает утром на простыне следы своего ночного греха или он постоянно занимается онанизмом, успокаивая себя, что это не женщина,

это не грех, или он имеет тайную связь с женщиной, или его влекут гомосексуальные связи, или он попросту сходит с ума.

Буддистский монах – практикующий монах. Он может войти в состояние паузы, в состояние соматхи, когда душа выходит из тела, путешествует, общается с другими мирами, он имеет другое удовольствие, не сравнимое по масштабу с сексуальным, у него есть другой вариант выхода энергии, не через секс. Более того – секс мешает этому, занятия сексом привели бы к потере столь необходимой для практик энергии. Секс ему не нужен.

То, что слышал сердцем, головой (умом) не поймёшь.

В каждом есть дуализм. Дуализм создает целостность. Будучи целостным, ты являешься инь или янь другого целостного.

Кайлас – священное место для всех людей, исповедующих индуизм и буддизм. У индусов на Кайласе находится бог Шива, у буддистов – Демчо.

В Кайласе заложен дуализм. Рваная трещина посередине делит его на мужское (символ просветления) и женское (путь к просветлению) начала. Мужское и женское начала Кайласа порождают Малый Кайлас. Малый Кайлас также разделён пополам трещиной.

У ламы также есть ощущение наличия Города Богов. Он чувствует их присутствие.

Всю ночь лил дождь. Прекращаясь на время, он с новой силой возобновлялся, сопровождаемый сильным порывистым ветром. Ночью несколько раз просыпался. Расстёгиваешь изнутри спальник, достаёшь руки и шаришь вокруг себя – нет ли воды, не поплыл ли. Ближе к утру пришлось вставать. Сильный ветер вырвал одну из дуг на входе в палатку и освободившийся полог начал с шумом биться о землю. Пока закреплял дугу, промок. В палатке на входе образовалась лужа. Отодвинул спальник подальше от входа и снова лёг спать.

Только утром обнаружил, что промок один из углов палатки. Спальник в районе ног намок от просочившейся влаги.

В 11 дня выезжаем в обратную дорогу. Кайлас полностью закрыт грозовыми облаками. Там дождь.

Подъехали к тому месту, откуда впервые увидели Кайлас. Как и пять дней назад сделали ритуальный круг, вышли из машины. Каждый о своём поговорил с невидимым Кайласом. Помолились, поблагодарили, попросили.

Только не было ламы. Какая-то вселенская печаль одолела всех. Вчерашнее настроение продолжало жить в наших душах. Как странно все. Мы возвращаемся домой, а ощущение что покидаем нечто важное, родное, без чего уже не сможем жить.

В горах выпал снег. Даже не высокие горы, что относительно в условиях Гималаев, когда для тебя равниной является высота 4000 метров, покрыты снегом. Это значит перевал на Кайласе в снегу. Очень опасный перевал. Наверняка паломники ждут, когда растает снег, или возвращаются назад, не пройдя коры.

На обед остановились в той палатке, где делали фото красивой тибетки с длинными волосами. Она нас узнала. Поинтересовалась, как прошли кору, сколько раз. Я показал фото Кайласа на цифровом фотоаппарате. Они с напарницей преклонились в модельной позе перед Кайласом, потом взяли фотоаппарат поднесли его ко лбу, прочитали мантру.

«Несмотря на Культурную революцию, волосы у тибетских женщин очень хорошие», – прокомментировал Кальсанг наши восхищения волосами молодой тибетки.

При подъезде к месту базирования пошел сфотографировать курган, сооруженный из ячьих черепов и рогов. Курган сооружен на небольшом пригорке, недалеко от дороги. Самым удивительным оказался сам пригорок – небольшой холм высотой метров тридцать – сорок. Создалось впечатление, что холм образовался из вулканической лавы серо-голубого цвета или в результате некоего природного явления поверхности земли в данном месте оплавилась этой серо-голубой каменной коркой. Оплавленные камни уникальны, их поверхность покрыта красивым узором.

Я собрал около десятка этих уникальных камней. Показал местным жителям. Они удивлённо рассматривали камни. Даже для них, проживших здесь всю жизнь, это было нечто невероятное. Я спросил: «Что это?». Они признались, что не знают и видят подобные камни впервые. Один из них жестами показал, что это вулкан, вулканическая порода или по-другому говоря, камни имеют не земное, а «подземное» происхождение. Было видно, что

это всего лишь версия, некая попытка разумно объяснить увиденное. Другой показал на небо, видимо, предполагая космическое происхождение находки. Камни оказались мягкой породы, по твердости напоминали мел или известняк. Я начал активно тереть камни друг о друга. Они стали разрушаться – белый порошок посыпался на землю.

Курган из черепов, по мнению Кальсанга, создан местными жителями в честь поклонения какому-то местному божеству или духу. Он посещаем. Есть место, куда складываются священные тексты на каменных табличках, очень много разноцветных модельных флажков.

– Кальсанг, где у вас тут туалет?

– Весь Тибет туалет.

У местных жителей нет необходимости в специально отведенных местах для справления естественных надобностей. Делают они это не стесняясь, открыто, там, где и когда приспичит. Раза два, проходя по тибетским селениям, наблюдал в нескольких шагах от себя присевших по нужде женщин.

Утро. Дождя нет, но пасмурно. Сыростью пропитано все: постель, одежда на теле, вещи. Ночевали в каменных каморках на земле. Это у них называется кемпингом. Внутри, как и на улице, только что дождик на голову не капает. Лена спала в спальнике на кровати, накрывшись сверху одеялом. С холодом легче бороться, чем с сыростью.

Вода – колодец во дворе. Я как всегда попросил Кальсанга полить на меня, раздевшись до плавок. Местные жители с интересом наблюдали за этой процедурой.

Туалет в самом углу двора – два помещения без крыши и дверей со стенами чуть выше пояса. Так что не скучно – можно не только свободно общаться с соседкой, но и поинтересоваться, что она там делает, слегка приподнявшись.

Сами тибетцы этим туалетом не пользуются. Для них «весь Тибет туалет».

Сделать женщину женщиной – это великая миссия мужчин.

Мужчины воспринимают женщину либо головой, либо мошонкой. Потребительское отношение в первом случае – помой, постирай, накорми, убери. И сплошная похоть во втором.

Женщину надо воспринимать сердцем.

Слова Далай-ламы, удивительные по красоте и содержанию:

Take time to work –
It is the price of success;
Take time to meditate –
It is the price of power;
Take time to play –
It is the secret perpetual youth;
Take time to read –
It is the way to knowledge;
Take time to be friendly –
It is the road to happiness;
Take time to laugh –
It is the music of the soul;
Most importantly –
Take time to love and be loved.

Найди время для работы –
Это цена успеха;
Найди время для медитации –
Это цена власти;
Найди время для игры –
В этом секрет вечной юности;
Найди время для чтения –
Это путь к знаниям;
Найди время для дружбы –
Это дорога к счастью;
Найди время для смеха –
Это музыка для души;
Самое важное –
Найти время для любви и быть любимым.

Камень холоднее льда. Зарывшись в снег, можно спастись от холода, спрятавшись в холодных камнях, ты замёрзнешь ещё больше. Вода не бывает холоднее 2-3 градусов по Цельсию. Лед имеет стабильную температуру чуть ниже нуля. Вода быстро берёт и быстро отдаёт тепло, активно адаптируясь с внешней средой. Камень долго держит холод. Яркое светит дневное солнце, согревая и пробуждая все в округе. Лишь камень остается холодным, долго храня холод ночи.

Все боятся свободы. Свободный человек – нагой человек, незащищённый, открытый. У него нет рамок: ни внутренних, ни внешних, он их не приемлет.

Быть свободным – значит быть открытым.

Брак, семья – одна из известных и распространенных форм ограничения свободы. Отсюда и фраза – «узы брака». Семья во многом порождает ответственность и обязательства.

Свобода это не только отсутствие обязательств, но и отсутствие прав.

Астрология. Планеты одинаковы для всех. Планеты говорят – неординарный человек, стремящийся вырваться за рамки обыденности. Вопрос лишь в том, как будет реализован этот «приговор». Наркоман и просветленный – это два человека, вырвавшиеся за рамки обыденной жизни, только в разные стороны.

Страдания, лишения и боль учат гораздо сильнее, чем доброта, достаток и сострадание. Они помогают нам заглянуть в себя, найти и активизировать то, что находится вне нашей плоти, вне нашего сознания.

У Фаины Раневской сказано:

«Сострадание – это страшная, необузданная страсть, которую испытывают немногие. Покарал меня Бог таким недугом».

У Федора Достоевского есть мысль о том, что если ты сделал добро и тебя распирает от важности и гордости за совершённый поступок, то это не был добрый поступок.

Любовь и привязанность, сострадание и жалость.

Только обладая чистым сердцем и ясным взглядом можно увидеть разницу между этими чувствами.

За три дня коры вокруг Кайласа мы очень мало разговаривали. Наше общение сводилось всего к нескольким словам: «Таши-дыле, хорошо, чиомаре...»

Мы прекрасно понимали друг друга без слов, слова были лишними. Видимо, происходило нечто такое, что нельзя было передать словами, да и не было смысла об этом говорить. Всё было понятным. Между нами возникла некая связь. Всё было пропитано любовью и единением. Мы превратились в единое целое. Молчание было больше и глубже любых слов. Иногда были жесты. Просто поднятая рука согласия или улыбка, как ответ на вопросительный или указывающий на что-то взгляд. Иногда просто «чиомаре» на предложение принять ту или иную пищу. Или просто «хорошо» на взгляд, приглашающий продолжить поход после короткой передышки. И в этом «хорошо» было так много всего – и согласие, и оценка своего физического самочувствия, и характеристика своего душевного состояния и многое другое.

Второй день на Мансараваре. Погода временно улучшилась. Провалившийся дождь приостановился, и даже на какой-то момент выглянуло солнышко. Мы вчетвером гуляли по берегу озера. Лама посмотрел на меня тем взглядом, который я несколько раз ловил на себе за последнее время. Я ответил ему так же, как и отвечал раньше. Он спросил, не отрывая взгляд:

– Ты меня осуждаешь?

– Нет, не понимаю.

– Ты считаешь, что я неправильно поступаю?

– Я не понимаю, поэтому не могу судить.

– Я бы хотел с тобою поговорить на эти темы.

– Вы о чем говорите? – почти одновременно удивились Лена и Кальсанг, переводившие одним нам понятный диалог.

У каждого свой Путь. Если ты выбрал цель гнаться за другим, то это не твой путь. Это путь того, за которым ты пытаешься угнаться. Найди свой Путь.

Нет такой цели, которую ты не можешь достичь. Главное захотеть и пойти. Если цель недостижима, то либо это ложный путь, ложная цель, либо это не твоя цель, это не твой путь.

Под основанием христианства сегодня заложены две бомбы, готовые взорваться в любую минуту. Это отвержение теории реинкарнации и догма о Христе как о Боге, отвергающая его человеческую природу.

Шераб – красивый, постоянно улыбающийся слегка виноватой улыбкой, тибетский парень. Являясь руководителем им же созданного туристско-экспедиционного агентства в Лхасе, он полностью обеспечивает всем необходимым экспедиции, отправляющиеся на Тибет. Много лет назад, начав свою трудовую биографию в качестве проводника, он заслужил признание и доверие к себе и сегодня считается очень надёжным, профессиональным человеком, что крайне важно, когда вопрос стоит об организации сложных многодневных экспедиций в условиях высокогорного, оккупированного китайцами Тибета. Шераб страшно обрадовался, когда узнал об участии ламы в экспедиции и наотрез отказался включить в счет какие-либо расходы, с этим связанные. Это было оговорено им сразу же: «За участие ламы я денег не возьму. Лама поедет бесплатно». Для него отправить ламу в экспедицию за свой счёт означает совершить благой поступок, то же самое, что сделать подношение Будде в монастыре. Справедливости ради надо сказать, что я вообще не припомню случая, чтобы местные жители брали с ламы деньги за оказанные услуги, происходило, как правило, обратное – они постоянно подносили ламе деньги.

На второй день после приезда в Лхасу, утром, за завтраком, мы обсуждали детали экспедиции, уточняли маршрут, места и усло-

вия ночевки, наличие разрешительных документов и прочие мелочи. Мы заказали некое подобие нашей яичницы. Шераб попросил принести себе ласси, местный кисломолочный напиток, нечто среднее между кефиром и простоквашей, в который добавляют истолчённые фрукты.

Отпив немного заказанного бананового ласси, Шераб начал было что-то объяснять нам, как вдруг невесть откуда взявшаяся муха спикировала в стакан с напитком. Прервав неожиданно беседу, Шераб начал помогать мухе выбираться из стакана. Сначала он наклонил стакан таким образом, чтобы муха, барахтаясь, могла подплыть к краю стакана. Как только ей это удалось, Шераб поставил стакан вертикально, поднёс к нему салфетку, другой салфеткой начал подталкивать мокрую со слившимися крыльями муху, помогая перебраться с края стакана на сухую бумажную поверхность. Оказавшись на сухой салфетке, насекомое, казалось бы, было спасено, но слипшаяся молочная масса не стекла с крыльев и муха как ни пыталась, так и не могла взлететь. Тогда Шераб стал аккуратно уголком второй салфетки счищать ласси с её крыльев. Делал он это крайне бережно и аккуратно, чтобы не повредить насекомое. Наконец, крылья очистились, и муха с трудом смогла подняться в воздух. Шераб удовлетворённо улыбнулся, провожая её взглядом. И только убедившись, что с ней всё нормально, он вернулся к обсуждению наших проблем.

Буддисты считают, что оказать помощь или спасти жизнь любому живому существу, будь то человек или животное – это значит совершить благой поступок. Совершение благих поступков улучшает карму, а значит, благоприятно отразится на их жизни, жизни их детей, следующей жизни после перерождения.

Горные яки – животные, без которых тибетцы не смогли бы выжить в суровых условиях тибетского высокогорья. Это шерсть, это молоко, это мясо, это топливо, это главное транспортное средство Тибета.

Яки, в отличие от коров, пугливы и не столь любопытны. Очень смешные и забавные. Глядя на них, постоянно улыбаешься. Высокогорные яки явно отличаются от равнинных. Низкие, со свисающими на брюхе клоками шерсти, они, большой плоской мордой, словно газонокосилкой, срезают низкорослую и очень жёсткую высокогорную траву. Каждую свободную минуту газонокосилка включается в работу, оставляя после себя идеальную, «под ноль» стрижку, и без того скудной растительности.

Горные яки менее эмоциональны равнинных собратьев, ведут себя удивительно мудро. На узкой горной тропе они порою разумнее людей, могут при необходимости сделать два-три шага в сторону, уступив дорогу встречному или обгоняющему их человеку, могут идти в цепочке, совершенно не нарушая ритма движения. Но, если есть такая возможность, предпочитают идти отдельно от людей, своей тропой.

Яки обладают потрясающей способностью лазить по горным кручам. Порой на подъёмах и спусках они с грузом идут там, где человек без альпинистской подготовки не пройдёт.

Уникальны местные горные овцы. Это крайне выносливые, в отличие от яков – быстрые, очень шустрые животные. Очень интересно описал Гурджиев в своей книге «Встречи с замечательными людьми» повадки, а главное, роль и значение этих животных в жизни местных жителей и путешественников по Гималаям. Пасутся овцы стадами на горных, порою почти отвесных склонах. То ли трава там растёт какая-то особая, то ли тело их так устроено, что на крутых склонах им удобнее перемещаться. В любом случае их маниакальное стремление залезть куда повыше и отвеснее удивительно совпадает с желанием местных жителей держать их подальше от культурных насаждений, высаживаемых маленькими полянками везде, где только возможно, на небольших ровных террасах.

Тибетские водители, заведя вдалеке мирно пасущееся стадо горных овец, начинают заранее нажимать на клаксон, предупреждая о своём приближении. Сначала овцы не обращают на это никакого внимания. Потом, дружно перестав есть траву и подняв головы, начинают прислушиваться и напряжённо куда-то всматриваться. Это только потом я осознал, что прислушиваются и смотрят они не на приближающуюся машину, а исключительно друг на друга. И вдруг, в последний момент у овцы, находящейся ближе всех к дороге, не выдерживают нервы и она, повинаясь одному ей только понятному инстинкту самосохранения, вместо того чтобы бежать прочь от дороги, бросается под колёса автомобиля, пытаясь перебежать на противоположную сторону. Всё стадо до последней овцы выходит из состояния ступора и, сносая всё на своём пути, кидается за ней. Приходится резко притормаживать или даже останавливать автомобиль, чтобы пропустить этот неожиданный живой поток.

Наблюдая за поведением овец, я увидел в них наших женщин,

посещающих супермаркеты. Сами не зная, чего им нужно, они бесцельно часами шляются по торговому центру. Движимые непонятной разумному существу логикой, они создают настоящий хаос и беспредметную суету, рассматривая, ощупывая, а порою и примеряя все, что попадаетея им на глаза. Но стоит где-нибудь собраться более трёх женщин или появиться небольшой очереди, как, движимая необъяснимым инстинктом, огромная, бесцельно шляющаяся женская масса, мгновенно, круша и ломая всё на своём пути, оказывается именно в этом месте.

Наблюдая за поведением коров, я увидел в них наших мужиков. Вальяжные бездельники, с одним лишь желанием в голове: как следует попить и поесть. К тому же страшно тяжёлые на подъём, если вдруг их попросят чем-нибудь полезным заняться. И лишь угроза собственного существования заставляет их быть до неприличия шустрыми.

Когда едешь по горной дороге, то можешь наткнуться на беспечно лежащего бычка посередине трассы. И все намёки сигналами побудить его покинуть неожиданное место отдыха ни к чему не приводят. Он в лучшем случае повернёт к тебе голову и то больше из любопытства. Но стоит колёсами или бампером слегка коснуться его, как это безучастное ленивое животное в мгновение подлетает в воздух и уносится вдаль со скоростью трепетной лани.

Проезжаем мимо одной горной деревушки из 5-6 домиков. У дороги сидит старый тибетец. Увидев машину он высунул язык. Итак, слегка покачивая головой с высунутым языком, взглядом сопровождая движение машины, он сидел, пока мы не проехали мимо.

В старые времена, когда в Тибете господствовала языческая религия бон-по, использовалось много чёрной магии, когда страшной стали руководить цари, проповедующие буддизм, они начали бороться с чёрной магией. Один царь велел стражникам ходить и проверять, кто занимался чёрной магией, у того язык чёрный. Так можно было быстро обнаружить колдунов и уничтожить их. Сегодня местные жители, доставая и показывая язык ламе, как бы говорят о себе, что они хорошие люди, что с ними можно иметь дело.

Любить себя это не значит быть эгоистом, это означает жить в

согласии со своей совестью, жить осознанно. Пытаясь удовлетворить своё эго, мы очень часто совершаем грех.

Чревоугодие – форма вещизма и здесь есть две нравственные категории: достаточность и нуждаемость. Им противостоит желание.

Нарциссизм – это гордыня. Вещизм – тоже гордыня. Главная цель людей, покупающих лучший авто, лучший дом, лучшие шмотки, чем у себе подобных в округе, – вызвать чувство восхищения и зависти к тебе у окружающих. Чужая зависть и восхищение «возвышает» тебя над другими, кормят твою гордыню.

Удивительно прожорлив грех. Он питается как чужими пороками, так и чужими добродетелями. Чужая зависть – это порок. Зависть злобна, эгоистична, порождена ущемлённой гордыней. Восхищение – чувство радости за кого-то, хорошее, доброе, светлое чувство. Истоки его в доброте.

В Лхасе, в последний день перед отъездом в экспедицию, мы решили посетить ресторан.

Нашли внешне самый яркий китайский ресторан. В фойе мы увидели большой аквариум с живой рыбой.

Подали меню. Лама и Дордже стали внимательно его изучать.

Уставшая от однообразно своеобразной тибетской пищи, Лена попросила:

– Можно рыбу?

После долгих, детальных консультаций с официантом, они вежливо предложили:

– Рыба живая, её убивать нехорошо. Закажи что-нибудь другое.

– Ну, тогда может у них есть мёртвая курица? – Лена была слегка разочарована.

– Есть, – ответили они вполне серьёзно, опять же предварительно посоветовавшись с официантом.

Курица, что принесли в супе, действительно умерла своей смертью – одна резиновая шкура да старые коричневые кости плавали в мутной жидкости с небольшим количеством домашней лапши.

Озеро Лхамо Лацо. На этом высокогорном озере живёт Палден Лхамо – одно из самых почитаемых женских божеств в Тибете.

Она считается покровительницей Лхасы. Также она является защитницей и покровительницей Далай-ламы и возглавляемой им школы гелуг.

Тибетские ламы и просто тибетцы-паломники приходят на озеро, которое является святыней для буддистов, получить благословение Палден Лхамо, которая исцеляет от всех болезней, оберегает людей от злых духов, от всех внешних врагов, несчастий и напастей. А также они надеются, что озеро покажет им будущее или ответит на важные вопросы выбора жизненного пути.

Лама рассказал, что сюда приходят высокие ламы, руководители трёх главных монастырей и учителя Далай-ламы, смотреть, где реинкарнировался Далай-лама и Панчен-лама. Астрологически выбирается дата, когда это лучше делать. В эти дни на гребень горы, откуда происходит созерцание, не пускают других людей.

В своей книге «Моя страна и мой народ» Далай-лама 14-й рассказывает, как после смерти Далай-ламы 13-й назначенный регент в 1935 году с целью обнаружения перерожденца отправился к священному озеру Лхамо Лацо. Несколько дней он провёл в молитвах и созерцании, пока не увидел на поверхности озера три тибетские буквы: А, КА, МА, а также видение монастыря с нефритово-зелёными и золотыми крышами и дома с лазурной плиткой на крыше. Увиденные буквы расшифровывали название местности и монастыря, где следовало искать перерожденца. Монастырь действительно имел нефритово-зелёные и золотые крыши, а в доме с лазурной крышей был обнаружен мальчик двух лет. Этого мальчика подвергли определённым проверкам и испытаниям, по результатам которых в нем признали реинкарнацию Далай-ламы.

По преданию, сами Далай-ламы приходят сюда смотреть. На гребне горы, с которой смотрят на поверхность озера, есть трон Далай-ламы. Но 14-й Далай-лама сам никогда не говорил о том, что он посещал озеро Лхамо Лацо, и в его биографии нет упоминания об этом. Возможно, это связано с политическими событиями, происходившими в Тибете в 40-50 годах прошлого века и вынужденной необходимостью Далай-ламы покинуть страну в 1959 году.

Дорога на озеро оказалась долгой и нелёгкой. Большая часть пути проходила по высокогорному серпантину в облаках. На узкой, каменистой, мокрой дороге мы с трудом разъезжались со встречными автомобилями, изредка вынырывающими навстре-

чу из белой пелены сплошной облачности. Более 12 часов такого пути вымотали всех изрядно, и физически, и эмоционально.

Лама сказал: «Хорошо, что добираемся до озера с трудностями: озеро не любит случайных людей». Он уже дважды был на Лхамо-Лацо. Оба раза путь на озеро был трудным и опасным. Особенно тяжёлой выдалась дорога в первый раз. Лама тогда добирался до озера пешком в течение двух месяцев. В дороге он замерзал от холода, голодал, и в какой-то момент ему казалось, что не сможет дойти. Но, пережив все испытания и дойдя до озера, он был вознаграждён тем, что озеро ответило на вопросы, которые его мучили, помогло определиться в правильности выбора жизненного пути.

Он тогда стоял перед выбором: оставаться преподавать в монастыре и посвятить этому всю жизнь или уйти в ретрит, в пещеру, на многие месяцы практиковать учение. Он смотрел на озеро, и там, словно в телевизоре, ему показали место, где сидеть в ретрите. Потом Далай-лама при личной встрече подтвердил правильность выбранного пути.

В следующий раз одной из картин была деревня, разрушенная потоком. Когда возвращался, проходил через эту деревню. Рассказал о своём видении. Пошёл дальше, но начавшиеся сильные дожди не позволили продолжать путь: дороги были размыты. Пришлось вернуться назад, в деревню. Но теперь он увидел разрушенные дома и постройки, пострадавшие от сильного горного потока. Жители прониклись к нему большим уважением и просили его остаться медитировать. Он остался на несколько дней, пока не восстановились дороги, и можно было продолжать путь.

В первое посещение озера лама понял не больше 6 процентов увиденного, во время второго процентов 20. Так же он сказал, что, возможно, на озере будут люди – это не очень хорошо. Плохо смотреть, когда много людей.

Теперь, перед тем как отправиться в многомесячный ретрит, он тоже собирается смотреть место, где медитировать. Мне показалось, что у ламы было ещё много важных вопросов, на которые было необходимо получить ответ.

Он сказал также, что если мы что-нибудь увидим, он будет счастлив, это очень хороший знак на будущее и это будет означать, что наши совместные поездки и долгие беседы дают хорошие результаты.

Лама также пояснил, что во время пребывания на озере надо делать практику Палден Лхамо (начитывать мантру). Будет большое благословение.

Не доезжая несколько километров до озера, высоко в горах, мы увидели развалины древнего монастыря, основанного 2-м Далай-ламой (1476 – 1542). Очередной «памятник» китайской Культурной революции. Местные жители восстановили в нём два небольших помещения, где иногда находят приют паломники, идущие к озеру.

Когда подъехали к озеру, лама, заметив стоявших невдалеке двух местных жителей, подошёл к ним и о чем-то начал расспрашивать. Тибетцы рассказали, что два дня люди на озере ничего не видели. «Это хорошо, – прокомментировал их слова лама. – Это хороший знак. А ещё там сейчас нет людей – это тоже хорошо. Пойдёмте к озеру».

Мы находились на высоте около 5 000 метров. Накануне выпал снег, и земля местами была покрыта удивительно чистым искрящимся на солнце снегом. Нам предстоял подъем метров на 300, на вершину горного хребта. Пошли налегке, только я прихватил с собой лёгкий рюкзак, положив туда, кроме всего прочего, спальник на минус 9. Преодолев метров 100 подъёма, мы увидели, как внизу подъехали две тракторные тележки с местными жителями. Лама сказал, что это паломники приехали на озеро и нам надо поспешить, чтобы занять получше места и попробовать посмотреть на озеро, пока туда не пришли паломники. Их было много, человек пятнадцать. Это слегка расстроило ламу, он считал, что лишние люди на озере будут «фонить», а значит мешать созерцанию. На середине подъёма я стал выдыхаться. Дыхание сбилось, и через каждые 20-30 шагов приходилось останавливаться, отдыхать. Несколько молодых тибетцев постепенно нагнали меня. Почти все, обгоняя, предложили помочь нести рюкзак. Очень вежливые, улыбчивые люди.

Вершина горного хребта, представляющая собой огромное нагромождение больших плоских камней, была украшена большим количеством разноцветных моленных флажков.

По вершине хребта мы прошли немного в сторону, подальше от дружной компании тибетских паломников. Далеко внизу, в горной лощине, находилось священное Лхамо Лацо, внешне совершенно обыкновенное, небольшое горное озеро.

Пошёл снег. Мы на вершине – спрятаться и укрыться негде. Гребень шириной 1-2 метра, а дальше по обе стороны достаточно крутой спуск. Ветер усилился и временами становится опасным настолько, что мы стараемся не стоять, потому что порывы ветра буквально сбивают с ног. Стало морозно. Снег превратился в не-

большие острые льдинки. Они словно маленькие осколки стекла, больно бьют по лицу.

Несмотря на теплую одежду, холодный ветер пробирает насквозь. Лама, расположившись между камней, продолжает невозмутимо смотреть на озеро. По лёгкому шевелению губ понятно, что он читает мантру. Периодически он поворачивается ко мне и жестами показывает: надо смотреть на озеро, надо читать мантру.

Часа полтора озеро ничем себя не проявляло. Паломники, не выдержав холодной погоды, видимо, сильно промёрзнув, пошли вниз. Ушли все. На гребне остались только мы – лама, его ученик Дорджи и я. От холода и сильного ветра ломило виски, руки не слушались, периодически начинало трясти. Лама постоянно показывал: не отвлекайся, надо смотреть, надо читать мантру.

В какой-то момент я осознал, что меня покидает ощущение реальности.

Вдруг я почувствовал, что как-то по-другому воспринимаю озеро. На нем стали проявляться хаотичные вертикальные и горизонтальные линии, тёмные пятна неправильной формы. Было очевидно, что это никоим образом не было связано с отражением в воде окружающих его горных вершин или тенью от облаков. Более того, тени от облаков, отчётливо видимые на склонах горных вершин, доходя до воды, совершенно в ней не отражались. Озеро жило своей жизнью, отличной от окружающей его природы.

Лама жестами дал понять: озеро показывает, смотри внимательно.

Линий и пятен становилось больше. Они, словно уникальное «северное сияние», выплывали из глубины озера на поверхность. В какой-то момент я отчётливо увидел, как на поверхности озера стала проявляться огромная свастика.

«Свастика!» – заорал я, показывая на озеро. Но лама и Дорджи не понимали, что я кричу. Я подошёл к ним и камнем на камне начертил свастику. Одного взгляда Дорджи на озеро было достаточно, он увидел. Лама просто кивнул головой и опять показал жестом: смотри. Свастика то проявлялась, то трансформировалась в другие фигуры, то опять проявлялась, огромная, на всё озеро. Я как заворожённый смотрел на происходящее.

Свастика исчезла неожиданно, будто растворилась, погрузившись в глубину. И в эту минуту с озером стало происходить что-то невероятное. Оно стало светиться каким-то внутренним светом. Возникали белые, желтовато-коричневые, зелёные, фиолетовые, красноватые пятна и линии. Свечение шло изнутри, как

будто там, на глубине, находится какой-то фантастический источник света или энергетического потока.

На озере стали проявляться различные фигуры и рисунки. Дорджи, взяв фотоаппарат из моего рюкзака, начал фотографировать, но вряд ли фото сможет передать необычайность происходящего.

Озеро показывало минут 15-20, хотя возможно время в этот момент было также искривлено, как и пространство озера.

Озеро показало мне большое тёмное пятно, как бы уходящее в глубину озера, две двери, лицо тибетца в профиль и в анфас, связанные снопы пшеницы и многое другое. Во многих картинках я просто не смог разобраться. Их было очень много, они сменяли друг друга, словно в калейдоскопе. Последней картинкой был Кайлас без вершины. Кайлас – слишком своеобразная гора, чтобы не узнать её очевидное изображение на поверхности озера. Молчавший до этого лама показал пальцем на озеро и сказал: «Кайлас».

Потом уже внизу через Дорджи он сказал, что всё будет хорошо, мы успешно доберёмся до Кайласа, но Кайлас будет наполовину закрыт облаками. На мой вопрос о том, что он видел, лама перечислил всё мною увиденное, а также сказал, что видел город, в котором ему предстоит побывать и ещё что-то, о чём он не хотел бы говорить.

Было нечто общедоступное, видимое даже моим «невооружённым» глазом, и было нечто, что видел только он или что показывали только ему.

Лама был очень доволен тем, что увидел сам, и тем, что озеро показало мне.

Озеро также неожиданно «закрылось». В нем мирно, как и в обыкновенном водоёме, отчётливо отражались тени от облаков, когда выглядывало солнце, и оно становилось монотонно серым, когда тучи закрывали солнце.

Мы посидели ещё немного, после чего лама сказал, что надо спускаться вниз, озеро больше ничего не покажет.

Дорога на Кайлас оказалась нелёгкой. Однажды нам пришлось остановиться на непредвиденную ночёвку, потому что дорога впереди была размыта горными потоками. Поставили палатки около двух тибетских домов, одиноко стоявших невдалеке от трассы. Местные жители сразу же пригласили ламу в дом как почетного гостя. Выйдя из гостей, он повел меня показывать дом, в которым только что побывал. Дом принципиально отличался от

других тибетских строений: в нём было две двери. Показав пальцем на две двери, лама, улыбаясь, произнёс: «Лхамо Лацо». Впоследствии он еще несколько раз обращал моё внимание на то, что мы видели на озере. Когда мы после долгой изнурительной поездки выехали на горное плато, с которого открывается великолепный вид на Кайлас, лама, улыбнувшись, посмотрел на меня и, показывая пальцем на гору, проговорил: «Лхамо Лацо». Кайлас был наполовину закрыт облаками.

Ринпоче считаются перерождением в нескольких поколениях высоких, знаменитых лам, основателей и настоятелей монастырей. В народе, как правило, они считаются самыми уважаемыми ламами. Среди некоторых монахов несколько иная система ценностей. Случается, что большим уважением и авторитетом пользуются другие ламы, не признанные реинкарнацией, но обладающие большими знаниями, большими способностями, в частности даром предвидения, ведущие более праведный образ жизни.

Среди монахов бытует мнение, что далеко не все из ныне живущих ринпоче являются истинными, или они не выполняют своего предназначения из-за лени, неучености и не совсем праведного образа жизни.

Ринпоче, не исполняющий своего предназначения, вежливо почитаем в большей степени за заслуги предыдущих инкарнаций. Все искренне верят, что в следующей реинкарнации ринпоче выполнит своё предназначение.

Также бытует мнение, что иногда трудно найти перерожденца умершего ламы, потому что реинкарнация высокого ламы может быть далеко от места жизни и смерти, там, где она нужнее, где может выполнить своё кармическое предназначение.

Более 50-ти лет территория Тибета оккупирована Китаем. Уничтожение культуры компенсируется хорошими дорогами.

Некоторые умники считают это благом для тибетского народа и не видят в оккупации ничего плохого. Следуя их логике, зря тогда наши отцы и деды отбились от фашистов. Уже давно бы ездили по хорошим дорогам.

Тысячной доли выделяемых на строительство дорог средств хватило бы, чтобы восстановить некогда разграбленную и осквернённую Поталу, частично или полностью уничтоженные монастыри.

Помпезные, тщательно охраняемые за высоким забором китайские госучреждения располагаются в специально построенных современных зданиях. Они находятся во всех населённых пунктах, сильно диссонируя с нищенством жилищ тибетцев и разрушенными древними монастырями.

Дорога на Кайлас. Ночью был сильный дождь. Горные грязевые потоки размывали дороги. То тут, то там утонувшие джипы и грузовики. Весь день с трудом преодолеваем гигантские промоины. Дороги размывты все, движемся со скоростью 5-6 км в час, периодически стоим, пропуская встречные машины на узких, чудом сохранившихся участках. Несколько раз ждали, пока тяжёлая строительная техника восстанавливала буквально снесённые горным потоком участки дороги. Дважды застрявший джип вытаскивал грузовик сопровождения.

Однажды джип утонул в грязи основательно. Грузовик сопровождения не мог подъехать близко и с помощью троса вытащить джип. При непрекращающемся дожде мы долго откапывали машину, подкладывали под колёса огромные камни и в итоге примерно через час еле-еле на руках вытащили джип.

На ночь остановились возле двух тибетских домов, одиноко стоящих в горах. Пока устанавливали палатки, нас окружили несколько любопытных тибетцев. Любопытство – это не то слово, с помощью которого можно выразить чувства их одолевавшие. Реакция на ламу была как на Господа Бога, неожиданно спустившегося с небес в этот забытый им же уголок земли, а мы были инопланетянами, его сопровождающими. Лама как почетный гость был приглашен в дом, где был тут же накрыт стол. Все были рады и счастливы. Ближе к ночи у наших палаток собралось человек 30 тибетцев. Они окружили, словно сцену, вход в палатку-кухню, где мы после ужина расположились на ежевечернюю беседу. Видимо, какой-то неведомый тибетский телеграф разнёс по округе весть о том, что приехал лама. Невесть откуда собрались все: от глубоких стариков до грудных младенцев. Среди столпившихся тибетцев я заметил одного одетого в изрядно потрёпанную монашескую одежду. Она несколько отличалась от ламиноного одеяния, тем не менее вне всякого сомнения это был буддистский монах другой школы. Лама подтвердил, что жители этой местности проповедуют и практикуют буддизм школы Кармапы, кагью. Лама с заинтересованностью достаточно долго беседовал с местным монахом, после чего монах попросил благословения.

Лама совершил ритуал, что стало знаком для всех сгрудившихся тибетцев. Они по очереди стали протискиваться в палатку, заносить маленьких детей для благословения. Многие протягивали деньги, на что лама резко реагировал, категорически отказываясь брать. Только у одного тибетца он взял деньги после короткого диалога. На мой вопрос, почему именно у этого тибетца взял, а другим отказал, лама ответил, что он попросил сделать подношение к одной из святынь в монастыре, в Лхасе. Лама сделает подношение от него. Он должен помогать людям совершать благие поступки. На мой вопрос, почему он благословляет буддистов другой школы, он ответил, что религия одна и в вопросах Дхармы у них нет существенных расхождений, и он должен помогать монахам и практикующим других школ буддизма.

Ночью было потрясающее по красоте зрелище – двойная лунная радуга. Лама радовался этому как ребёнок, периодически обращая моё внимание на радугу и говоря по-русски «хорошо».

В России в последнее время стали популярны тантрические учения. Объявляются всевозможные учителя как восточные, так и западные. На их ретриты собирается масса людей. Особенно популярны так называемые сексуальные тантрические практики. В Москве я встречался с тантристами, людьми, изучающими и, как они считают, практикующими тантру.

Лама считает, что нельзя практиковать тантру, не изучив Дхармы.

Как ребёнок не сможет прочесть книгу и пересказать её содержание, пока он не выучит буквы, не научится составлять слоги, слова, а потом предложения, так и в изучении тантрического буддизма – не изучая и не практикуя Дхарму невозможно перейти к тантрическим практикам.

Долго беседовали о том, как человек должен прожить жизнь, что есть праведная жизнь, что есть стремление быть полезным, служить людям. Лама сказал, что прожить достойную, праведную жизнь на благо всех живых существ может только человек, достигший состояния осознанности ума. Надо к этому стремиться в мыслях и делах каждое мгновение своей жизни. Как человеку прийти к состоянию осознанности ума, что это такое? Понимание пришло ко мне совершенно неожиданно. Есть в огромной массе голливудских фильмов один уникальный шедевр. «День сурка» – идеальный пример того, что есть осознанность ума и как

к этому прийти. Твоя жизнь ничемна и пуста, пока целью её не стало осознанное желание и потребность служить, быть полезным людям.

Повсюду происходит коммерциализация китайцами буддистских святынь. Кругом билеты. При въезде в Дарчен, базовый посёлок, в котором начинается и заканчивается кора вокруг Кайласа ты должен купить билет. С тебя берут деньги за возможность паломничества к святыне. При входе в главные монастыри буддизма в Лхасе также надо купить билет. На трассе между аэропортом и Лхасой в скале высечена огромная фигура будды. Этой святыне 2 тысячи лет. В этом году рядом у дороги поставили будку, посадили туда человека. Чтобы поближе подойти к святыне, ты теперь должен купить билет. Больше всего меня поразило, когда, подъехав к озеру Палден Лхамо, перед подъемом на гребень горы, к нам подошёл местный тибетец и сказал, что надо купить билет. Это оказалась красивая, типографски отпечатанная бумажка, на которой было нанесено изображение озера, какой-то текст на китайском и тибетском языках. Билеты были номерные, и имелся отрывной талон. Всё по-честному. Если бы на подъёме на озеро поставили ящик для подношений, то собрали бы немало больше.

То, что происходит в Тибете, в отношении китайцев к коренному тибетскому населению, можно назвать культурным геноцидом.

Биологически человек развивается до 24 лет. Развивается физическое тело, ум. Лучшее время познания мира, получения знаний.

С 24 до 30 биологическое развитие стабилизируется. Отсюда лучший репродуктивный возраст у женщин. К 30-ти заканчивают свою карьеру большинство спортсменов.

С 30-ти лет постепенно начинается процесс старения, разрушения, отмирания клеток: начинается биологическое старение. Одновременно развивается сознание.

Стареющее тело мешает развивающемуся сознанию, ясности ума. Надо заботиться о теле, тогда сознание сможет достичь серьёзных высот.

Кризис в буддизме. Буддизм эзотеричен по своей природе. В других мировых религиях сохранились небольшие эзотеричес-

кие течения, как-то: суфизм в магометанстве, схимники в христианстве, но сами эти религии экзотеричны.

При сравнении с другими религиозными институтами, поражаешься логичности, разумности и фундаментальности ламаизма. Ламаизм опирается на принцип причинно-следственных связей, делающий этот институт жизнеспособным и уважаемым как изнутри, так и из вне.

Существуют четыре основных тибетских буддистских школы: ньингма, кагью, сакья, гелуг. Главой самой молодой из школ гелуг, является Далай-лама. Он также является светским лидером Тибета, главой государства. Школы, несмотря на незначительные расхождения в толковании и практике буддистского учения, не конфликтуют между собой. Главы школ признают Далай-ламу в качестве светского лидера и не стремятся сместить его с «политического трона». У них отсутствует стремление к политической власти, более того, сам Далай-лама периодически в своих интервью сетует на необходимость ведения политической и светской жизни в ущерб религиозным практикам, которые ему ближе и необходимее, понимая при этом важность и ответственность своей миссии в жизни тибетцев и буддистов всего мира.

В ламаизме отсутствует система назначения или выбора глав школ и настоятелей монастырей, как это практикуется в других мировых религиях. Главой школы, настоятелем монастыря, как правило, становится только тот человек, который признан реинкарнацией (перерождением) умершего ламы, возглавлявшего эту школу или этот монастырь.

Найденный перерожденец, мальчик 2-5-х лет по существу становится главой монастыря. Находящиеся при нём учителя и регент обучают будущего настоятеля, воспитывают, управляют монастырём до достижения им совершеннолетия. В поисках мальчика-перерожденца участвуют заранее определённый круг лам, в том числе взрослые учителя. Когда мальчик становится взрослым и умирает его старый учитель, он, будучи настоятелем монастыря, принимает участие в поисках малыша, в чьём теле переродилась душа учителя.

Всё очень красиво и гармонично. Сама система поиска реинкарнаций, несмотря на мистичность, вызывает уважение и доверие.

Несмотря на логичность и фундаментальность, институт ламаизма периодически подвергается системным кризисам. Од-

ним из самых известных в истории ламаизма был кризис с 6-тым Далай-ламой в 17 веке.

То, что происходит сегодня, также можно отнести к кризисным явлениям, вызванным как осознанным разрушающим влиянием внешних сил, прежде всего коммунистическим Китаем, так и многочисленными внутренними проблемами. К проблемам, вызванным влиянием внешних факторов, можно отнести вынужденную эмиграцию Далай-ламы 14-го и глав основных тибетских школ буддизма. В 1959 году покинув из соображений безопасности оккупированный Тибет, они проживают и ведут свою деятельность на территории Индии. Резиденция Далай-ламы находится в городе Дхарамсале. Далай-лама, будучи главой государства, оторван от своей страны, своего народа, от буддистских общин на территории Тибета. Он не имеет возможности как духовный лидер давать буддистское учение тибетцам. По сути, впервые со времён 5-го Далай-ламы ламаизм на территории Тибета не является институтом государственной власти.

Трагически сложилась судьба второго человека в системе ламаизма – Панчен-ламы. 10-й Панчен-лама в 1959 году не стал эмигрировать из Тибета и после бегства Далай-ламы остался главной политической фигурой ламаизма на оккупированной территории. Побоявшись укрепления его авторитета среди тибетцев и усмотрев в нем идейного руководителя возникающего тибетского сопротивления, китайские власти в 1968 году посадили 10-го Панчен-ламу в тюрьму. В 1977 его освободили, но ещё 5 лет держали под домашним арестом. В 1989 году он умирает в Шигатзе, в своей резиденции в возрасте 51 года в полном расцвете сил, неожиданно, без каких-либо признаков заболеваний. По странному стечению обстоятельств это случилось буквально через четыре дня после его резкого публичного выступления против политики китайских властей по отношению к Тибету и тибетцам. В Тибете я часто слышал мнение, что Панчен-лама был отравлен и умер не естественной смертью. По существующей традиции, при поиске перерожденца Панчен-ламы последнее слово остаётся за Далай-ламой, потому что Панчен-ламы исторически были учителями Далай-лам. В 1995 году Далай-лама из нескольких кандидатур выбрал мальчика, в которого инкарнировалась душа Панчен-ламы. Мальчик был объявлен Панчен-ламой 11-м. Узнав об этом, китайские власти вывезли мальчика и его семью на территорию Китая, и с тех пор судьба его не известна. Он стал одним из самых известных в мире – политическим заключённым

-ребёнком. В это же время китайскими властями был выбран и назначен Панчен-ламой другой мальчик, примерно такого же возраста. При посещении резиденции Панчен-ламы в Шигатзе я слышал от местных тибетцев, что местные жители не признают китайского избранника Панчен-ламой и называют его просто «Счастливчик». Счастливчик до сегодняшнего дня лишь дважды посещал свою резиденцию. Это происходило под тщательной охраной китайских органов безопасности. Всё остальное время он находится на территории Китая.

Роль Панчен-ламы очень важна в жизни тибетцев и в самом институте ламаизма. Кроме того, что он второй по величине государственный деятель Тибета и сегодня в отсутствии Далай-ламы является официальным представителем тибетского народа, он еще, будучи инкарнацией учителей Далай-ламы, один из тех лам, кто определяет новую реинкарнацию Далай-ламы в случае его смерти.

Одной из самых значительных внутренних проблем ламаизма является история с Кармапой. Кармапа – глава школы кагью, первый из тибетских лам, от которого пошла практика поиска перевоплощений (инкарнаций) после смерти. Кармапа, единственный из лам, кто сообщает перед смертью подробности (место, время) рождения мальчика, в тело которого инкарнируется его душа.

После смерти 16-го Кармапы в 1981 году учителя, ответственные за поиск реинкарнации, несмотря на наличие предсказания умершего где и когда искать, неожиданно разошлись во мнении. Учитель Шамарпа Ринпоче вместе с европейским последователем Оле Нидалом обнаружили перерождение в мальчике, родившемся в 1983 году. С ними не согласились другие учителя. И учитель Ситу Ринпоче в качестве перерожденца признал другого мальчика, родившегося в 1985 году. Оба мальчика были обнаружены на территории Тибета, но в разных местах, очень удалённых друг от друга. Шамарпа Ринпоче с Оле Нидалом развернули большую пропагандистскую кампанию вокруг «своего» Кармапы 17-го, в том числе на Западе и в России. Создано очень много интернет-сайтов, большое количество публикаций, постоянно организуются посвящения, публичные учения и встречи молодого Кармапы 17-го с приверженцами его учения.

С мальчиком, признанным Кармапой учителем Ситу Ринпоче, все намного скромнее. Но, не маловажным фактом является то, что именно этого мальчика Далай-лама признал настоящим Кар-

мапой 17-тым. Тибетская диаспора в Индии больше поддерживает именно этого Кармапу.

Наличие двух Кармап ведёт к разобращению и разделению одной из основных школ буддизма и вызывает вопросы о правдивости системы перерождений и ламаизма в целом. Заставляет усомниться в чистоте помыслов и высокой духовности высоких лам, усмотрев в данном конфликте попытку захвата власти через продвижение «своего» ставленника на трон.

О словоблудии. Перед тем, как что-нибудь сказать, подумай, содержательна ли твоя речь, содержит ли она новую, полезную информацию, есть ли в ней смысл, а значит – есть ли в ней мысль. Затем задумайся, будешь ли ты правильно понят, не введёшь ли кого в заблуждение. И последнее: не нанесёшь ли кому вреда, не оскорбишь ли своим словом.

Если у тебя возник вопрос, то сначала подумай, а надо ли его задавать, есть ли в нём смысл. Если есть, то опять же сначала задай его себе и, если не найдёшь ответа, тогда лишь задавай другому.

Восток и Запад. На Востоке люди мало интересуются сутью происходящих вокруг явлений. Отсюда относительно спокойное отношение к изучению внешней среды, окружающего нас мира, отсюда неразвитость материалистических наук. Их не интересуют материальные объекты и явления. Спрашивая у местных жителей об уникальных явлениях природы, увиденных мною, я чаще всего получал стандартный ответ: «Так было всегда!»

Интерес вызывает лишь то, что непосредственно влияет на жизненные процессы, вопросы безопасности и комфортности жизни и жизнеобеспечения.

Интересует сам человек и что происходит у него внутри. Они одержимы стремлением познать, изучить, сделать лучше себя. Окружающий мир познаётся через познание себя, очень часто с целью изучения влияния на человека или изучении внутренних процессов через созерцание или познание внешних, потому как все происходящее подчинено единым законам мироздания. Как, например, познание судьбы (кармы) идёт через астрологию, через законы движения и влияния друг на друга небесных тел. На Западе мыслят по-другому в вопросах познания законов мироздания. Западная система познания базируется не на интуиции, а

на интеллекте, т.е. через изучение и осмысливание внешних процессов и явлений.

Эти две системы не исключают друг друга. Более того, достигнув больших высот в «своем» пути, Восток – в интуитивном, Запад – в интеллектуальном, они все больше и больше ощущают потребность в объединении.

Есть три фундаментальных учения в буддизме, которые оказывают значимое влияние на образ жизни и мышления людей, проповедующих буддизм. Все три учения (теории) очень гармонично сплетены и являются основополагающими моральными ценностями. Важным является то, что мораль эта базируется не на боязни ответственности перед Всевышним, а на осознанной ответственности за собственную жизнь, а также жизнь и судьбу близких тебе людей. Всё это порождает ощущение Бога в себе, ответственность за судьбы людей, за участие в процессе мироздания.

Первым важнейшим учением является теория реинкарнации. После смерти физического тела Душа переселяется в новое тело. Физическое тело лишь временное место нахождения вашего Я, вашей Души. Ваша сущность – Дух, а не физическое тело. Тело бrenно, Душа вечна. Жизнь любого человека – это всего лишь временное пребывание Души в данном теле. Душа есть частичка Бога во всех его проявлениях.

Вторым важнейшим учением является учение о карме. Карма – это действие. Все наши действия, а это действия тела, речи и ума, подчинены естественному причинно-следственному закону. При этом важно то, что действия ума – мысли оказывают наибольшее влияние на карму, так как действия речи – слова и действия тела – поступки есть отражение наших мыслей, а значит, они вторичны и менее значимы.

Твоя жизнь есть следствие твоих прошлых жизней и поступков, совершённых ранее в этой жизни. Также на твою жизнь оказывает влияние кармическое поле, наработанное прошлыми жизнями близких людей и поступками близких людей в этой жизни. Также на жизнь человека оказывают влияние глобальные процессы непреодолимой силы.

Соответственно твои поступки в этой жизни скажутся на продолжении этой жизни, на следующие жизни, на эту и следующие жизни твоих детей и близких людей. Отсюда есть понятие «карма семьи», «карма рода». Твои поступки также оказывают микроскопическое, но, тем не менее, влияние на жизнь общества.

Третьей теорией является теория о том, что каждый человек может достичь состояния Просветления, открыть в себе природу Будды и навсегда избавиться от страданий. Этого можно достичь, совершая благородные поступки, имея чистые мысли, наработывая хорошую карму.

Во время экспедиции как-то зашёл разговор об опасностях, подстерегающих нас в пути. Лама, улыбнувшись, сказал:

– Не надо волноваться. Всё будет хорошо.

– Лама, ты знаешь свою судьбу, и поэтому не волнуешься?

– Я не знаю своей судьбы, меня это не интересует. Я только точно знаю, когда я уйду из этой жизни.

После этого возникла пауза, во время которой каждый пытался осознать глубину сказанного ламой. Я тогда подумал, что собственная смерть для него событие обыденное, неизбежное и закономерное. И он не озабочен тем, что когда-то умрёт. Его больше волнует, как он проживёт эту жизнь. Ранее, в беседе, он сказал: «Наше тело – лишь гостиница, временное жильё для нашей Души, но несмотря на временность, его (тело) надо держать в порядке, в чистоте». Его ум озабочен вопросом, как осознанно, в состоянии покоя и любви прожить отведенное время в этой жизни (в этом теле).

«Люди, духовно ограниченные, патологически боятся смерти», – записал я тогда в путевом дневнике и вспомнил историю годичной давности, произошедшую во время пребывания ламы в Тольятти.

Как таковой программы пребывания ламы у нас в гостях не было. Каждое утро мы без труда определяли, чем сегодня займёмся, потому что для ламы, впервые оказавшегося за пределами Тибета, всё было ново и интересно. Как-то перед прогулкой в лес мы зашли с ним навестить Беллу Львовну. Белле Львовне шёл 90-й год. В последнее время она сильно ослабла, и мы старались как можно чаще её навещать. Несмотря на преклонный возраст и немощное состояние, она по-прежнему чувствовала себя главой семьи и позволяла себе общаться со всеми в слегка повелительном, назидательном, но исключительно уважительном тоне. Лёжа на своём диване, заслышав звук открывающейся двери, она тут же справлялась, кто пришёл. И в зависимости от ответа либо продолжала лежать, либо просила подойти к ней и помочь встать. Открыв дверь своим ключом, мы не услышали традиционного вопроса: «Кто там пришёл?»

– Бабушка, это мы пришли.

– Я знаю, что это Вы пришли, – неожиданно спокойно ответила она.

– Тебе помочь встать или ты будешь лежать?

– Я сама встану, – сказала она умиротворённым голосом после небольшой паузы.

Мы вошли в её комнату. Белла Львовна сама поднялась с дивана, внимательно несколько секунд посмотрела на ламу и опустила голову. Лама подошёл к ней, не говоря ни слова, обхватил ладонями её седую голову, слегка приблизил к себе, прижал к своей груди и приложился губами к темени. В такой позе, в полной тишине, с закрытыми глазами они находились некоторое время. Если бы не лёгкое шевеление губ лампы, могло показаться, что они уснули. Лама оторвал губы от головы Беллы Львовны, и стало понятно, что ритуал, свидетелями которого мы стали, закончен. Лама отошёл на несколько шагов и почтительно наклонился в моленной позе.

– Пойдёмте, попьём чай, – как ни в чём ни бывало, проговорила Белла Львовна и, пошатываясь, нетвёрдой походкой направилась на кухню.

Вечером, после ужина, лама ушёл в свою комнату. Через некоторое время он вернулся, неся на ладони десятка полтора небольших шариков травянисто-земляного цвета.

– Она уходит. Она прожила хорошую жизнь. Надо помочь ей хорошо уйти. В момент наступления смерти Душа покидает физическое тело. Очень важно, чтобы она не испугалась. Очень важно, чтобы ничто не помешало ей высоко подняться. Вы должны ей помочь.

– Как?

– Когда вы почувствуете, что бабушка уходит, надо дать ей эти шарики. Это можно начинать делать за несколько дней до смерти. Они помогут Душе спокойно покинуть тело.

– А если она не сможет принимать пищу или смерть наступит неожиданно и нас не будет рядом?

– Ничего страшного. Даже если она уйдёт, и вы в этот момент не окажетесь рядом, надо размочить шарики в воде, положить в рот под язык, а так же смазать размягчёнными шариками губы, веки и лоб. Душа выходит не мгновенно, это происходит в течение некоторого времени.

Мы выполнили всё то, о чём говорил лама, и верим, что ничто не помешало Душе этой прекрасной женщины подняться высоко.

В буддизме придается большое значение тому, чтобы человек уходил из этой жизни в умиротворенном состоянии ума, не терзаясь страхом, тревогой и гневом. Последние мгновенья жизни должны быть преисполнены покаянием, прощением и покоем. Смерть – естественный процесс, переход в иную форму нашей жизни. Поэтому не надо её бояться. Приближение смерти не должно вызывать чувство страха. Надо быть готовым к ней. Человек, проживший достойную жизнь, легко умирает, не терзаясь страхами, гневом.

У Далай-ламы по этому поводу есть такие слова: «В буддизме очень важен процесс прохождения через смерть. То, как и где мы родимся заново, зависит в основном от кармических сил; но состояние нашего ума во время смерти может повлиять на качество следующего рождения. Поэтому если во время смерти, несмотря на большой запас различной кармы, накопленной нами за время жизни, мы будем пребывать в позитивном состоянии ума, то сможем усилить и активизировать хорошую карму, что принесёт с собой новое, благоприятное и счастливое, рождение».

Дарчен – ближайший населённый пункт к Кайласу, это место, где все экспедиции и паломники на Кайлас разворачивают базовые лагеря: кто на земле разбивает палаточные городки, кто базируется в так называемых тибетских гостиницах.

Дарчен расположен на высоте 4 520 метров. Отсюда начинается кора (парикрама).

Наши машины остановились во дворе двухэтажной постройки барачного типа. Здесь же припарковались ещё около десятка экспедиционных джипов и грузовиков. Водители и проводник отправились узнать возможность нашего заселения в эту гостиницу. Лама, Лена и я остались ждать их возвращения в машине.

Заметив ламу, несколько тибетцев подошли к машине. Периодически постукивая по стеклу пальцами, с целью привлечения внимания ламы, они высунутыми языками стали прижиматься к стеклу, жестами прося дать благословения.

Днем раньше, во время привала, я допустил непростительную ошибку. Раздевшись буквально на полчаса под палящими лучами высокочорного тибетского солнца, получил серьёзные солнечные ожоги кожи шеи и спины. По прибытии в Дарчен я чувствовал себя крайне скверно: поднялась температура, до обожженных участков тела невозможно было дотронуться. Я вышел из машины и присел в тени на бетонную отмостку у стены тибетской гос-

тиницы. Увидев это, ко мне подошла тибетская молодая женщина и стала настоятельно предлагать купить у неё чётки, бусы, всевозможные амулеты и прочие изделия из камня. Улыбнувшись, я отказался, поблагодарив её по-тибетски, показав ей чётки на руке. К моему удивлению, она не стала проявлять настойчивость, отошла в сторону. Краем глаза я заметил, как она репликой дала понять другим тибетцам с «товаром» чтобы мне не мешали. Закрыв глаза, я начал делать определённые практики, чтобы облегчить своё состояние. Несмотря на плохое самочувствие, практиковать было легко, и вскоре я впал в состояние медитативного забытья. Не знаю, сколько прошло времени. Очнувшись от сильного шума и громких выкриков, раздававшихся справа. Буквально в трёх метрах от меня расположились два китайца. Вокруг них столпилась кучка тибетских торговцев. Они шумно наперебой предлагали китайцам свой незатейливый товар. Оба китайца были приблизительно одного возраста, им было под пятьдесят. Их внешний вид вызывающе диссонировал с окружающей средой. Они были тщательно выбриты, седой ежик находился в идеальном порядке, вокруг распространялось благоуханье дорогого парфюма. Одежда поражала своей идеальной искрящейся новизной. Создавалось впечатление, что они свалились сюда прямо с показа мод. Вели китайцы себя крайне нагло и оскорбительно по отношению к тибетцам: орали на носильщиков, понукая и указывая куда нести вещи, грубо хватили у торговцев товар, если не нравился, швыряли обратно. Если что-то вызывало у них интерес и цена не устраивала, звучали оскорбления в адрес тибетцев, товар: бусы, чётки, украшения швырялись им в лицо. Две тибетки, пытаясь о чем-то спорить, настойчиво что-то требовали от них. Китайцы, оскорбляя, гнали их от себя прочь. Всё происходящее почему-то вызывало бурное веселье у этих двух господ. Через некоторое время я догадался о сути конфликта. Выбрав что-то из украшений, китайцы заплатили не столько, сколько просили женщины, а столько, сколько посчитали нужным. Тибетки хотели получить ещё денег или вернуть товар обратно. Было неприятно наблюдать за этой омерзительной сценой. Видимо, чувства, меня одолевавшие от увиденного, отразились на лице, что не было не замечено китайцами. Повернувшись, они стали что-то вопросительно-неудовлетворительное выкрикивать мне. Не желая ввязываться с ними в какие-либо отношения, я встал и молча пошёл к машине. Первое, что бросилось в глаза – это серое, перекошенное состраданием лицо ламы.

Он молча, как бы задумавшись, смотрел на китайцев, совершенно не обращая внимания на нас и на другие события, происходившие на улице. Мы сидели молча, понимая, что не надо тревожить ламу в данной ситуации. Вдруг лама, очнувшись от забытья, спокойным твердым голосом произнёс: «Так себя не ведут. Кайлас не простит. Кайлас накажет».

Через два дня, во время коры, мы проходили самый тяжёлый и сложный участок маршрута – перевал Долма-ла на высоте 5 470 метров. После спуска мы сделали короткий привал в долине, перед тем как продолжить путь. Как вдруг увидели, что со стороны перевала к нам приближается тибетец, ведущий под уздцы низкорослую горную лошадь. На лошади сидел человек с тщательно забинтованной головой, – виден был лишь один глаз. Шины из дощечек и палочек были наложены на переломанную руку и ключицу. Ботинок с одной ноги был снят. Сквозь порванные брюки виднелись бинты, тщательно наложенные от ступни до колена. Только по одежде можно было узнать в человеке одного из тех китайцев. Рядом, слегка поддерживая товарища, шёл второй в изрядно испачканной и потёртой некогда новой одежде. Было очевидно, что человек упал на спуске с перевала. Мы как по команде повернулись к ламе. Он, поняв наш вопросительный взгляд, молча утвердительно покачал головой и знаками показал, что надо продолжать путь.

Одна из вечерних бесед с ламой закончилась раньше, чем изначально планировалось. Дорджи, переводивший рассказ ламы, так растрогался, что не смог говорить от душивших его слёз. Лама рассказывал о своей жизни, в частности историю отъезда из своего монастыря в Лхасу. Было очень тяжело покидать больную, прикованную к постели мать и первого учителя, которому исполнилось уже 79 лет. Лама рассказывал о тех непростых чувствах, которые его одолевали в тот момент. Уехать – означало бросить близких тебе людей, понимая, что никогда их уже не увидишь и не сможешь быть рядом в трудный для них период жизни. Остаться – означало не закончить обучение и забыть о возможности внести вклад в развитие своего монастыря и посёлка, оказать помощь, уменьшить страдания большому количеству людей. Лама спросил разрешения уехать у матери и учителя, и, несмотря на разрывавшее их чувство отчаяния и печали, два старых человека сказали, что ему надо ехать.

Он понимал, что не сможет своим присутствием облегчить

страдания больной матери и старого учителя, помочь им. Он понимал, что смерть неизбежна. Это естественный процесс, которого не надо бояться. Он был преисполнен чувством сострадания.

Мама не хотела, чтобы он уезжал, но она понимала, что так надо. Она его отпустила, а значит, не было обиды. Она так же была сострадательна к своему сыну, как и он к ней. Если бы не отпустила, то значит, чувство любви к себе превысило бы чувство любви к сыну и людям. Обида – очень плохое чувство. Она порождает гнев, злость, делает человека греховным, уничтожает, разъедает его изнутри.

Нельзя уходить, если тебя не отпустили, если твой уход вызвал чувство обиды. Это плохо для всех. И для того, кто остался с разъедающим его чувством обиды и гнева, и для того, кто ушёл с чувством вины. Это чувство непрощенной вины, словно проказа будет разъедать тебя всю оставшуюся жизнь, словно порча будет портить всё доброе и хорошее, что ты задумаешь в жизни, будет чернить твои мысли и дела.

Непростивший грешен, непокаявшийся также грешен. Это их общий грех.

Верить и практиковать. В буддизме отсутствует понятие «верить», «веровать». В кого верить? Чему верить? Почему верить? Буддизм в целом и две его составные части Сутра и Тантра по сути своей являются учением, а не религией. А научить чему-либо можно только через практику. Отсюда, людей, изучающих, исповедующих буддизм, называют практикующими, а не верующими. У буддистов есть вера, но пришли они к ней через опыт, через практику.

Будда не Бог, не некая всевышняя, могущественная субстанция или существо. Будда Гаутама или Будда Шакьямуни – реальный человек, родившийся более 2 500 лет назад в царской семье на территории Индии, достигший состояния просветления. Состояния Будды, состояния просветления, истинного совершенства, может достичь каждый. Будда внутри нас. Надо только это открыть, прийти к этому, пробудить в себе состояние Будды. А для этого надо познать и практиковать учение Будды Шакьямуни. Под практикой понимается постоянные занятия, как во время медитации, так и в повседневной жизни.

На востоке говорят: «Сколько ни говори «халва», во рту от этого слаще не станет». Практика есть основа познания.

В повседневной жизни у нас часто возникает желание обратиться за советом к духовному учителю. Часто таковыми являются священнослужители той религии, которую мы исповедуем. Мы никогда не отдадим свое тело под нож хирурга-теоретика, а захотим оперироваться у хирурга-практика. Но почему-то душу мыверяем священникам-теоретикам и религиям-теориям, а не практическому учению и монахам практикам.

Мы много общаемся с ламой, посещая монастыри и другие святые места, в машине во время долгих переездов, во время привалов и приёма пищи. Каждый вечер после ужина происходит запланированный 2–3-часовой разговор, причём вне зависимости, где мы находимся – в гостинице со всеми удобствами или в палатке на ветру, в холоде при свечах, обогреваясь лишь тибетским чаем из термоса. Я постоянно включаю диктофон. Иногда лама отказывается отвечать на мои вопросы, заявляя, что я не должен их задавать, они никому не нужны, и я сам знаю ответы на них: «Мы зря тратим время». Иногда он просит выключить диктофон: «Об этом не надо писать. Я отвечу только для вас с Леной. Я вижу, что у вас есть знания и понимание Дхармы и вы готовы правильно понять ответ на этот вопрос. Другие люди не готовы правильно понять, а значит, им не надо давать эту информацию. Это только может исказить их понимание буддизма и нанесёт вред». Были темы, на которые лама отказался беседовать с нами, заявив, что мы не готовы к ним и не сможем понять то, что он будет говорить: «Необходимо долго изучать Дхарму, много практиковать, и тогда мы сможем беседовать с вами на эти темы. А возможно нам не придётся беседовать, так как к вам самим придёт понимание, придут знания». К таким вопросам он отнес, в частности, вопросы о тантрических практиках в буддизме.

Наверное, такая беседа, если бы она состоялась, напоминала бы разговор академика-математика с мальчиком первоклашкой, только что изучившим цифры. У них действительно нет предмета разговора. И как бы академик ни пытался объяснить первокласснику, что такое интеграл, тангенс и логарифм, он, при всём желании, этого бы не смог. К большим знаниям надо идти постепенно и последовательно.

Тибетец, вступивший на путь монашества, а также ринпоче (тулку), достигший совершеннолетия, возлагают на себя определённые обязательства и налагают запреты (обеты). Одним из основных для посвящённого монаха является запрет хвастаться со-

вершенством и знаниями. Монах, который позволяет себе рассуждать немотивированно, а с целью самовосхваления о своих достижениях в практике, в тантрических учениях, в знаниях или особых способностях, не присущих обыкновенному человеку – мирянину, совершает грех. Также неправильное, искажённое понимание мирянами тибетских учений вследствие их неподготовленности – неблагоприятный поступок, в котором повинен, в том числе, и тот, кто даёт учение. Поэтому тибетские ламы воздерживаются от учений на неподготовленную аудиторию, а также от высказываний и комментариев, которые могут быть неправильно поняты и истолкованы. Это очень чётко просматривается в текстах выступлений, лекций и интервью Далай-ламы, который в основном, с потенциально неподготовленным слушателем и читателем, говорит о нравственности, духовности и таких общечеловеческих ценностях, как любовь, сострадание, терпимость. И все это рассматривается через призму буддистского учения, но учение само не даётся...

Лама сказал: «Те действия, совершённые телом, речью и умом, которые могут нанести вред живым существам, считаются греховными. Но всё дело в мотивации, разумности действия».

Какая мотивация у человека, совершающего греховный поступок? Если это не осознанные действия, случайность или действия, направленные на предупреждение большего зла, то такие поступки, по сути своей, не являются греховными. Грехи в буддизме подразделяются на три группы:

Недобродетели тела: *убивать, воровать, изменять своей супруге (супругу).*

Недобродетели речи: *обман, речь, ведущая к расколу, конфликту, оскорбление речью, пустословие.*

Недобродетели ума: *корыстолюбие, злые помыслы, ложные воззрения.*

На вопрос, что является первопричиной любого греха, лама ответил: «Эго».

Есть в буддизме такое понятие, как «проявление слабости». К таким проявлениям относятся: стремление к удовлетворению своих эгоистических интересов, жажда обретения особых заслуг, алчность, страсть, стремление к мирским благам или богатствам и т.д.

Второе поколение

«Одним из главных условий
творческого труда
является работа не потому,
что надо, а потому, что хочу»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Александр Рудой

Посвящается моему
братiku Алику

Алик, братик мой родной,
Котик косолапёнький,
Дружно мы живём с тобой,
Хоть «воюем» частенько.
Я люблю тебя, коток,
Хитренький носишка,
Поцелуй меня дружок,
Братик мой, братишка.
Любишь ты меня, как я,
Может крепче даже,
Мы с тобою ведь родня
Ничего не скажешь.
Умненьким будь, братик мой
И отличненько учись.
Будем мы дружны с тобой,
Не шали и не дерись!

19.09. 1949
Борис Рудой

ГОРОДА, ГДЕ Я ЖИВАЛ...

Я был бы законченным чудачком, если бы коллекционировал значки из снобистских побуждений. На самом деле, мои значки – это не красивые бляшки и даже не память о городах, где я, преимущественно, был в командировках. Мои значки – это память о жителях и жительницах разнозаряженных географических точек. Молчащие металлические формы – это микроклипы о победах и поражениях, удачах и провалах, вспышках и пепелищах.

Значки – это мои открытия неизвестного, раскопки кладов и находки разбитых судеб.

Значки – это неудовлетворённое тщеславие. Мне казалось – всех близких и не близких будут интересовать мои приключения, сравнения и откровения. Увы, максимальное любопытство увидевших коллекцию, ограничивалось замечаниями: «Эх, а вот тут я был, а вот тут – не пришлось!» Значок – мужского рода, но, для моих воспоминаний, в нём больше женского начала: красивого и эротичного, умного и поверхностного, замужнего и прошмонтовского. Мои значки – мои путеводители по разнообразным атрибутам лучших половинок человека. Города – куда менее разнообразны, чем жительницы, хотя и тех и других роднит непохожесть, неодинаковость, неповторимость: время властно над всеми. Конечно, городов в жизни большинства путешественников – меньше, чем женщин, но, главное, все они оставляют в жизни рубцы, самые глубокие из которых хронически саднят и ни под каким самогипнозом не рассасываются. И почему-то всегда хочется возвратиться к тем населённым пунктам, где не сложилось, не сбылось, не продлилось, не совпало, несмотря ни на какие моральные, материальные и физиологические издержки. Почти на каждом значке я вижу портреты, пейзажи, вокзалы, порты.

С годами понимаешь, что любой из полов воспринимает противоположный совсем не таким, каким тот ощущает «себя для себя» и, тем более, – «себя для другого». Поэтому и сам смиряешься с мыслью, что счастье – в упрощенчестве.

Каждый значок, каким бы калечным и невзрачным он не казался, с каждым годом покрывается налётом значимости, содержательности и незаменимости в коллекции. И с каждым годом на тускнеющий значок устремляется всё меньшее число молодых глаз, которым есть на что посмотреть и есть кому себя по-

казать. Значки теряют свой блеск так же незаметно для себя, как и их обладатели.

Удел значков, как и их коллекционеров, предрешён. Какими бы редкими, бесценными и неповторимыми они себе не казались, их место на дальней полке потомков, потому что меняется всё, даже приписанные к значкам города и даже их названия.

Но любой коллекционер, пока ему есть на что взглянуть, не выходя из дома, вправе по-петушиному прокричать:

«Города мои, значки, городочки!
Незабвенные сынки или дочки!
Я любил, гулял, шутил, ездил малость:
Приближал и ... получил свою старость.
Но не может быть при жизни кончины,
Ни умнеть, ни поглупеть – нет причины!»

ВЫПУСК (момент)

Его однопартница, единственная медалистка класса «А», сама оказалась рядом. Он оглядел брюки, выровнял дыхание и перешёл в нападение. Вальс на прямых ногах получался как футбол на ходулях. Она ойкнула и остановилась.

- Давай постоим. Какие планы?
- Через три дня финал кубка города.
- Не хочу о футболе. Куда будешь поступать?
- Куда берут футболистов.
- Выбирай: или я, или футбол?

И тут же нашла ему замену. Но если не он основной – зачем же весь год давала списывать? Всегда у него так: пустые ворота – очевидный гол: удар – штанга или трибуна.

Однопартница исчезла. Тогда он впервые в жизни выпил стакан «сучка» и оказался на танцплощадке в городском парке. Молчунья из класса «Б» персонально прикрепилась к нему и играла на опережение всех «кадрильщиц». Он пробовал обвести её и оторваться, но заплетались ноги. Чтобы не утруждать язык, он улыбался, а она подкатывалась к нему своими футбольными мячами, распирающими белую кофточку и красную юбку.

– Я твоя болельщица! Папаша!

Как бы он сейчас вlepил мячом ниже пояса этому остряку-самоучке-математику-завучу. «Не тебе ставлю двойку – твоему отцу, хотя ты и сам, поди, папаша». А он, как назло, только что обкар-

нался «наголо» – настоящий «Папаша». Вот кличка и впечаталась как татуировка.

Медные трубы пропели в ушах голосом Молчуни.

– Мне ндравится с тобой.

Он показал подбородком на будку с газводой за забором – хотелось пить, а денег не было.

– Можно у тебя попросить...? Их подтолкнуло друг к дружке и он прикусил язык. Она поаплодировала ресницами.

– Я ещё вне игры?

Трубы замолкли и она – его рукой взяла себя под ручку, а другой ткнула в железный пресс.

– Айда, нарушим правила!

Он сделал рывок к выходу и они перешли на спортивную ходьбу. Потом перед ними выросли чёрные ворота на замке. В её руке оказался булыжник. Светлячками разлетелись искры от ударов и Молчуня втокнула Папашу на чужое поле.

В темноте создалась стопроцентная голевая ситуация и вдруг он почувствовал как превратился в футбол. Кто-то пробил по нему и он лопнул.

– Голё-ё-шник – одна на весь стадион, пропела болельщица и прокусила его большой палец. – С первого раза?!

Футбол не годился к игре – вот что наделала водка...

...Папашу подбрасывала выше трибун толпа галдящих болельщиков и вдруг не поймала. Он приземлился вниз головой и проснулся.

Ледяные пальцы опробовали на его горле «искусственное дыхание».

– Смотри какая я красивая! – услышал он в темноте. – Женись на мне! Папаша подпрыгнул из положения «лежа». В ушах резонировал радиоголос Левитана. Вопле-вскрики Молчуни создавали помехи...

– Вероломное... Пондравилось?!..... Нападение...

Испортил меня... Враг.. Женись?!... Будет уничтожен. Клянись?!....Победа ... Котик! ...будет... за нами.

«Если это не сон?, – то мне ещё и дома вломят.»

Память засчитала всё, что случилось и ещё не успело случиться. Папаша зацепил брюки и ускорился на замену самому себе. Сарайная полутьма сменилась мерцанием полусвета. Он вприжмурку запрыгнул сначала в одну гофрированную штанину, потом – в разные.

Голоса подхлестнули...» Изменишь – пожалеешь!..», «...Передаём сообщение ТАСС...»

Папаша, не оглядываясь, затрусил от «непондравившихся» ворот со сбитым замком.

Он спустился к Волге. Ничего не отстирывалось даже с песком. На его руки потянулась тень. Папаша развернул голову на хрустнувшей шее и спросил.

– Сколько времени?

Человек в милицейской форме козырнул.

– Утро ...двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года... А ты уже раненый?

Папаша бросился в утреннюю реку. И поплыл под водой, разгребая вопросы, вопросы, вопросы:

– «Куда его теперь зафутболит фортуна: в ЗАГС или в тюрьму?»

– «Институт или футбол?»

– «Почему «вероломное нападение»?

Он вынырнул. Милиционера не было... Мать протянула ему самолётик из сиреневой в клеточку бумаги.

– Какая-то из твоего класса просила тебе передать. Я не читала. Потом потёрла пальцами морщинки на висках.

– Почему весь мокрый?

– Купался.

– В брюках?

Он затянул ремень дальше последней дырки.

– Сам постираю. Ложись поспи.

Мать взгляделась в его глаза – цвета «Стоп!».

– Спасибо за заботу, сыночек. Отец бы сейчас тебе влупил.

Он дождался щелчка (захлопнулась дверь в мамину спальню) сел под абажур со стеклянными висюльками и раздраконил «голубок.» Этот занозистый почерк он научился разбирать лучше своего.

... «Я выхожу замуж и мы завтра же уедем куда-нибудь на Север. Не надо было тебе меня слушаться! Эх, ты, футбольная твоя голова! Прощай.»

Так значит из-за неё этот моралитик-завуч не вылезал из «Комитета комсомола!» Вот почему она в перемены бегала «в комитет – проставлять печати».

Папаша сложил «голубок» и запустил в форточку. Сочинение лучшей отличницы, предназначенное ему, троечнику, для последнего списывания, укрылось в листьях клёна.

Он надел наушники и сообщение ТАСС переполнило его решимостью бессменного капитана юношеской команды «Крылья партии». Выходит не зря отец отдал старшего брата в школу с пяти лет, а его – аж, с восьми с половиной. Вот пусть брат и защищает диссертацию. А его судьба – защищать Родину. Теперь только кровью он сможет смыть позорный конец предвоенного выпуска. Папаша зашпиновал пятернёй свои одёжки и бросил их в раковину под холодную воду. И стирал, тёр и перемыливал всё подряд, пока не услышал материн голос.

– Тебе никуда сегодня не надо?

– Вроде никуда.

Когда мать ушла на работу, Папаша одел спорткостюм, повесил через плечо отцовскую сумку офицера-пограничника, рассовал по отделениям паспорт, метрику, комсомольский и военный билеты, загосовскую фотографию отца с матерью, присел на дорожку. Вырвал из тетрадки лист и макнул ручку с перышком в непроливашку. И над первым же предложением задумался – как правильно «добровольцем» или «добравольцем»? Хотя, не в грамоте дело – просто сейчас писать не о чем, некогда и незачем: мать и так поймёт, а с отцом они ещё может встретятся на его пограничной заставе.

– Под «бокс»? – прикрыла ладошкой рот парикмахерша.

«Наверняка проспала речь Левитана,» – подумал Папаша и провёл ладонью по затылку против шерсти.

– Под «ноль»? Как солдата!

БЮСТ ВОЖДЯ

(К юбилею брата Бориса)

«Да здравствует мудрый вождь всего прогрессивного человечества, отец и учитель всех времен и народов, немеркнущий вдохновитель всех наших великих побед, всезнающий гений, непревзойденнейший генералиссимус товарищ Иосиф Виссарионович Сталин!».

Приведённую выше цитату (и ей подобные) из выступлений директора школы на торжественных заседаниях, постоянно вдохновляли крамольного учителя математики Погодина. При вызове неуспевающего ученика, он, например, не мог не повеселить себя, и весь класс, пародийной фразой.

– А к доске пойдёт всезнающий гений тригонометрии, непревзойденнейший двоечник всех низесредних школ и классов, Икс

Игрекович Зетов. Надеюсь, ты готов удивить прогрессивное человечество своими гениальными всезнаниями?

Тот, кого Погодин гипнотизировал взглядом, под всеобщий хохот, выходил на «эксекую» и продолжал держать улыбку даже после получения в дневник «вдохновительнице всех наших побед – двойки».

Кстати, отличников Сергей Фёдорович, во избежании скуки, практически не вызывал к доске. Самое удивительное, что никто не обижался и, тем более, не закладывал «Серёжу», прекрасно понимая, чем это, по тем временам, могло для него окончиться.

Как-то раз Погодин «подловил» мою соседку по парте Лару, успевающую по всем предметам, кроме математики.

Украшая её дневник огромным колом, Погодин, естественно, вдоволь поиздевался над одарённостью «одной из прекрасных половин класса», а, напоследок, произнёс.

– Ставлю этот кол не тебе, непревзойденнейшая, а твоим прогрессивным родителям, дабы ты впредь не позорила свою антикулацкую фамилию.

Все притихли, потому что знали, кем работают родители Лары Морозовой. Но, вера в порядочность пересилила страхи, и весь класс взорвался смехом.

Лара раздувала ноздри и кусала губы. А уже на следующей неделе Серёжа, как обычно степенно вошёл в класс на плановый урок математики и, взглянув на Лару, высоко поднял брови.

– Морозова, выйди, пожалуйста, из класса. И больше на моих уроках не появляйся.

– За что? – побледнела моя соседка.

– За дверь, – тихим голосом пояснил Погодин.

– Почему? – вытянулась Лара.

– По полу.

– Как?

– Ножками. У двери Погодин окликнул Лару.

– И пожалуйста директору, чтобы он перевёл тебя в класс Дарьи Петровны: у неё – ты будешь по математике круглой отличницей. А потом обратился ко всему классу.

– Пусть меня выгонят из школы, но, имейте в виду, так будет со всеми ябедами. А кто не хочет знать математику – к Дарье Петровне. У неё – лучшая в школе метода опроса: «Мычишь – пять, молчишь – четыре».

Лару никуда не перевели, а на следующей неделе в нашем классе появилась Дарья Петровна. Без слова «пока» она не произносила ни одной фразы.

– Сядьте пока. Три пока. Пока мальчижечки, девчужечки, откройте тетради. Я пока вас спрашивать не буду. Пока проверим, чему вас научил предыдущий педагог. Он, кстати, пока считается лучшим преподавателем математики. Но пока учиться у него не просто. Я пока трудные задания на дом задавать не буду. Их мы пока будем решать в классе. Так что ваше дело тихо сидеть на моих уроках и внимательно слушать. А моё дело пока не портить настроение вам и вашим родителям.

Из-за этого «пока» к ней приросла кличка «Поака». Класс встречал её появление специально подкорректированной, речевой:

«Математик на печи,
Мелет задом кирпичи,
Три-гоно-метрия –
Не сдержала ветры я!»

– Слышу, слышу, – улыбалась Дарья Петровна, – пошутили и пока хватит. Я пока кадило раздувать не буду. Это пока не в наших с вами интересах. А пока проверим, как вы выполнили свои домашние работы. Кто готов пойти к доске – пока поднимите руки. Двоечники, и те, не радовались.

– Из Серёжиных выпусков все двоечники в институты поступили, а мы с «Поакиными» пятёрками – экзамены, даже в техникум, не сдадим.

Зато у Лары теперь по математике были круглые пятёрки. Неожиданно, на уроке «Поаки», она подсунула мне записочку: «Неужели ты тоже веришь, что я способна наябедничать?»

И меня посетила Муза. На обратной стороне её записки я, «в одно касание пера», сочинил на Лару пародию.

О фашистке Кларе!

Повелел однажды папа:
«Запишись-ка дочь в «гестапо»»
Будешь в золоте ходить,
И «вирзохой» шевелить.

Но для этого сначала,
Отличись хоть мало – мало,
Совесь заложи в ломбард,
Дай сексотству «низкий старт».

Постаралась дочка Клара,
Где жрала, там и наср..а,
Завела машину папы
И приехала в гестапо.

Кларе задают вопрос:
«Для чего фашистке нос?»
«Чтоб вынюхивать измену
и строчить на всех донос!»

«Для чего фашистке рот?»
«Чтобы лопать шпик, компот,
Чтоб сосать им леденцы
И шептать во все концы».

«А зачем фашистке глаз?
Чтоб смотреть им в унитаз,
Чтоб высматривать «Оно»,
Что другим запрещено».

«А, к примеру, для чего,
Кларе быть «без ничего»?»
«Чтоб шпионов завлекать
И фашистов ублажать».

«И тогда «вопрос – засыпка»:
Что такое есть «ошибка»?»
«Это, «если дать ответ»:
Оберштурманфюрер, нет!»

Рада мама, счастлив папа -
Клару приняли в гестапо!

Я свернул из листка «голубя» и запустил через весь класс. Мой стих пошёл по рядам и вернулся на нашу парту. Лара, не читая, спрятала голубя, туда, откуда я даже не попытался его извлечь. На следующий день Лара сквозь зубы сказала мне.

– Встань. И на весь класс извинись передо мной за оскорбление в дурацких стихах. А потом скажи, что знаешь, кто написал на Серёжу анонимку, но это не я.

Я встал и громко произнёс:

– Я написал стих о Кларе, а на Ларе шапка загорелась. Но, всё равно я, перед всем классом, прошу у неё прощения. Потому что, Лара не закладывала Погодина – она, оказывается, написала на Серёжу анонимку.

Весь класс заржал, а Лара прошипела.

– Ты ещё пожалеешь о сказанном.

Потом меня начали вызывать по инстанциям, сначала вместе с мамой к классной руководительнице, потом вместе с классной руководительницей к директору, потом вместе с директором в «Районный комитет комсомола».

А Секретарь Райкома довёл меня, вместе с директором школы до «Городского комитета Комсомола». Как это ни парадоксально, но главным моим защитником оказался сам директор школы. В «Горкоме Комсомола» он прямо заявил:

– Во-первых, стихотворение написано, о какой-то Кларе и ни о ком другом. А, во-вторых, нет никаких прямых улик для обвинения в злоумышленности автора. Автор высмеял фашизм и все мы, советские люди, испытавшие на себе тяготы войны, должны ему быть, за это, только, благодарны. А в жалобе на автора просто наводится тень на плетень.

После заседания директор проводил меня до самого дома и заявил моей матери (отец, как всегда, пропадал в командировке, а бабушка, за моей спиной зарылась в ящик комода).

– Я скажу попросту, выговор, как говорится, со временем сам пройдёт. А, что касается карьеры вашего сына, то я, больше чем уверен – он ещё твёрже будет бороться за медаль. Тем более, выговор ещё должны утвердить на заседании Обкома комсомола, а заседание будет перед самым восьмым мартом. Так что давайте надеяться на лучшее.

Мне повезло. Заседание вообще отменили, в связи с похоронами товарища Сталина.

Больше всех остальных переживала, и даже плакала, моя бабушка. По случаю траура, она тщательно протёрла чёрный гипсовый бюст вождя, товарища Сталина, красовавшийся на тумбочке, рядом с громкоговорителем, повязала бюсту на плечи красный галстук с чёрной лентой и поставила рядом живые цветы в банке.

– Кто же будет Царём? – раскачивала она руками свою седую голову в траурной косынке, – Сталина, слава Богу, хоть местные боялись. Только на Сталина была надежда. В него народ верил как в Бога. При нём каждый год цены сбавляли. А теперь кто о

людях подумает? И главное – правды не найдёшь. Местные царьки доведут страну до ручки.

Я пытался «спустить» бабушку на землю.

– Ты думаешь наш любимый вождь, товарищ Сталин, не знал, что творится на местах? Знал, и всё происходило с его молчаливого согласия.

– Больно ты умный, – сокрушалась бабушка, – откуда Сталину знать, как живёт народ. От него же всё скрывали. Знал бы Сталин, что где творится – такие «прости господи», как твоя Лара, сидели бы ниже травы, тише воды.

– Бабушка, поверь, – бил я себя кулаком в грудь, – могу голову дать на отсечение, что все местные начальники знали, как и что сделать, чтобы процветало доносительство, страх, ложь и провокации. Ты, бабушка, я думаю, доживёшь до того времени, когда, по злодеяниям и вреду человечеству, сталинизм и фашизм поставят в один ряд.

– Типун тебе на язык, – застучала кулаком по столу бабушка, – у стен есть уши.

– Вот к чему нас всех, в том числе и тебя, приучили: ты даже дома, не то что сказать правду, даже слушать её боишься.

– Подержи свой поганый язык за зубами, – прошептала бабушка, – дождись – хоть с тебя сотрут комсомольское пятно.

Я так и сделал. Заседание перенесли на май. В обкоме комсомола поулыбались над стихами «О фашистке Кларе» и сняли с меня выговор.

И вот, однажды, я, с таинственным видом, позвал бабушку из кухни в столовую. Она шла вполоборота, беспокоясь, как бы не подгорели мои любимые беляши. Я подвёл её к «мемориальной» тумбочке и рывком сорвал полотенце с бюста вождя.

– Что ты наделал? – вскрикнула бабушка, перекрыв ладонью распахнувшийся рот. – Верни ему сейчас же это, пока никто не увидел.

– Чего «это»? – ерничал я.

– То, чего нет, – побледнела бабушка.

– А, именно? – придурялся я.

Бабушка только показывала пальцем на бюст и шевелила губами.

– Где его голова? – наконец подобрала она слова.

– Чья? Нашего великого вождя, товарища Сталина? – небрежным тоном спросил я. – А действительно её нет. Кто это сделал? А может быть, у него её и никогда не было?

Бабушка замахнулась на меня сковородником.

– Ты хоть подумал своей пустой башкой, что будет, если узнают, что ты, олух, натворил?

– Неужели ты на меня донесёшь, бабушка?! – изобразил я ужас.

– Как у тебя только язык твой, поганый, поворачивается? – Бабушка попыталась достать мой лоб сковородником, но он выпал из её руки, – тащи обратно голову – может как-нибудь приладим?

– Пойду за инструментом, – кивнул я и вернулся с тем, что нашёл. – Только покажи – к какому месту приладить?

Бабушка показала.

– Понял, только отойди подальше, – кивнул я и опустил молоток на то место, между погонами, где в бюсте зияла дыра.

Чугунный наконечник отлетел – в одну сторону, бюст разлетелся – на все четыре.

– Псих, ненормальный оболтус! – начала оседать бабушка, и я едва успел подставить под неё стул, – ты его доконал.

– Я сейчас расколю бюст на мелкие кусочки и выкину их в мусорный ящик, – сурово сказал я.

Голова бабушки замоталась в разные стороны.

– Не вздумай. Кому нужно – найдут осколки, сложат как следует и докопаются. Это тебе не комсомол – от них не отбрешешься.

– А как же быть? – соглашательским тоном спросил я.

– Добей уж его на мелкие куски, – оглядываясь по сторонам, шепнула бабушка. – Потом я буду заворачивать по одному куску в газету и ты будешь относить их на разные свалки.

Она неожиданно придавила мой лоб кулаком.

– Чего ты ржешь – как конь? Я дело говорю. Слава Богу, жизнь при Сталине прожила. Обещай, что хоть на этот раз сделаешь всё по-людски. Я кивнул.

С тех пор прошло много лет. Я уже дедушка. Говорят, Дарья Петровна гуляет с палочкой и – грудь в орденах. Когда по телевизору Лара консультирует в погонах – я его выключаю. А вот Погодина и директора школы уже нет в живых. И самой школы нет. Вернее, в её здании теперь размещён «Институт культуры». А моя средняя школа, под прежним номером, переехала во вновь построенное современное здание. Эта учебное заведение, с огромным спортивным двором, с компьютерами и умывальниками в каждом классе, выполнено в соответствии со всеми требованиями научно-технической революции.

Но я до конца своих дней не смогу забыть – ужас в глазах бабушки, при первом взгляде на обезглавленный бюст Вождя. Тогда же, в день «гибели Бюста вождя», меня не меньше поразили слова бабушки, когда она принесла из кухни беляши и мы с ней сели за стол. Бабушка вдруг задумчиво взгляделась в настенные часы за моей спиной и голова её качнулась наподобие маятника.

– Какое же ваше поколение отчаянное! Я бы поднять руку на Бюст Вождя никогда не осмелилась. Ну, дай вам Бог другую жизнь...

Бог дал. Как говорил товарищ Сталин: «Жизнь стала лучше, жить стало веселее». Моё поколение, конечно, отличается от бабушкиного. Ведь у её поколения, как и у любого другого, были свои «реперы» достойного существования, свои представления о будущем. Я так до конца и не понял, что вкладывала бабушка в понятие «другая жизнь». Вряд ли «ельценизацию», «однопололюб-зацию», или «магдональдизацию» всех сфер человеческих взаимоотношений. У бабушкиного поколения, несмотря на «культлич-ностные» минусы, были свои общечеловеческие плюсы.

Одни Бабушкины Беляши чего стоят!

ПОЧЕМУ Я НЕ СТАЛ ЧЛЕНОМ «СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ»

Это в наше «непростое» время – накопил неделю отгулов, написал роман о новом русском (старом комсомольском) предпринимателе, напугал спонсора – анонимкой в налоговую инспекцию и издал бестселлер – тиражом, равным сумме своих друзей и подруг жены.

А раньше, во времена развитого социализма, мало было – «выдумать из головы» какое-нибудь высокоидейновоспитывающее произведение, недостаточно было – извести бумагу и себя, не всегда помогала партийность и проходная «пятая графа» в паспорте.

Потому что схема допуска нового автора к мозгам читателей была строго регламентирована бюрократией и традициями.

Сперва надо было «тиснуть» своё произведение в местную газету, потом – в центральную, затем – опубликоваться на страницах толстого журнала, собрать положительные отзывы «членов союза писателей» и получить рекомендацию от «расширенного писательского пленума» на включение твоего «нового слова в литературу» в план государственного издательства.

Только таким путём можно было пробиться к редакторше, которая, убедившись в отсутствии анонимок, вбрасывала рукопись на внешний отзыв какому-нибудь маститому Члену Союза Писателей Российской Федерации.

Для моей первой книжки – этим Членом оказался всесоюзно-известный по библиотечке «Крокодила», сборникам рассказов и эстрадным концертам, Виктор Ярдов.

– Вам крупно повезло, – обдала меня сигаретным дымом старшая редакторша, – неотрицательный отзыв Ярдова прямая дорога в план издательства на первый же год следующей пятилетки.

Местные писатели острили: «Чтобы написать художественное произведение – необходим талант, чтобы издаться – надо быть гением, а чтобы издаться до выхода на пенсию, – необходима «мохнатая лапа» или – «вездесущая старшая редакторша».

Но мне хотелось поскорее узнать, как отзовётся о моих способностях «старейшина сатирического цеха» Виктор Ярдов.

Я бросился в библиотеку и выписал все, что написал современник Маяковского, Зощенко и Ильфа за свои «бесцельно прожитые годы». Я читал и перечитывал рассказы Ярдова и – не мог выдать из себя ни смешинки. Единственно – меня рассмешило имя-отчество героя фельетона: «Сахар Медович», и то из-за опечатки: в имени «Сахар» – вместо «второй» первой буквы алфавита, была набрана – «шестая». Немолодой сосед по библиотечному столу заглянул через моё плечо.

– Если не секрет, вы над чем смеётесь?

– Над рассказом Виктора Ярдова. Вернее, над одной опечаткой...

– А вам известно, как интересно о Ярдове, – улыбнулся библиофил, – отозвался, в своё время, Владимир Маяковский?

Какая удача: мою первую книжку отправили на отзыв писателю, о котором отзывался сам Маяковский.

– Извините, – прошептал я, – а вы не могли бы напомнить, в каком томе Маяковский написал об Ярдове?

Сосед коснулся меня тонкими пальцами.

– Ни в каком. Двустиишие о Ярдове передаётся из уст в уста и, вполне возможно, приписывается фламану революционной поэзии, исключительно, из-за меткости сравнения.

Я проклял свою неэрудированность.

– А вы не могли бы напомнить мне это двустиишие?

– Охотно. Только ополовиню ключевое слово.

Я открыл рот и мой просветитель продекламировал:

«Искусству нужен Виктор Ярдов» -
Как жо.. – пара бакенбардов».

И всё равно я подумал: «Не каждый современник удостаивался шаржа самого Маяковского!»

В рецензии на мою рукопись Ярдов поздравлял местную «литературную общественность» с появлением «самобытного» автора и советовал «окружить меня вниманием».

Когда мою первую книжку издали, я напросился в командировку в Москву (работал я тогда мастером на заводе) и мы встретились.

– Мой тебе совет, сынок, – польстил мне Ярдов, – надо обязательно вступить в члены «Союза писателей». Объясню почему: твои гонорары увеличатся вдвое.

– А как вступить?

– В твоём сборнике 1,89 печатных листов, а для «членства» надо ровно два печатных листа. Продолжай писать рассказы.

– А если роман?

– Тогда будешь вторым после Ильфа и Петрова. Но не бросай и рассказы. А еще лучше – сочиняй сюжеты и присылай их мне на отзыв. А своему издательству напхни, что гонорар за рецензию на твою книжку я ещё не получил.

По возвращении домой я быстренько сочинил актуальный роман (о любви «целинника» и «целинницы»), кучу рассказов и сюжетов. Всё это я отослал Ярдову.

«Пиши короткие рассказы, – прочитал я в его ответном послании, – Они у тебя лучше получаются. И их легче опубликовать. Кстати, напхни вашему издательству, что гонорар от них я до сих пор не получил. Напугай их. Скажи, Ярдов грозил высмеять их в фельетоне».

– Пусть твой Ярдов не мелочится, – посоветовали мне в издательстве. – Он за одно выступление на эстраде получает вдвое больше.

Вскоре меня командировали (я тогда работал старшим инженером) в Москву.

– На редакторов не обращай внимания. Они неудачники и ничего не понимают. Продолжай работать и присылать мне сюжеты. Кстати, тебя ещё не приняли в «Члены Союза Писателей»?

– Может мне сначала бросить работу и стать профессиональным писателем?

– Сколько тебе платят на заводе?

Я назвал сумму зарплаты, вместе с премией.

– Сядешь на гонорары – и этого не получишь, – поморщился Ярдов, – Так что повремени.

– Оболваниваюсь я на заводе.

– Зато не помираешь с голоду. Пока не станешь членом «Союза Писателей» пиши без отрыва от производства.

Мои рассказы публиковали – на свободных от «Членов Союза», страницах журналов. И вдруг мне стали звонить редакторы, советовавшие мне «потерпеть – до лучших времён».

– Вы читали вчерашнюю газету (журнал) за такое-то число? Советуем прочесть.

Но, увы, моими рассказами там и не пахло. Зато разило их братьями-близнецами, подписанными Ярдовым. С одной стороны, мне это польстило – ведь я получал косвенное одобрение своего таланта. С другой стороны, я просто не мог поверить, что мой «великий крёстный» способен на плагиаторство. Потом, правда, бывалые графоманы объяснили мне, что у «кончающих Членов Союза Писателей» – в порядке вещей – такой способ самовознаграждения – за рецензирование «начинающих Нечленов Союза».

Меня командировали в столицу (тогда я работал начальником цеха). Я не стал вызывать Ярдова на дуэль. Меня интересовало – моё литературное будущее.

– Всё-таки я, скорее всего, не графоман?

– Если бы ты был графоман – я бы тебя давно отвадил от литературы. Знаешь, скольким графоманам я запрещаю писать? А тебе только надо поскорее стать членом «Союза писателей».

– А может – самое время бросить всё и, с головой, – в профессиональную литературу?

– Тебе решать!

За эти слова я всё простил своему учителю.

Чтобы показать мне среду моего будущего обитания, Ярдов пригласил меня потаскаться с ним по редакциям газет, журналов и издательств, по каморкам литературных сотрудников театров, по уборным дворцов культуры и филармоний. Он представлял меня как Державин Пушкина. Его собеседник восторженно пожимал мне руку. Я много слушал и мало понимал. Ярдов оставлял на столе кучу своих рассказов и мы шли в «избранные места», где «рулили» его ученики.

Я ждал Ярдова в прокуренных коридорчиках и слышал из-за дверей взрывы смеха, аплодисменты, крики «Ура!», а потом он выходил с полыхающим взглядом: «А ведь мой рассказ так и не

опубликовали, жополизы». Мы выходили на улицу, он покупал продукты и останавливал такси.

– Вот так, сын, у нас нужны Гоголи и Щедрины!? Так что поеду плакаться к последней жене. Прощай, пиши и помни: всё может быть, но – все быть может!

У меня оставалось всё меньше и меньше свободного времени. Правда, вдруг мои рассказы опубликовали сразу в нескольких престижных журналах, а один даже попал в исторический номер журнала «Звезда Востока», посвящённый пострадавшим от землетрясения в Ташкенте. Я попал в одну «обойму» с классиками Русской Советской Литературы! Сие показалось мне Божиим намёком на небесный дар и я, прихватив журнал, полетел к Ярдову в Москву.

Он порадовался моему успеху.

– Помни, сынок! Инженером может быть каждый дурак, а писателем-сатириком – далеко не каждый!

И тогда я спросил Ярдова.

– Скажите мне как член Союза писателей – нечлену, как вы думаете, выйдет из меня...? Я мысленно расставил писателей-сатириков – по-ранжиру, от Гоголя до Ярдова, и произнёс фамилию моего, любимого в ту пору, писателя, – ...Зоценко?

Ярдов поморщился.

– Ну, чтобы стать Зоценко, надо знаешь что иметь? – Ярдов приставил ладони к ушам и раздвинул их на ширину плеч. – Надо иметь – вот такую голову!

Я чуть понизил планку.

– А, скажем, смогу я стать «Ильф и Петровым»?

– С Ильфом я был лично знаком, – Ярдов, снял телефонную трубку и приложил к уху. – Он частенько звонил мне. «Роман написал?» – спросит, бывало. «Нет, – отвечаю я, – не хочу и не буду». «Почему?» – удивится. «Да потому что – не напишу». «Вот и зря, – скажет, – напиши, пока я жив, хоть прочитаю!» и повесит трубку.

– Вы, так и не написали роман? – удивился я.

– Так и не написал. Где тут, в такой круговерти? Но зато видишь, сколько книжек издал, сколько научных трудов по теории «эстрады и юмора» написал? Полон шкаф и три книги в наборе.

– А у меня, по-вашему, не такая голова, как у Зоценко? – шагнул я в заминированную зону. – Бросать мне работу или бросать писать?

Ярдов зажмурился, – у тебя жена есть?

Я кивнул.

– А дети?

– И дети.

Он усмехнулся.

– А я тебя обошёл: у меня уже внуки.

– Ну, а, если я брошу завод – кем, в конечном счёте, смогу стать?

Ярдов высоко поднял брови над печальными глазами.

– Ну, будешь – как я!

Я припомнил двестишье Маяковского и родил доношенное решение: «искусство» обойдётся без моей «пары бакенбардов».

*«Произведение искусства не должно
от каждого зрителя требовать
специальных знаний»*

*Арон Резников,
«Словарь жизни»*

Борис Рудой

Я подозреваю, что никто в нашей семье не знал, что дядя Боря (Борис Давыдович Рудой), главный терапевт больницы ЗИЛа, кандидат медицинских наук, один из крупнейших эндокринологов Москвы, когда-то увлекался сочинительством.

Но это так! Он нам сам в этом признался!

И передал в дар нашему семейному журналу свои юношеские стихи...

Ольга Вавилина

К Наташе Шапиро

05.12.1949

Когда я тебя вспоминаю
Мне кажется, что тогда
Вокруг меня всё замирает,
И вижу твои глаза...

Когда я тебя вспоминаю,
То сердце пылает огнём,
Стрела моё сердце пронзает
И кажется мне – мы вдвоём.

Прекрасная девушка Ната,
Тебя разве можно забыть?
Душа вся тобою объята,
Тебя буду век в ней носить.

Наточка

02.01.1950

Тихо, спокойно и ласково,
Мерно звучит голосок,
Миленько смотрят глазки,
Ротик прорезал смешок,
Зубки белее снега
Стройненьким рядом стоят,
Словно чудесной негой
Лик твой сияньем объят...

Звёздочка (перевод с английского)

07.05.1950

Яркая звёздочка в небе горит
Словно чудесный алмаз.
Там высоко-высоко висит
Нежно лаская мой глаз.
Когда могучее солнце зайдёт
И в небе станет темно,
Твой маленький свет его обоймёт
И в миг осветится оно.

Неведомый спутник во тьме ночной
Идущий дорогой своей
Тебе благодарность звезда пошлёт
За свет твоих нежных лучей.

Ниночка
02.08.1950

Милая, милая Ниночка,
Нежная, как лепесток,
Слабая, словно былиночка,
Ниночка – счастья цветок.

Ниночкин платочек
07.08.1950

Мы шли по улице с тобой
И вдруг упал платочек.
На ветерке он, как живой,
Затрепетал и ... точка.

А вот уж он у ног твоих
Лежит дрожа тихонько.
Я наклонился, поднял вмиг,
Он так был нежен и тонок...
Дрожа я дал его тебе

Мне так им быть хотелось,
Чтобы отведать на себе
Твоё дыхание – прелесть.

К сожалению тебе
02.06.52

За минуту «блаженства»
За обман твоих уст,
За коварство «смиринства»
За фальшивую грусть.
За укусы поцелуя,
За несчастье любви...
«Что ж, – скажу я, –
Спасибо за убитые дни».

Ты и я (написано на лекции
по марксизму-ленинизму)
10.10.1953

Два билета в кино,
В двух стаканах вино,
Ты отпила глоток,
Мой любимый дружок...
Закурила «Дукат»,
Прочитала плакат,
Прислонилась к стене
И немного ко мне...
Я был, кажется, пьян,
Обхватил нежный стан,
Наши губы слились,
Руки нежно сплелись...
От помады следы –
Поцелуев плоды
Уничтожить забыл,
Свой стакан не допил...
И порвавши билет
Я сказал тебе: «Нет!»

Всё прошло
21.04 1953

Нам с тобой не нужны наряды:
Ты и я, как видно, отцвели.
И теперь любви и ласки взгляды
Где-то в старой, умершей пыли.
Наши встречи, клятвы и объятья
Пронеслись, как быстрый, сладкий сон,
Ты уже не носишь эти платья,
Я не тот, который был влюблён.

Прошедший день
20.12.1953

Ещё один день безнадёжно умчался,
Угасли надежды, мечты.
И всё, что на каменном сердце осталось,
То это беспутная ты.

Привычные ласки, улыбки и слёзы,
Избитые фразы, слова...
Всё это куски обывательской прозы,
Чужие дела и права.
Вина дорогого налив по стакану,
Мы пили за счастье друзей,
Потом за измены, пиры и обманы,
И просто за разных людей.
Глаза закрывались, не слушались ноги,
Когда зарыдало танго,
И мне показалось, что с этой дороги
Уже не свернуть никого...

В ресторане
03.03.1954

В этом тёмном, грязном ресторане
Вы сидели, кажется, с другим
И на Вашем нежном, стройном стане
Шарил этот старый «херувим».
Вам, как видно, было с ним приятно,
Пустяки, что у него жена.
Он одет достаточно опрятно,
Подливает вовремя вина.
Ничего, что не сошлись вкусы,
Ничего, что разошлись года...
Он Вам подарил браслет и бусы,
Вы ж себя убили навсегда.

На перроне
09.05.1954

Мне было грустно одному,
Когда простившись на вокзале,
Вы по привычке никому
Ни слова правды не сказали.
Кому-то Вы шепнули: «Нет».
Кому-то счастья пожелали,
Другому – лёгкое: «Привет», –
Чуть донеслось из-под вуали.
Уже гудок. Давно пора

Всех нас оставить на перроне,
Чтоб эта скучная игра
Для Вас окончилась в вагоне.
Ваш новый «друг» Вам скажет: «Ты»,
А я исполнил обещанье
И эти жёлтые цветы
Преподнесу вам на прощанье...

Нелли
30.09.1954

Ты ко мне придёшь ли, маленькая Нелли
Со слезами и своей мольбой.
Мы с тобой дружили ровно две недели,
А теперь я ухожу к другой.
Если ты желаешь тайного свиданья,
Назначай его кому-нибудь.
Глупо лепетать смешные оправдания –
Я скажу одно: «Меня забудь».
Чары не помогут – я лишь улыбнусь,
Ты же будешь плакать и рыдать.
Помни: никогда к тебе я не вернусь –
Обо мне не стоит тосковать.
Счастье, словно ветер, лёгкая пушинка,
Пронесётся – и его уж нет.
Сердце не растает, ведь оно не льдинка.
Так прими же от меня привет.

Ответ
(посвящается З.Ф.)
26.08.1957

Маленький белый конвертик
С тоненькой синей каймой,
Если хотите – проверьте.
Адрес как будто-то бы мой.
Пахнет конвертик духами,
Нежен его аромат –
Видно следил за строками
Ласковый девичий взгляд.
«Милый, любимый, тоскую,

Помню разлуки слова,
Тают твои поцелуи,
Только надежда жива.
Как мне вернуть расставанье?
Счастье последнего дня?
Клятвы, обман, обещанья?
Веру, что любишь меня...?»
Горе за строчками скрыто,
Плачет и стонет душа;
Девичье сердце разбито...
Рвётся конверт не спеша...
Спичка – и всё загорелось...
Третье сжигаю письмо,
Строчки, как пыль разлетелись
Сердце бы гасло само.
Пепел и запах левкоев,
Фото и прядка волос...
Я не люблю тебя, Зоя –
Вот мой ответ на вопрос...

Локон
(посвящается Н.Ю.)
14.09.– 21.09.1957

Всё старое забыто и заброшено,
Твои улыбки где-то вдалеке,
То платье васильковое изношено,
Лишь локон твой лежит в моей руке.
Тот локон помнит встречу на балконе,
Твой стройный стан, влюблённые глаза,
Он видел в час разлуки на перроне,
Как брызнула случайная слеза.
Ты так стремилась быть со мною рядом,
Всегда шептала нежные слова,
А я смотрел холодным, скучным взглядом,
Как будто ты – увядшая трава.

Промчался год, окончилась разлука;
Ты снова здесь, но кажется не та.
Страдаю я, твою целую руку,
А ты стоишь спокойна и пуста.

Прощай Сталинград**(посвящается Л.К.)****03.03.1958**

Я покидаю Сталинград...
Мне тяжело с ним расставаться,
Хотя всего два дня подряд
С тобою здесь могли встречаться.
Бреду по улицам «твоим»,
Где проходили мы недавно,
Нам было весело двоим,
Нам было так безумно славно.
Ты словно таяла в руках...
Мы целовались бесконечно,
Мы были там на облаках
И так, казалось, будет вечно.
Нет, я насытиться не мог –
Всё слишком быстро пролетело;
И вот уж виден мой порог,
И братья надобно за дело.
Но ты встревожила меня,
Я не могу сидеть спокойно
Одну судьбу во всём виня,
Я вспоминаю день не знойный...
Я буду помнить наш роман,
Я буду помнить этот вечер
И... если это не обман,
То буду ждать счастливой встречи...

Последний вечер**(посвящается Л.К.)****написано в поезде****04.03.1958**

Мне предстоял далёкий путь,
А ты сказала: «Нет,
Мой милый друг, про всё забудь:
Мне только двадцать лет.
Я не любила никого,
А полюблю когда,
То только раз и одного,

Лишь раз и навсегда.
Ты первый, кто прижал к груди,
Ты первый целовал,
Но счастье где-то впереди,
И ты об этом знал.
Мы были счастливы с тобой.
Но, кажется, прощай,
Не будем связаны с тобой,
И ты не обещай.
Не обещай меня позвать –
Я встречи не ищу..
Сегодня можешь целовать,
Я с радостью прощу..»

Без любви (тебе, Люба)
03.07. – 12.07.1959

Мы с тобою не ведали чувства,
Мы встречались не зная любви.
Это было простое распутство,
Хочешь, словом другим назови.
И не то, что мы разные люди,
И не то, что различны года.
Нет меж нами любви – и не будет.
Значит, мы разошлись навсегда...

Письмо
(посвящается Л. К.)
04.03.1958

Я пришлю тебе одно письмо,
Ты его узнаешь по словам,
И оно расскажет всё само,
Как живу и как страдаю там.
Я совсем не длинно напишу,
Чтоб не утомляясь прочитать.
Только об одном тебя прошу:
Ни за что письмо моё не рвать.
Я вложу две спички в тот конверт,
Можешь не читая просто сжечь,
Только раньше сердца пыл проверь,

Чтобы счастья не забросить в печь.
Ну, а если будет всё в огне,
Пепел раскидай куда-нибудь,
Чтоб забыть навеки обо мне,
Да и мне сказать: «Про всё забудь...»

Тебе, любимая Аэлита
14.08.1959

Нам с тобою не быть «дорогими»,
Не лежать под кустами вдвоём,
И чужое, привычное имя
Ты согреешь на сердце своём.
Нам с тобой не сидеть до рассвета,
Не ласкать голубые мечты,
Ты забудешь чудесное лето
И в букете живые цветы...
Нам с тобой не писать «заказные»,
Не стремиться куда-то вперёд,
От любви не на веки хмельные,
Наше чувство, конечно, умрёт.

Не говори
(ласковой Е.В.)
21.10.1955

Не говори, что ты меня любила,
Не говори, что плакала в тиши,
Скажи, что ты давно ко мне остыла,
И писем слёзных больше не пиши.
Не говори про встречи, поцелуи,
Не говори о счастье и любви,
Скажи. Что это были только струи,
Давно остывшей ледяной крови.
Не говори, что муж тебе не пара,
Не говори, что вместе скучно жить,
Скажи, что просто после жизни старой
Ты никого не можешь полюбить.
Не говори про лёгкие пути,
Не говори про частые разлуки,
Скажи, что ты хотела бы уйти

Туда, где много вин и мало скуки.
Не говори, что ты теперь одна,
Не говори, что ты всегда страдала,
Скажи, что пред тобою та стена,
Которую годами воздвигала...

Третье поколение

«Внуков мы любим больше
чем детей, так как дети
капитал, а внуки — проценты
с капитала»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Завилина Ольга

**«Авантюристка, белая ворона
Умом и резвостью в Арона.
Как будто шило где-то в жо...
Хотя под задницей пежо...»**

**Эпиграмму на внучку
Арона Резникова
написал Юрий Целиков**

...ЖИЛИ – БЫЛИ – СКАЗКИ...

(из цикла «Семья»)

ЯНА

НАЧАЛО

Как я ни пыталась проснуться, кошмар не прекращался. Лежа на ржаво-зеленом матрасе, с ужасом глядя на часы, ожидая очередной и неотвратимой пытки, краем угасающего сознания я следила за дурдомом, разворачивающимся снаружи...

А посмотреть было на что...

Справа от меня дико толстая деревенская тетка выла и взвизгивала матом на таких оборотах, что челюсти зашкаливало. Слева решительная молодка молча, но с четкими и неизменными интервалами зависала вниз головой на спинке кровати. В ногах же плохо различаемое существо периодически засовывало голову в тумбочку и мерно, но сильно било себя дверкой по голове...

Откуда-то издалека донесся звонок телефона, и сонный голос дежурной спросил:

– Что?.. Анцыферова? Да она даже и не кричит, так что родит не скоро, и вообще, прекратите звонить среди ночи!..

Именно в этот судьбоносный момент я поняла, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, и из доброго, милого существа превратилась в неутомимую машину, бодро шагающую по жизни.

Собрав все мозги в кучку, вспомнив что, где и когда читала, я начала рожать. Когда тело подчинилось и все пошло нормальным природным путем, появилось непреодолимое препятствие в виде квадратного двухметрового мужчины в белом халате и восхитительно маленькой шапочке на голове.

– Что вы тут делаете? – картинно спросил он.

– Не поверите, рожаю! – грубо, но с чувством глубокого убеждения ответила я.

– Здесь нельзя! – и с этими удивительными словами громила схватил меня в охапку и поволок в родзал.

Запахнув меня на кресло и заставив принять потрясающе неудобную позу, он что-то дико крикнул, и в помещение

ворвалась орущая толпа. Она ринулась на меня, облепила со всех сторон и начала речитативом что-то втолковывать в мою многострадальную голову. Потеряв всякую надежду разобраться в этом бедламе, я ушла в себя и продолжила предназначенную мне природой миссию... Несмотря на все старания медперсонала, я успешно родила девочку.

Но увидев свое дитя, я впала в транс: уши и мордочка у нее были равновеликие, как у Чебурашки.

Завернув ребенка в одеяльце и водрузив на меня мешок со льдом, толпа с гиком и посвистом удалилась, и я наконец-то осталась наедине с Ясенкой.

Маленький обезьян, уютно устроившись на детском столике, громко чмокал губами и недвусмысленно намекал:

– А не пора ли нам поесть?

Но в те времена считалось, что детей нельзя сразу прикладывать к груди, и маленькое существо все чмокало и чмокало, разрывая мне сердце...

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Яночке было два месяца. Мы почти все время проводили с ней вдвоем и учили замечательное по содержательности слово агу-га, кстати, выученное и освоенное к двум с половиной месяцам. Плюс, страшно любили слушать музыку. Наш магнитофон не удивлял новизной и смелостью звука, но работал исправно, и мы наслаждались всем тем, что могли достать.

Но однажды я заметила одну маленькую странность: звереныш подвывал! Она не просто слушала, но пела! Правда, только под В. С. Высоцкого. Стоило ему захрипеть в полную глотку, как Януля подключалась и уже до конца подпевала громко и с наслаждением. Вот такой вот меломан!

КУГЛЯ – ДУГЛЯ, ТИГЕЛЬ – ДИГЕЛЬ – ДУН...

Все первоисточники в один голос уверяют, что шестимесячный ребенок говорить не может. Врут! Яночка в полгода владела словарем из пяти слов:

Мамася – мамочка

Папася – папочка.

Кукася – куколка.

Кугля-дугля, тигель-дигель-дун – непереводаемая игра слов.

Правда потом, по абсолютно неизвестной причине, она замолчала на целых полгода, и лишь в год и два месяца, не сумев переступить балконный порожек по причине катастрофической предусмотрительности, ребенок четко и ясно произнес:

– Помогите!

Так как уже около шести месяцев ни я, ни бабуля Инночка, присутствовавшая при этом эпохальном событии, от Ясенки, в буквальном смысле, слова не слышали, то мы, естественно, отнесли это к разряду глюков и соответственно никак не прореагировали.

– Помогите! – ясно и чуть удивленно повторило дитя. И это был ручеек, прорвавший плотину молчания.

ГЛУБОКИЙ «ЗАВИС»

Все живое на земле способно и должно обижаться. Но все выражают это по-своему. Дети обычно выражают свое состояние плачем. Но не Яночка – она «зависала». Процесс происходил следующим образом:

1. Ребенку кто-либо «наступал на хвост».

2. Минуты две дитя вглядывалось вглубь себя, оценивая величину нанесенной обиды.

3. Затем, по мере осознания бездны оскорбления, начинался медленный, но неуклонный «завис»: ноги оставались напряженно-прямыми, а голова склонялась к коленкам.

4. В этом состоянии Яночка оставалась до тех пор, пока вы всеми возможными и невозможными способами не выражали ей свое раскаяние. После этого Винни – Пух выпрямлялся, и мир восстанавливался.

ХАРАКТЕР

В одиннадцать месяцев Яночка пошла в ясельки. Нам повезло, все воспитательницы были подругами и коллегами ныне покойной Марии Львовны, нашей бабы Муси. Поэтому к Ясику относились как к собственной дочке-внучке.

Но, естественно, это не дом и не мама.

...Яна была в саду, а я безутешной волчицей кружила вокруг здания и только что не выла. Наконец-то 12-ть! Врываюсь в группу: дочь сидит на стульчике и терпеливо ждет.

Вот так и ходила она первое время в садик: ела, пила, спала, а все оставшееся время, подвинув стул к входной двери, сидела и молча ждала маму.

Такой вот характер!

АПОКАЛИПСИС

Не прошло и месяца нашего хождения в садик, грянула эпидемия ветряной оспы, в простонародье «ветрянка».

Нужно отметить, что Яночка практически не болела, по дому бродила только в виде индейца племени Мумба-Юмба, правда и без тростниковой юбочки тоже. И мне как-то дико и даже невозможно было представить ее недееспособной. И вдруг – «ветрянка».

– Пронесет, – холодея душой, подумала я, но не тут-то было! Примерно через неделю, поднимая моего пушистого тигренка с кровати, я взглядом наткнулась на огромный волдырь, раздувшийся на всю малюсенькую ладошку. И что греха таить, я впервые в испуге жутко по-бабьи завывла, заголосила даже, такая безысходная мука меня одолела.

Слава богу, Ясечка не напугалась, но удивилась. Болезнь прошла без последствий и удивительно легко. И маленький зверек даже полюбил болеть. Потому как больному, это краеугольный камень моего воспитания, можно все, тогда болезнь испугается и убежит.

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Нужно отметить, что моя старшенькая росла, я бы сказала, предельно говорливым ребенком и, по-моему мнению, не замолкала никогда, ибо в ночи тоже слышался ее ангельский голосок.

Каково же было мое обалдение, когда через два (заметьте два!) года хождения в садик меня подозвала воспитательница и сурово сказала:

– Надо что-то делать!

– В каком смысле? – осторожно поинтересовалась я.

– В прямом, – непреклонно сказал педагог. – Вы что, не понимаете, ей уже скоро три, а она молчит.

– Кто молчит-то? – все еще терпеливо спросила я.

– Ну что вы, ей богу, Яна, конечно!

И тут выяснилось, крокодил в саду молчал! Все два года, ни одного слова. Ела, пила, спала, играла, делала прививки – все молча.

Такая вот загадочная душа. Понимайте, как хотите!

РОБИН – БОБИН ГУД

К сожалению, я присутствовала лишь при двух проявлениях благородного пиратства Яночки. Но, как говорится, выводы, уважаемый читатель, делай сам.

Сцена № 1.

Влетаю в школу и натуральным образом столбенею: у стены в позе бойцового кота Яна, а вокруг шесть (я не преувеличиваю) мальчишек. Все в состоянии крайней степени озверелости.

По какому-то внутреннему, недоступному постороннему уху сигналу, пацаны бросаются в бой. Разворачивается сцена из добротного американского боевика: Арнольд Шварценеггер (Яна Анцыферова), ловко управляя всеми частями тела, раскидывает фашистских оккупантов и, ничуть не запыхавшись, поворачивает ко мне сияющую физиономию:

– Они девочек обижали, пошли мама домой.

Немая сцена.

Сцена № 2.

Выходим мы с Яночкой из подъезда и вдруг видим... Да ничего мы особенного не видим, обычная бытовая сцена: огромный детина гоняет маленького пацана.

Яна в момент концентрируется, барсучится, волосы на ее голове становятся дыбором, и она размашистой походкой медленно бредет к громиле. Я начинаю сидеть.

– Если еще раз его тронешь, будешь иметь дело со мной, – сурово глядя снизу вверх и белея ноздрями, заявляет мое дитя.

Негодяй понуро опустил голову и отцепившись от мальчишки, плетется прочь. В чем здесь фенечка, до сих пор разобраться не могу.

ЭПИЛОГ

Яшенька давно уже выросла, стала ошеломительно красивой юной леди. Но для меня она все тот же уютный маленький плюшевый медвежонок. Нежный, мягкий и пушистый.

КРИСТИНА

ДЮЙМОВОЧКА

Кисочка родилась очень маленькой, даже двух килограмм не дотянула, и потому в роддоме её прозвали Дюймовочка.

Когда папа Виталий пришёл посмотреть на доченьку, то в кроватке он её просто не заметил: маленькое тельце, сосущее огромную соску и прикрытое цветастым полотенцем хорошо замаскировалось.

Мне ни разу не захотелось отдать ребёночка в палаты к медицинским сёстрам, хотя они очень просили и рекомендовали отдохнуть. «Как может мешать собственный ребёнок?» – думала я. Брала Кристиночку к себе, и мы мирно засыпали, весьма довольные друг другом...

ЗУБЫ... ЗУБЫ... ЗУБЫ...

Время шло... Киса научилась сидеть, а затем и ползать. Нужно заметить, что с детства она отличалась буйным и неуёмным нравом: играть, так играть, шуметь, так шуметь.

И вот однажды...

Ничто не предвещало плохого. Кристина с папой бесились на полу. Виталий, чтобы быть с ребятёнком на равных, тоже с упоением ползал. В какой-то момент Кристина так рассмеялась, что ударилась головой об пол, да так, что из ротика полилась кровь. Бесильня, конечно, тут же прекратилась, но на четырёх передних зубах появилась чёрная полосочка: как впоследствии выяснилось, она умудрилась перебить зубные нервы.

Куда мы только ни ездили (Швейцария, Франция, Филиппины), зубы разрушались и разрушались, пока однажды у простого русского доктора мы их не вырвали. Нас очень пугали, что новые зубки не вырастут, или вырастут, но не так, или один будет больше, а другой меньше. Но уж на чём сходились абсолютно все стоматологи, что уж без искусственных протезов эти зубки не вырастут никогда!

Представьте себе: выросли. Дай Бог каждому такие зубки...

КОТЬ – КОТЬ, КАК СЛЕДСТВИЕ ТУРЕЦКОГО СИНДРОМА

Нужно отметить, что Кристина с детства была лягушкой-путешественницей: уже в восемь месяцев она посетила Израиль, в год с небольшим – Швейцарию и Францию, в два Маврикий, Турцию и Филиппины. Путешествовать она крайне любила, везде чувствовала себя как дома, а все местные жители почитали за счастье поиграть с ней. Она же почитала за счастье играть с котятами... У меня же на котов аллергия и потому этим животным путь в наш дом категорически заказан. Но в Турции ей повезло: окотилась окрестная кошка. И мы по 7 раз на дню ходили «по коты». К сожалению, всё однажды кончается, окончился и отдых. Когда мы вернулись в Тольятти я поняла, все местные шелудивые коты будут нашими, а соответственно и лишаи с глистами тоже. Ребёнка надо спасать!

Решение пришло внезапно: когда-то у меня жила собачка – пекинес, по имени Чебурашка. Нрав у неё был кошачий, да и вес с объёмом тоже. Вот мы и решили завести пекинеса.

Сказано – сделано: в нашем доме появился пёс по имени Кот, по паспорту Ури Алми Яконик. Маленькие существа долго притирались друг к другу, но теперь – не разлей вода. Жизнь в симбиозе пошла им на пользу: кот заматерел, а Кристина стала чутче и внимательнее...

ГОВОРИМ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Криса молчала до трёх лет, общаясь в основном жестами и взглядами. Наш друг, а по совместительству экстрасенс Сан Саныч сказал: «Не мешайте ей, она с тонким миром общается, когда нужно будет – заговорит!» Знаменитый французский доктор уточнил: «Посмотрите ей в глаза! Умные? Тогда отстаньте от неё, надо будет – заговорит». Я, в принципе, придерживалась того же мнения, но крайне раздражали все, осведомляющиеся об этом вопросе и горестно качающие головами...

Каково же было наше удивление, когда впоследствии мы узнали, что Кристина, оказывается, говорила, но только на французском языке! Беседы велись с нянечкой – француженкой, а так как ребёнок разговаривал, как французские дети (картавя и пришепётывая), то для нас это были «каля – маля», нянечка же не

разговаривающая по-русски, и представить не могла, что мы не знаем, что Кристина умеет разговаривать!

Вот такой вот переплёт...

«НАМ НЕ НАДО ДРУГОГО ДАВИДА!»

Однажды, мы с Верочкой (женой моего брата Гоши), практически одновременно забеременели, снялись с якоря и поехали рожать во Францию, напуганные вопиющей неграмотностью российских акушеров.

Естественно, Кристина отправилась с нами. Ей безумно нравилось общаться с большими животиками. Она их гладила, что-то бурчала, пела. И «животики» откликались, малыши поворачивались в сторону зовущего детского тепла и били в стенки своих обиталищ ножками и ручками. Всё было прекрасно до того момента, пока не родился Давид. Когда его маленького, беспомощного и, практически беспробудно орущего, принесли в наш дом, Криса немного подумала и заявила:

– Нам не надо другого Давида, пусть твой в животике останется!

Но когда Беллочка появилась на свет и Киса увидела её, то попросила Беллу на ручки, долго сидела на кровати, держа её на коленках, а когда встала, то оказалось, что это уже совершенно другой человек: был маленький ребёнок, а стала взрослая старшая сестра...

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ (ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ?)

Кристина всегда была независимым человеком, сложно укладывалась в какие-либо рамки (да нужно сказать, что никто её особо и не укладывал), и я ярко понимала, что школа и моя средняя девочка понятия плохо совместимые.

И не ошиблась...

Правда, причина оказалась абсолютно другая: моя девочка оказалась слишком доброй и доверчивой для школьных друзей. Ей было неловко врать, она не хотела обижать других детей, отказывалась устраивать бойкоты одноклассникам.

Полтора года Кристина проучилась в этой школе, но однажды заявила (это было после окончания 3 четверти):

– Я больше в эту школу не пойду – меня мальчишки убьют!

Я не стала выяснять что, где и почему, а в тот же день перевела её в другую школу. Здесь порядки были другими: ученики относились друг к другу по человечески и девочка сразу вписалась в ребячий коллектив.

Удивительным было то, что после Крискиного ухода класс распался, оказалось, что наша маленькая добрая, честная и справедливая девочка цементировала собой весь коллектив, гасила ссоры, замиряла драки.

Досталось маленькой...

ДИПЛОМАТИЯ НА МАРШЕ

Белла в нашем доме считается существом неуправляемым, которое не мытьём, так катаньем добьётся своего.

Единственный человек, имеющий к ней подход – Кристина.

Поняв, что для Беллы очень важно поступить по-своему и всё, что у Кристины – самое вкусное, старшая сестра разработала тактику дрессировки младшей.

– Беллочка, я сегодня буду спать наверху и не проси, чтобы я спала с мамой, – заявила однажды вечером Криса.

Мы затаились, ибо было известно, что спать со мной это Белкина привилегия, делить которую она соглашалась только с папой. Но расчёт оказался верен:

– Нет, я буду спать наверху, – завопило несносное дитя.

Правда, ночью Белла опять переползла ко мне под бочок, а Крисе пришлось рокироваться наверх, но начало было положено и теперь, периодически, Кристине удаётся поспать с родителями.

ИСКУССТВО БЫТЬ ИНОЙ

Кристина на самом деле сильно отличается от других детей. Она не по годам умна и добра. Естественно, это сильно отравляет ей жизнь. Но, когда я её однажды спросила, почему она не хочет поступать, как другие дети: где-то соврать, где-то предать, где-то насплетничать – просто из инстинкта самосохранения, чтобы побаивались и не доставали – она сказала фразу, потрясшую меня до основ:

– Мама, я знаю, что я другая, не лучше, не хуже, но другая и я не хочу становиться как все, я не стану меняться...

Счастья тебе, моя маленькая героическая девочка, моё родительское благословение всегда с тобой.

БЕЛЛА

КАКТУС, ПОПА, НОВЫЙ ГОД...

Когда мне кто-либо с пеной у рта начинает рассказывать, какой он прекрасный родитель, как он замечательно воспитывает своего ребёнка, правит его характер и занимается прочими чудесами, я с грустью вспоминаю Беллочку. Моего маленького пушистого котёночка. Мою золотую деточку, твёрдостью характера превосходящую скалу. Да и особенности её поведения особой корректировке не поддаются. Я уж не говорю о том, что если суждено чему-нибудь упасть, то это что-нибудь пренебреженно это сделает на Беллу, если кто-либо споткнулся с последствиями – то это Белла, если в вашей жизни есть кто-то, умудрившийся сесть голой попой на кактус – то это, естественно, Белла.

Я живу вместе с этим удивительным человечком уже пять лет. Изучаю его особенности, привычки, наклонности, пытаюсь выявить хоть какой-то алгоритм поведения. Мои усилия увенчались некоторым, хотя и не совсем очевидным успехом, потому как, кроме меня – исследователя, это известно абсолютно всем: Беллу нельзя оставлять одну. Что бы ни пришло в её голову в этот момент – последствия будут катастрофическими. И всё-таки, сегодня мне хочется поделиться своими впечатлениями о моём ребёнке. Накипело как-то.

УВИДЬ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА

Широко известен тот факт, что мать замечательно видит и понимает нужды своего крошечного детёныша. И нужно отметить, что мама достаточно редко сомневается в правоте своего суждения. Особенно с третьим ребёнком. Каково же было моё удивление, когда на второй день жизни, Беллочка, при малейшем нарушении своих прав переставала меня видеть. Ни при каких условиях нельзя было попасться ей на глаза. Тебя просто не существовало. Когда я рассказала об этом близким и родным, они решили, что я начинаю медленно сходить с ума. Но, через несколько месяцев, когда молчаливый протест маленького человечка стал очевиден всем, родственники начали приходить к выводу, что сходить с ума начинают они сами.

ГЛАЗКИ ЗАКРЫВАЙ, БАЮ – БАЙ...

Время шло, Беллочка всё плотнее входила в нашу жизнь. И вот однажды привычный ритуал укладывания спать наполнился новым смыслом – ребёнок запел. Сначала я, увлечённая собственным вокалом, ничего не замечала (ну подвывает и подвывает), но однажды, остановившись перехватить дыхание, так и замерла – Белла с чувством выводила мелодию «Спокойной ночи малыши». И в данном случае, долгое время мне никто не верил, пока Виталий, пошутив, не сказал пушистому восьмимесячному свёртку, гулявшему на балконе: «Спой колыбельную песенку!» Представляете, как он опешил, когда грянула мелодия, чистейше воспроизведённая маленьким тельцем? После этого у папы с дочкой установился симбиоз: он качал – она пела.

КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ ВЫВИХ

...У великих людей – великие недостатки. Это единственное, чем я себя успокаиваю, оглядываясь на маленькую, но полную трудностей и опасностей (что называется на ровном месте) жизнь моей маленькой дочери.

Было ли у вас, что бы потянув ребёнка за руку, вы эту руку вывихивали? Причём, не дёрнув, а именно потянув? И чтобы после этого ручка начала так опухать, что знакомый врач, стал бы с квадратными глазами вам объяснять необходимость наркоза, чтобы вправить локоть, а то у девочки будет кривая конечность. И чтобы уже через минуту вы в полном ужасе и непонимании стояли за дверью операционной и, теряя сознание, слушали, как ваш годовалый ребёнок кричит и бьётся в руках хирурга, а потом – мёртвая тишина...

Ручка вправилась, надеюсь, Беллочка всё забыла, ну а на моём материнском сердце раной больше – раной меньше – кто их считает?

Я ЛЕТЮ, ЛЕТЮ, ЛЕТЮ...

Белле всего пять лет, но у неё уже было сотрясение мозга. «Да как же это могло случиться?» – спросите вы. А вот так, что называется на глазах у изумлённой публики, в кругу всей семьи: папы, бабушки, мамы, деда и сестёр, ребёнок исхитрился и с

тяжёлыми последствиями упал со второго этажа дачи. Даже плакать вначале не могла, но достаточно быстро отошла, что даёт надежду подозревать, что всё-таки Бог ей помогает...

А Я МАЛЕНЬКИЙ ЗАЙЧИК...

Нужно отметить, что Мария – Изабелла (это её полное имя) редко сидит без дела, да практически никогда. В связи с этим, любое её лёгкое уединение в с е г д а грозит катастрофой.

Однажды деточка заперлась в комнате у старшей сестры и в те несколько минут, пока никто не спохватился, покрыла тонким слоем Яниного любимого лака для ногтей всё, до чего смогла дотянуться: стены, телевизор, кровать... Вся семья с ужасом ждала возвращения хозяйки покрашенного. Зайдя в комнату, Яна издала рёв раненого зверя, а Беллочка, сложив на груди лапки, грустно и жалобно произнесла: «А я – маленький зайчик, а я – маленький зайчик».

Угадайте с трёх раз, кого нам стало жалко?

ЧЕГО ВЫ ВСЕ НАДО МНОЙ КОМАНДУЕТЕ?!

Вы когда-нибудь слышали, рассказ Виталия (моего мужа) о том, как он учил Беллочку числам? Если вы хоть раз видели нашего папу, то у вас не останется сомнений в том, что это человек грандиозной харизматики и жёсткого характера. Это чувствуют все и корректируют своё поведение относительно полученной визуальной информации. Только не Белла. У неё свой мир, менять его она не собирается и ты либо попадаешь в кон, либо нет.

– Беллочка, давай посчитаем до десяти! – неумоимо начинал Виталий.

– Один, два, пять, семь, десять, – меланхолически отвечала Белла.

Этот диалог преследовал всю нашу семью на протяжении целого года (от 4 до 5-ти Беллиных лет). И вдруг однажды ребёнок предложил:

– А давайте я вас всех посчитаю: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять! (Нужно отметить, что нас действительно было десять человек, включая собаку).

– Бея, – встрепенулся папа, – Посчитай ещё раз до десяти!

– Один, два, пять, семь, десять, – как всегда меланхолично ответило дитя.

КАКТУС, ПОПА...

Вы когда-нибудь видели своего ребёнка, усевшегося голой попой на кактус? И не надо! Сердечный приступ гарантирую...

Нужно отметить, что всё в жизни Беллочка делает основательно. И на кактус уселась в соответствии со своей жизненной позицией: выбрала самый большой, с замечательно крепкими и жёсткими иголками. Слава Богу, основной удар (на кактус она не села, а упала в прыжке) пришёлся на ногу. Но и этого зрелища хватит мне до конца жизни.

Зажило как на собаке. Даже и следов не осталось.

О ГЛАВНОМ

Наша семья, по нынешним меркам, велика. И кому, как ни нам знать, что каждый человек – это микрокосм. Просто все по-разному проявляются.

Главное уважать и любить друг друга. И тогда не страшны ни кактусы, ни вывихи, ни выверты...

Счастья тебе, наша маленькая неутомимая солнечная девочка!

P.S.: Если название данного произведения ассоциируется у Вас с какой-либо фразой, то очень хорошо, если нет – считайте его ошибочным.

«Лучше изнашиваться,
чем заржаветь»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Георгий Герцовский

Зима скупой краской плачет,
На белом фоне – черный ряд,
Последняя любовь маячит
Одета в палевый наряд.
Не верь усталым пешеходам,
Не верь поспешности машин,
Усталые застыли годы
Всего лишь цепью мокрых зим.
Осталась мокрая дорога
И грязь со снегом пополам,
И снов неясная тревога
К стальным взмывает небесам...

1989 год

Весь день здесь ничего не происходит
Лишь бродит одинокая печаль,
Старинные часы старательно заводит,
Из пиалы прихлебывает чай,
И курит сигареты без названья.
Ей равно чужды и любовь и расставанье.

С утра здесь сумрачно и призрачно, как в склепе,
Здесь стулья, стол и шкаф пронзительно молчат,
В чернильницу я стряхиваю пепел,
Недвижно время здесь, хотя часы стучат,
Лишь кресло – по утрам в нем кофе ты пила
Кричит о том, что здесь любовь жила... жила...

1993 год

Четвертое поколение

«Дорогие дети!

*Помните, что чем старше
становятся ваши родители,
тем большую роль в их жизни
играют ваше тепло и ваша
молодая энергия»*

*Арон Резников,
«Словарь жизни»*

Кристина Вавилина

29.03.98

Весь день дома в окружении Оли и детей. Кристина не отходит от Даши, замучила её своей неуёмной энергией и постоянным желанием играть.

Белла рассекает на своём стуле по всей квартире и со всеми подряд громко беседует о своём (в том числе с дверями, книжными полками, игрушками и т.д.).

Кристина живёт в выдуманном ею самой мире. Трудно с ней очень, но и интересно. Вечером отправляюсь отвести Дашу и заодно прогулять собаку. Подбегает Кристина, сильно картавя и не выговаривая половину букв, спрашивает:

– Папа, а ты куда?

– На улицу, Дашу провожу.

– А! Принеси мне булечку.

– Булочку? А где же я её возьму?

– В магазине! Купи!

– Кристина, сейчас поздно и магазин закрыт.

– Папа, я хочу булечку!

– Но магазин не работает!

– На! Открой! На ключик!

И она на полном серьёзе протягивает на своей маленькой ладошке невидимый ключик от магазина. Я сначала опешил, не совсем понимая, как себя вести в подобной ситуации. Потом, понимая комизм ситуации, беру невидимый ключик, говорю: «Спасибо!» и едва сдерживая смех, ухожу на улицу.

Удивительно то, что когда я вернулся домой, Кристина поинтересовалась судьбой своих булочек и, услышав в ответ: «Нету», – удовлетворённо пошла дальше заниматься своими делами.

**Из «Житейских дневников»
Виталия Вавилина**

МАСЯНЯ И ХРЮНДЕЛЬ

*Это наши с Беллочкой хомячки.
Мы их очень любим и мне хочется
о них рассказать...*

ДРАКА

Однажды днём, хомячки продемонстрировали такой номер: оба наши подопечные рылись в опилках, из которых торчали только их пушистые попы. Через некоторое время попы резко исчезли, а на их месте образовались возбуждённые физиономии с нацеленными друг на друга носами.

Завязалась драка. Опилки летели во все стороны. Я не могла их разнять. Даже взяв их в руки, я поняла, что ничего не могу поделать: зверюшки продолжали драться.

Выглядело это следующим образом: Масяня бил и хватал Хрюнделя за голову, а Хрюндель в свою очередь бил и хватал Масяню за живот. Я их еле-еле оттащила друг от друга. Очутившись в разлуке, драчуны поползали по моим рукам и на время успокоились.

ПУЗОЧЁС

Однажды днём, проходя мимо клетки, я заметила, что хомяки по какой-то необъяснимой причине не спят (обычно день у них, как ночь, а ночь, как день). Может, нечаянно во сне передрались и проснулись?

Но бессонница прекратилась, по крайней мере, у Масяни, он улёгся на спинку (животиком вверх) и сладенько заснул. Хрюнделю, очевидно, стало завидно или он решил, что вот наконец-то появился мякенький матрасик, поэтому он удобно разлёгся животиком вниз на Масяне и тоже заснул.

От неожиданности, проснувшийся Масяня стал со страшной силой чесать брюшко Хрюнделя, но Хрюндель не проснулся, а так и продолжал блаженно посапывать под почёсывания несчастного Масяни.

ОБНИМАЛКИ

Хомяки мирно сидели в домике и завтракали. Масяня наелся и поплёлся по лесенке вниз – растрясти животик на карусельке. Через некоторое время из домика выглянула удивлённая физиономия Хрюнделя. Увидев, что спортивный снаряд занят, он ловко спустился вниз и уютненько закопался в опилки.

«И действительно, – подумал Масяня, – чего это я так надрываюсь?» Слез со снаряда и тоже стал зарываться.

Неожиданно хомяки дорылись друг до друга. Я испугалась, что сейчас, по обыкновению, начнётся драка. Но случилось чудо: зверюшки начали по-братски обниматься.

Да, трудно предсказать поведение наших подопечных!

Нам вернисаж

«Помни,
сегодня первый день
всей твоей оставшейся жизни,
не теряй его»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Максим Кантор

В художественном музее «Тольяттинская картинная галерея» с 19 февраля по 14 марта 2004 года прошла выставка «Пустырь. Атлас» художника Максима Кантора.

Искусство Кантора хорошо известно в странах Европы и США. Работы художника можно увидеть в лучших музеях и галереях мира – Британском музее, музее Франкфурта, библиотеке Ватикана, а так же в Третьяковской галерее и Русском музее. Цикл «Пустырь. Атлас» подводит итоги последних лет творческой деятельности художника. Серия выполнена в технике офорта в соединении с ксилографией. Семьдесят сюжетов отпечатаны в одной из крупнейших лондонских принт-студий.

Кантор Максим Карлович родился в Москве 22 декабря 1957 года, в семье философа Карла Кантора – одного из наиболее известных в московских, интеллектуальных кругах. В литературно-философской среде сформировался талант художника и писателя. В 1980 окончил Московский полиграфический институт. В настоящее время в основном живет на Западе, работает в лондонской мастерской.

В начале 80-х на московских выставках (сначала однодневных – на Кузнецком мосту и в Институте философии, потом – на 17-й московской Молодежной выставке) стали выделяться работы художников «группы Кантора» (Табенкин, Сундуков, Шерман). «Это искусство стало говорить не о предметах и явлениях, а обо всей нашей жизни сразу и заговорило не от себя, а предоставив это самим вещам и явлениям». Из этого периода произведение «Каторжник» (1987 г). Работа находится в коллекции «живопись» художественного музея «Тольяттинская картинная галерея». На данном полотне человеческую фигуру он трактует как памятник, монумент, выделяя страдания одного человека и этим «говоря» о противоречиях в стане и в мире.

Перед отъездом в Москву, М. Кантор встретился в непринужденной обстановке с семейством Вавилиных, кое и приобрели в свою частную коллекцию две графические работы М. Кантора «Совок» и «Мокрые ботинки».

На прощанье Максим сделал несколько зарисовок, для семейного альбома Вавилиных, обменялись адресами, электронной почтой, договорились о статье в журнал, той, которая сейчас перед вами.

ПОКА Я СИДЕЛ В КАФЕ С МИЛЫМИ ВАВИЛИНЫМИ...

...мне в голову лезли всякие посторонние мысли. Так уж устроен отечественный гражданин: сидит в ресторане, блины кушает, а сам размышляет, как бы этот ресторан снести, вместо него возвести небоскреб, а на самом верху небоскреба – открыть другой ресторан, и там поужинать. И я от других российских мечтателей в этом отношении несколько не отличаюсь – пока Виталий с Ольгой меня кормили блинами, я обдумывал разные глобальные проекты в отношении блинной промышленности в целом, реорганизации города Тольятти, развития культурной инфраструктуры и т.д. Русская действительность дает предостаточно материала для такого прожектирования: уж больно все вокруг неужожено – как-то хочется все улучшить. И ведь можно улучшить! Глядишь, и блины слаще станут. И появляются наши отечественные прожектеры: Манилов (см. генеральный проект возведения моста), Бендер (см. Нью Васюки) Татлин (см. знаменитый летательный аппарат и башню), Ленин (см. популярный план ГОЭЛРО, а также социализма в целом), Петр Первый (см. проект окна в Европу), Горбачев (см. чертежи общего европейского дома, проект в настоящий момент отправлен на доработку). Поскольку я не государственный деятель, а художник, то проект, предложенный мною, касается только музея – а к общеевропейскому дому я вернусь несколько позже (тем более, что без меня у них все равно не получится). Так вот, проект музея. Музей (чтобы вы знали) это лицо города – хотите вы этого или не хотите. Приезжает, допустим, к вам в гости интеллигентный человек, и сразу спрашивает: а музей у вас есть? И вам делается стыдно. Можно, конечно, найти выход из положения – интеллигентных гостей не звать, это тоже решение. В конце концов, можно у ворот города требовать предъявить университетский диплом: есть образование у гостя – тогда, извини, тебе не сюда. Но все-таки проще построить музей. Вы, уважаемые граждане, конечно, скажете, что у вас музей уже есть. Это, мягко говоря, ошибка. Сейчас музей у вас, уважаемые граждане города Тольятти, в таком паршивом состоянии, что и обсуждать это не хочется. Клуб для встреч ветеранов холодной войны и то краше.

Отдайте это помещение для работы с неблагонадежными подростками – пусть им там лекции о вреде наркотиков читают. Или лучше устройте ломбард, тем паче, что там в подвале какая-то рухлядь лежит, шкаф с привидением советского

карикатуриста, или что-то похожее. Какая-то позорная забегаловка у вас, а не музей, невозможно выразить, насколько она ужасна. Забыть – единственное, что можно сделать в отношении этой культурной точки. Забыть навсегда, и начать строить новое здание. Как построить музей? Я вам сейчас объясню. Все предельно просто. Здание должно стоять отдельно – в лесу, на берегу Волги. Вы что, милые тольятчане, – в такой красоте живете, и ею не пользуетесь – это же позор. От глупости или от лени? На берегу Волги должен стоять музей – окруженный елями. И станут туда люди ходить и иностранцы приезжать. И будет он издалека виден, и с парохода, и с автострады. И будут люди гулять подле него, а на террасе сидеть станут интеллигентные гости города и пить кофе. И прославитесь вы на весь мир. Как это денег нет? А завод ваш на что? Враки, что нужны миллионы – нужен энтузиазм. Будет энтузиазм – будет и музей. Будет музей – будет слава у города. Будет слава у города – и заводу прибыль окажется. Не нужен большой музей – нужен компактный, красивый, уникально расположенный – так, чтобы войти было приятно. Просите знакомых архитекторов – пусть рисуют (только бесплатно) проекты. Хотите – я вам нарисую. Ройте котлован – своими силами ройте, арендуйте экскаватор – и вперед, зовите в помощь интеллигенцию, мальчиков доармейского возраста, – что, нет у вас сотни энтузиастов? Для себя же работаете – разве нет? Пусть строительство затянется на пять лет – за это время соберете оригинальную коллекцию. Далее вопрос – как собирать? Что собирать? По силам ли? Ведь музей без собрания – не музей. Ну, дом отгрохали – а что внутри? Собирать, что придется, что подвернется – это глупо. Нужна концепция. Собирать надо (к этому я и призываю граждан Тольятти) так, как это делал Николай Иванович Вавилов, великий генетик, который, путешествуя по свету, собирал образцы семян разной флоры планеты. Вот я и призываю Вавилиных идти путем Вавилова – стать такого рода собирателями, которые рано или поздно войдут в историю. И, главное, первые шаги они уже сделали. Надо путешествовать по миру и собирать рисунки и наброски, подмалевки и эскизы, одним словом то, что художнику (английскому, русскому, японскому) не жалко будет отдать из мастерской. На холсты и статуи деньги нужны большие, и не надо стремиться к ним: все равно больше трех экспонатов не соберете. Ваш музей не должен замахиваться на грандиозное – он должен сузить задачу, сделать

ее выполнимой, важно выбрать небольшую, но оригинальную цель. Важно так сформулировать направление музея, чтобы музейное собрание стало уникальным в мировой практике. В том виде, в каком музейная коллекция пребывает сейчас – это коллекция десятистепенной значимости. Что удастся прикупить в будущем – в целом понятно: ничего. Разве что какой-нибудь локальный мэтр подарит холст, который самому девать некуда. Закупки, сделанные Минкультом времен сов. власти – это, простите, каша. Что делать? Вот я и предлагаю: сделайте Всемирного значения Музей Набросков. Набросок – это самое значительное, что есть в искусстве. Это – как код ДНК – в нем уже содержится вся будущая картина. Нет ничего обаятельнее первого эскиза – когда замысел только постучался, художник взял карандаш, провел три линии и рисунок кинул на пол. Думаю, надо отрядить двух-трех искусствоведок (милых, обаятельных, со знанием языков) и отправить их в путешествия: пусть живут в дешевых пансионатах и едят бутерброды, пусть ходят по мастерским художников, кланчут наброски, объясняют ситуацию, с пола подбирают рисунки. Покатаются три года – и у Тольятти будет небывалый музей. Экспозицию я вижу примерно так: вот фотография картины Френсиса Бейкона, а вот – рядом – десять карандашных набросков. И так далее – по странам и континентам. Я привел фигуру Николая Вавилова не случайно. Великий генетик собирал семена, но набросок – это то же самое семя: из наброска вырастает картина. Так, малыми усилиями, терпением, и упорством вы сделаете музей, которого в мире не существовало. Вот и все – очень просто. А уже потом, когда мы построим музей, можно будет с легким сердцем кушать блинчики.

Ваш Максим Кантор

Ви Валко и Давид
зрухоски

Наши гости

*«Одним из главных условий творческого
труда является работа не потому,
что надо, а потому, что хочу»*

*Арон Резников,
«Словарь жизни»*

Елена Камбу́рова

Елена Камбурова!?

«В России есть волшебный уголок,
где окрыляют музыкой стихи...»
(неизвестный автор)

Нашему городу несказанно повезло, наш город, как магнит, притягивает великих современников, виртуозов России во всех областях человеческой деятельности. Написал первые строчки и вздрогнул...

Почему вздрогнул? Да сразу вспомнил интервью с Еленой Камбуровой, взятое обозревателем газеты «Комсомольская правда» Ольгой Кучкиной у этой удивительной актрисы – певицы-философа. Елена Камбурова сказала Кучкиной, что «никогда не была современником...»

Открываю словарь русского языка С.И. Ожегова. Читаю: «Современник. Тот, кто живет в одно время с кем-чем-нибудь. Современный. 1. Относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем-чем-нибудь. (Современные Пушкину поэты.) 2. Относящийся к настоящему времени, теперешний. 3. Стоящий на уровне своего века, не отсталый».

Перебрал свой архив, нашел папку «Е. Камбурова в Тольятти». Выписал такие фрагменты из интервью корреспондентам наших городских газет и журналов. Вот что «накопал». Из блиц-интервью Е.Камбуровой журналисту Сергею Мельнику в гримерке ДКиТ ВАЗа после концерта 14 марта 1998 года: «Песня, по сути, стала моим первым учителем. Я и сейчас продолжаю учиться у нее. Песни учат не только петь и быть в них актрисой: самое главное заключается как раз в каком-то человеческом начале, которое они несут. Мои песни не позволяют раздваиваться на сцене и в жизни, их невозможно петь отстраненно. Главное, чему они меня научили, – терпению и мужеству...»

Я абсолютно верю в то, что песня каждый раз рождается вот сейчас, в этот момент. Песня не может быть старой: она может быть затертой, плохо исполненной, не там спетой, не теми, – но она никогда не бывает старой. Поэтому я очень легко могу кочевать и во времени, и в пространстве. Я пою песни шестнадцатого века, не только русские, но и французские, и английские – и чувствую себя в них очень хорошо. Потому что вместе со мной, с моим дыханием, в этот момент песня рождается снова... Как правило, сначала появляются стихи. А музыка

приходит для того, чтобы в буквальном смысле их окрылить, дать им полет. А иначе зачем ей приходиться? Ну а когда к этим двум живым существам прихожу я, третья (и со мной мои музыканты Олег Синкин, Вячеслав Голиков), мы вместе начинаем ворожить, добавляя в эту огромную партитуру свой «рисунк». А уже потом появляется его величество зритель, перед которым я всегда склоняю колени, – и тогда уже песня обретает абсолютно законченную форму...

Я долгие годы выступала на очень разные аудитории. И на свои, и на совершенно не свои, потому что все концерты формировали Росконцерт, Москонцерт, а люди, которые называются сегодня менеджерами, совершенно не думали об адресе песни. Раньше я не могла понять, как это может быть: вроде бы одни и те же люди – а абсолютно разное восприятие. А потом, наконец, осознала, что моя аудитория – это мои потенциальные друзья. Люди, которые могли бы, если бы пели, петь такие же песни, хотели бы читать такие же стихи и хотели бы того же, что я желаю России: чтобы благоденствие было не только внешне, но, в основном, внутренне. Если бы таких людей не было, я бы уже совсем сложила крылышки...» [газета «Презент» № 41 (500) от 21.03.1998]. А вот что говорила Елена Камбурова после трехчасового концерта в ДКиТ 6 февраля 1999 года: «Так получилось, что войдя в мир песен, я стала школяром. Это школа, понимаете? Мои любимые песни формально петь невозможно, а что значит неформально петь? Это значит, что песни входят в твою жизнь, становятся действительно влияющими на тебя. И когда я их беру, я надеюсь, что они будут влиять и на слушателей. А влияние там потрясающее, потому что, мне кажется, я выбираю очень хорошие стихи. С самых первых шагов уже начали появляться советчики, которые говорили: «Нет, эти песни никто не поймет, они сложные, их не надо. Надо попеть что-то попроще, завоевать как-то симпатии, а уж потом – их». Но на первой стадии я поняла, что, если я пою эти песни, я говорю на одном языке, я не могу говорить с одними и теми же людьми на каком-то другом» [газета «Презент центр» № 8 от 20.02.1999].

Елена Антоновна до удивления деликатный человек, вернее, сострадательно-деликатный. После тяжелейшего по нагрузке концерта (я помню, что певица перенесла простудное заболевание) за кулисами ДКиТ ВАЗа 22 января 2000 года актриса, выжатая как лимон, все-таки дала интервью корреспонденту Елене Сафроновой:

«– Вам приходится менять не только роли-маски, но еще и страны, и эпохи... Вы – как путешественница во времени. Где же вам интереснее всего, в какой эпохе?»

– Ой, чем дальше вглубь эпох, тем спокойнее и прекраснее. Когда я пою песни XVI века, французские и английские баллады, такое умиротворение наступает. (Смеется.) На самом деле ведь никогда не было спокойных времен, но музыкальные традиции не были никогда такими агрессивными, какие они сейчас, в XX веке. Люди из прошлого никуда не торопились, поэтому и в их музыке была гармония – все как-то мягко, нежно. Это прекрасное состояние, и путешествовать в него – огромное удовольствие.

– Вы считаете, что каждое время заслуживает той музыки, которая в нем звучит?

– Да, и сегодняшняя «попса» – это производное от грубости и невежества. Грубое и невежественное время озвучено таким образом в России и очень верно отражает то, что происходит повсюду. Иногда, в самые «дремучие» моменты моего состояния, я думаю: «Боже, если существует на свете ад, то он должен быть озвучен именно этими ритмами».

– Вы часто говорите о том, что надо поменьше внимания обращать на «жизнь за окном», на быт, на сиюминутное... Об авторах исполняемых песен отзываетесь не иначе как «Великие Поэты» – с пафосом. Они словно не сходят с постамента. А я вот недавно в воспоминаниях Вертинского читала, как он писал же-не из гастролей по Сибири, что «в магазинах – одни консервы и древесный спирт, который местные жители называют «су-чок»... Они ведь были живые люди, со своими слабостями и со своим бытом. Часто ли вы думаете о них таким образом?»

– Да, но ведь, как правило, момент создания стихотворения поэт отделяет от похода в магазин. Редко у кого в очереди могли появиться какие-то высокие мысли... Впрочем, если даже в очереди, значит, поэт настолько абстрагировался от этого и сразу стал «над». И вы знаете, неудивительно, но часто бывает так, что личность автора и созданное им произведение просто не совпадают. У меня всегда была возможность дружить практически со всеми поэтами-современниками, которых я сегодня исполняю, но я дружила очень осторожно именно из-за боязни разочарования. Ну пусть они где-то там наверху и остаются. Либо самому надо четко понимать и философски относиться к тому, что человек безалаберный, увлекающийся, совершающий

нелепые и бездарные поступки может сочинить потрясающие стихи. Я раньше никак не могла для себя это соединить. А потом поняла, что такое возможно.

– И в чем же дело? Природа человеческая такова?

– Вот мы идем в тени. Очень плохо освещено лицо, и сами мы как тени. Но вот этот кусочек пройден, и нас осветило солнце. Совершенно другие, лучистые глаза стали, волосы... Это тот самый момент, когда Боженька соединяется с поэтом. Здесь человек – поэт. А потом он пойдет дальше по своим делам, совсем в другую сторону...

– Получается, что хоть раз в жизни каждый из нас был поэтом?

– А как же? У нас бывают ситуации, в которых мы можем быть поэтами. Более того, мое абсолютное убеждение: поэты – не только те, кто пишет стихи. Это те, кто умеет их прочитывать. Умеет различить графомана и настоящего поэта. Это люди, которые могут забыть обо всем и наблюдать закат, и видеть, как начинается прорасти первая трава весной или, более того, как она прорастает сквозь асфальт. Это те, кто самозабвенно будет стоять возле первой распускающейся почки. Вот это – поэты.

– А как вы считаете, многим людям сегодня необходимо чувствовать себя поэтом? Многие ли обращают внимание на закат и цветочки?

– Многие не обращают. А я все равно мечтаю, чтобы обращали. (Смеется.)

– Что же для этого надо сделать?

– Очень просто. Надо, чтобы будущие мамы слушали хорошую музыку, определенным образом мыслили. А когда ребенок рождается, его должна окружать гармония. Потом он узнает, как жесток этот мир. Но если его научат оставаться самим собой в любых ситуациях, если таких матерей, детских садов, яслей, школ будет больше, тогда все будет по-другому.

– Ой, мечтательница вы, Елена Антоновна!

– Да! (Смеется.) Я такая!» [газета «Площадь СВОБОДЫ» от 25.01.2000].

К большому сожалению, из моего архива пропали материалы (вместе с видеокассетой) по концерту Е. Камбуровой в г. Тольятти на сцене ДКиТ ВАЗа 4 ноября 2001 года, есть только заметки после концерта, когда я с женой (Целиковой Таисией Васильев-

ной, врачом-педиатром) зашел за кулисы и прочитал Елене Антоновне рифмованные зарисовки-впечатления:

* * *

Свободу голоса отстаивают руки,
А кисть руки дописывает звуки.
В той связке голоса и рук
Скамбуровался дивный звук.

* * *

(После песни «Я такое дерево».)
Естественны желанья зрелищ, хлеба...
В природе Вашей захочется тянуться в небо.
Так очевидно, что другие Вы деревья
Среди «дубов» и «лиг» «фанерных» для потребья.
Как мне шепнул любимый педиатр:
«Реликтовая рожа – Ваш театр».

После 2001 года Камбурова в нашем городе не была четыре года. И вот по приглашению Совета ветеранов ОАО «АВТОВАЗ», при поддержке ЗАО «Восток Лада», ФИА-БАНКа, Библиотеки Автограда Елена Антоновна дала сольный концерт в ДКиТ ВАЗа 1 октября 2005 года. Практически во всех городских газетах и журналах было напечатано об этом концерте и о встрече с Камбуровой в литературной гостинной Библиотеки Автограда 2 октября, после которой Театр Музыки и Поэзии уехал в г. Самару.

Один из отзывов об этой встрече хочется привести в этом материале:

– С какими гениальными шансонье вас сводила судьба?

– Я очень верю в так называемое последствие... Приведу только один пример. Это было очень давно, когда я еще толком не представляла, чем буду заниматься на сцене. И вдруг попала на выступление знаменитого французского шансонье Жака Брея, которое помню до сих пор и ощущаю последствие его песен. Грандиозное, ни с чем не сравнимое впечатление!

С тех пор я иду по тому же пути. И волнуюсь чрезмерно перед каждым выступлением.

Ведь концерт – это несколько часов, прожитых вместе со зрителями. И я в ответе за эту маленькую жизнь, которую мы проживаем с ними вместе.

Очень расстраиваюсь, когда песня не получилась. И даже на современных компакт-дисках мои песни звучат не всегда так, как мне хотелось бы... Одна надежда – на Его величество зритель, его память и восприятие...

– Как-то в одном интервью вы признались, что никогда не были современной. Вероятно, нынешнее время вам также далеко по духу?

– Не стесняюсь говорить, что я старомодна. Старая мода мне гораздо ближе. Хочется читать достойные книги, слушать настоящую музыку и даже... старинную манеру разговора. Не пулеметную, которая постоянно звучит в ток-шоу, а нормальную человеческую речь, размеренную, чтобы слово «дышало»... Сейчас настала какая-то эпоха передразнивания всего того прекрасного, что наработало человечество. Я, как тот мальчик в сказке, пытаюсь кричать – «король-то голый!», но меня никто не слышит.

Когда еще только наступала новая эпоха в стране, я сначала обрадовалась: «Ну, наконец-то!» Увы, свобода обернулась вседозволенностью пошлости...

– Как вы нашли своих партнеров по сцене и театру?

– Долгое время я была одиноким путником в пустыне, а затем рядом со мной появились замечательные музыканты – пианист Олег Синкин, гитарист Вячеслав Голиков, режиссер Иван Поповский, ученик Петра Фоменко. Наши репетиции часто похожи на диспуты, но в этом есть своя прелесть.

– Вы до сих пор поете песни, которые звучали двадцать и более лет назад... Почему?

– Вообще для меня старых песен не бывает. Без разницы, сколько им лет – 20 или 30... В кино петь легче – выучил, пришел и спел один раз. А вот на сцене каждый раз песню переживаешь заново, причем очень расстраиваешься, если она не прозвучала. Мне часто мешает чрезмерное волнение. С этим невозможно справиться – если это есть, то на всю жизнь. Я знаю только двух очень талантливых певцов, которые железно уверены в себе и никогда не волнуются на сцене. Я знала еще одного великого артиста Леню Енгибарова, который был абсолютно уверен в себе и в том, что он делает. В этом человеке были словно спрессованы время и энергия.

Хотя совсем не волноваться на сцене нельзя – тогда вибрация уходит, и резонанс исчезает.

– А вам не приходилось жалеть о том, что, помимо сцены, могли бы раскрыться в чем-то другом?

– Жалела, и не раз. Иногда корю себя: «Зачем я мучаю и себя, и зрителей!» Я никогда не была эгоисткой, которая мечтает только о внимании к своей персоне. Наверное, могла бы заниматься и цветочным дизайном, и помогать бездомным животным... Но до сих пор живу на сцене с мыслью, что все еще впереди. До этого, мол, были черновики, а начисто еще можно переписать. Успеть бы только!» [«Старым песням не изменяю», газета «Волжский автостроитель» № 186 (6661) от 5.10.2005].

Вот что в разное время писали и говорили о Елене Камбуровой.

Ольга Кучкина, обозреватель газеты «Комсомольская правда»: «Я думаю, во Франции, скажем, она давно была бы национальной героиней, символом. У нас она – выдающийся художник, о чем знают десятки, сотни, тысячи, но не сотни тысяч, как следовало тому быть. Господи, как же щедра наша земля талантами! И как щедро она ими разбрасывается».

Владимир Леви, писатель, врач-психотерапевт: «Слушаю Елену Камбурову, чтобы лечиться от пошлости».

Булат Окуджава: «Последняя героическая женщина в нашем жанре».

Юрий Соколов, газета «Известия»: «Елена Камбуrowa – это явление. ...Эдит Пиаф просто выходила в черном платье, просто пела, и зал замирал, ликовал... Михаил Жванецкий выходит на сцену, достает мятые листки и просто читает... Однако это та особая простота, что укладывается между великим и гениальным. Так же и Елена Камбуrowa».

Фаина Георгиевна Раневская, великая актриса XX века, сказала как-то: «Как хорошо, что ВЛ, Камбуrowa, не фифа...» (Три последних года жизни Фаины Раневской Елена Камбуrowa «дружила домами» с легендарной актрисой.)

Не удивительно ли, что перед Еленой Антоновной Камбуrowой слегка робеют многие известные телеведущие, актеры и режиссеры, беседуя с ней. Игорь Угольников на РТР назвал Елену Камбуrowу: «Ум, честь и совесть российской эстрады». Эльдар Рязанов восторженно целовал ей руку и с потрясающей деликатностью брал у нее интервью. Ее любят на всех телеканалах, особенно на канале «Культура», но показывают крайне редко. Блестящая и душевная встреча с Еленой Камбуrowой была организована на канале НТВ в передаче «Время «Ч» с Ольгой Кучкиной».

Своеобразно сказал о Елене Камбуровой известный журналист, бывший автогонщик и искренний друг Волжского автомобильного завода Юрий Гейко: «Леночка, Вы – фильтр тонкой очистки наших душ... Ваш Театр Музыки и Поэзии – прототип экологически безупречного вечного двигателя культуры».

Математики говорят, что вероятность побывать на концерте Елены Камбуровой почти такая же, как посетить Большой театр России в Москве.

Материал подготовил Юрий Целиков

Песни из книги Елены Камбуровой «Моим друзьям» (тексты изложены в той редакции, в которой они исполнялись со сцены).

Беседа с Еленой Антоновной Камбуровой

Ольга Вавилина: Я знаю, что вы очень заняты: сейчас была репетиция, а через час – выступление на радио, но мы очень признательны, что вы согласились уделить нам немного времени.

Перейду прямо к делу. В 16 номере «Древа» мы опубликовали избранные стихи из книги ваших песен. А когда уже напечатали, у Виталия родилась идея: расспросить Вас о каждой песне... Ведь это очень интересно, как они пришли в Вашу жизнь, какое место заняли...

Расскажите что-нибудь нашим читателям, как бы приоткройте занавес...

Елена Камбурова: Начнём с Булата Окуджавы.

Песня «Полночный троллейбус» – это одна из самых первых песен Булата Окуджавы. Я думаю, что первое знакомство с песней произошло когда-то в гостях у моих московских друзей. В те годы были такие магнитофоны с бабинами, с лентой, и было очень плохое качество записи, но через плохое качество я почувствовала интонацию, не схожую с той интонацией, которая вообще звучала на радио. Была она такая теплая, неспешная, и было в ней что-то нездешнее.

Полночный троллейбус

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.
Последний троллейбус по улицам мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.
Последний троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры, матросы твои

приходят на помощь.
 Я с ними не раз уходил от беды,
 я к ним прикасался плечами...
 Как много, представьте себе, доброты
 в молчанье,
 в молчанье.
 Последний троллейбус плывет по Москве,
 Москва, как река, затухает,
 и боль, что скворчком стучала в виске,
 стихает,
 стихает.

Дело в том, что «Молитву» Франсуа Виньона написал Булат (песня «Пока Земля еще вертится»). Но зная, в какой стране и в какое время он проживает, зная, что у нас очень серьезная цензура, он думал, от чьего имени это написать. От имени Булата это невозможно было написать. Мы подумали, подумали и представили эту песню как молитву Франсуа Виньона. Это бард, менестрель французский, живший задолго до Булата Окуджавы.

Молитва

Пока Земля еще вертится,
 пока еще ярок свет,
 господи, дай же ты каждому,
 чего у него нет:
 мудрому дай голову,
 трусливому дай коня,
 дай счастливому денег...
 И не забудь про меня.
 Пока Земля еще вертится,
 господи, твоя власть! -
 дай рвущемуся к власти
 навластноваться всласть,
 дай передышку щедрому
 хоть до исхода дня,
 Каину дай раскаянье...
 И не забудь про меня.

Я знаю, ты все умеешь,
я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю,
как верит каждое ухо
тихим речам твоим,
как веруем и мы сами,
не ведая, что творим!
Господи, мой боже,
зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока еще ей хватает
времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня!

Песенку кавалергарда я услышала одна из первых, потому что мой муж должен был записывать ее для фильма. А потом в фильме записал ее артист Качан. Но я помню, что при первом же прослушивании меня поразило, что такие полетные слова Окуджавы идут не в том, как мне казалось, темпе. Так они в фильме и вошли – размеренные, как в шаг. А мне хотелось влет, и поэтому я начала ее петь на сцене в два раза быстрее. Исаак Шварц, с которым мы очень дружны, сначала был против этого моего темпа, но потом постепенно понял, что в нем тоже есть своя прелесть, прелесть юной жизни, которая может прерваться, захлеб этой юной жизни.

Песенка кавалергарда

Кавалергарда, век не долог,
и потому так сладок он.
Труба трубит, откинут полог,
и где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос струнный,
но командир уже в седле...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле!
Напрасно мирные забавы
продлить пытаетесь, смеясь.
Не раздобыть надежной славы,

покуда кровь не пролилась...
 И как ни сладок мир подлунный -
 лежит тревога на челе...
 Не обещайте деве юной
 любви вечной на земле!
 Течет шампанское рекою,
 и взгляд туманится слегка,
 и все как будто под рукою,
 и все как будто на века.
 Крест деревянный иль чугунный
 назначен нам в грядущей мгле...
 Не обещайте деве юной
 любви вечной на земле!

О. Вавилина: Елена, а ваш муж кто?

Е. Камбурова: Его уже нет на этом свете. У него было много профессий, в том числе он был певцом и немножко записывался в кино.

Песенку лисы Алисы и кота Базилио я тоже до сих пор исполняю со сцены. И нужно сказать, что Булат Окуджава сам написал мелодию для этих стихов, и она, с моей точки зрения, гораздо лучше, чем та, которую написал Алексей Рыбников в фильме. Она более точная, но в фильм она не вошла.

Песня лисы Алисы и кота Базилио

Пока живут на свете хвастуны -
 мы прославлять судьбу свою должны.
 Какое небо голубое!
 Мы не поклонники разбоя.
 На хвастуна не нужен нож,
 ему немного подпоешь -
 и делай с ним, что хошь!
 Покуда живы жадины вокруг -
 удачи мы не выпустим из рук.
 Какое небо голубое!
 Мы не поклонники разбоя!
 На жадину не нужен нож,
 ему покажешь медный грош -
 и делай с ним, что хошь!

Пока живут на свете дураки –
обманывать нам, стало быть, с руки.
Какое небо голубое!
Мы не поклонники разбоя!
На дурака не нужен нож,
ему с три короба наврешь –
и делай с ним, что хошь!
Какое небо голубое!
Живут на свете эти трое.
Им, слава богу, нет конца,
как говорится, зверь бежит –
и прямо на ловца!

«Любовь и разлука» – это одна из множества песен, которые я записала для кинофильма «Нас венчали не в церкви».

Я помню, когда я приехала к Исааку Шварцу (он же живет под Питером), он был здесь и жил в Доме ветеранов (многих поселяют вместо гостиницы в Дома ветеранов кино), и у него в гостях был Хуциев. Исаак Шварц еще раз проиграл эту песню, и тогда Хуциев сказал: «Вот увидите, эта песня будет очень популярна, ее будут очень многие любить». Я сказала, что то, что я пою, не всегда становится популярным. А он ответил, что эта песня будет исключением. И он оказался прав.

Любовь и разлука

(дорожная песня)

Еще он не сшит, твой наряд подвенечный,
и хор в нашу честь не сплет...
А время торопит – возница беспечный, –
и просятся кони в полет.
Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга,
не смолк бубенчик под дугой...
Две вечных подруги – любовь и разлука –
не ходят одна без другой.
Мы сами раскрыли ворота, мы сами
счастливую тройку впрягли,
и вот уже что-то сияет пред нами,
но что-то погасло вдали.
Святая наука – расслышать друг друга
сквозь ветер, на все времена...
Две странницы вечных – любовь и разлука –
поделятся с нами сполна.

Чем дольше живем мы, тем годы короче,
 тем слаще друзей голоса.
 Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
 глаза бы глядели в глаза.
 То берег – то море, то солнце – то выюга,
 то ласточка – то воронье...
 Две вечных дороги – любовь и разлука –
 проходят сквозь сердце мое.

«Музыкант играл на скрипке» – эта песня была в 1984 году. У меня где-то есть буквально день написания этой песни, потому что именно так совпало, что я пришла в гости к Булату Окуджаве в тот самый день, когда он написал эту песню, которую он посвятил Исааку Шварцу. И была такая ситуация под названием как бы «Ай да Пушкин...». Он бесконечно варьировал разные варианты, сын Буля подыгрывал ему на фортепиано, они сыграли один раз, второй раз, потом подумали, что, может быть, как-то еще изменить. Самое прекрасное, что у меня сохранилась запись этой встречи, как Булат поет первый раз эту песню.

Музыкант

Музыкант играл на скрипке – я в глаза ему глядел.
 Я не то чтоб любопытствовал – я по небу летел.
 Я не то чтобы от скуки – я надеялся понять,
 как способны эти руки эти звуки извлекать
 из какой-то деревяшки, из каких-то бледных жил,
 из какой-то там фантазии, которой он служил?
 Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть и поджечь...
 А чего с ней церемониться? Чего ее беречь?
 Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас на путь
 и вселяет в нас надежды... Остальное как-нибудь.
 Счастлив инструмент, прижатый к угловатому плечу,
 по чьему благословению я по небу лечу.
 Счастлив он, чей путь недолог, пальцы злы, смычок остер,
 музыкант, соорудивший из души моей костер.
 А душа, уж это точно, ежели обожжена,
 справедливей, милосерднее и праведней она.

«Дождик осенний» – одна из самых моих любимых песен, в ней какое-то трогательное изящество.

Дождик осенний

Жаркий огонь полыхает в камине,
 Тень моя, тень на холодной стене.
 Жизнь моя связана с Вами отныне,
 Дождик осенний, поплачь обо мне.
 Сколько бы я не бродила по свету,
 Тень моя, тень на холодной стене.
 Нету без Вас мне спокойствия, нету,
 Дождик осенний, поплачь обо мне.
 Все мы в руках ненадежной фортуны,
 Тень моя, тень на холодной стене.
 Любни уж нет, но звучат ее струны,
 Дождик осенний, поплачь обо мне.
 Жизнь драгоценна, да выжить не просто,
 Тень моя, тень на холодной стене.
 Короток путь от весны до погоста,
 Дождик осенний, поплачь обо мне.

«По какой реке мой корабль плывет» – мне очень понравились эти стихи, и я попросила пианиста и аранжировщика Олега Тимкина, с которым я работаю много лет, написать музыку. И мне кажется, что он написал достойную этих стихов музыку.

По какой реке мой корабль плывет
 до последних дней из последних сил?
 Когда главный час мою жизнь прервет,
 вы же спросите: для чего я жил?
 Буду я стоять перед тем судом -
 голова в огне, а душа в дыму...
 Моя родина – мой последний дом,
 все грехи твои на себя приму.
 Средь терни и роз, среди волн и слез
 все твои грехи на себе я нес.
 Может, жизнь моя и была смешна,
 но кому-нибудь и она нужна.

«Ах ты, фокусник, фокусник-чудак» – это буквально первая песня из трех, с которыми я вышла на сцену.

Дальше идут песни «Ветер, какой большой ветер» и «Фокусник» – Новеллы Матвеевой, постоянно присутствующие в моей программе.

Фокусник

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
 Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
 Перестань!
 Мы поверили и так
 В поросенка, упавшего с небес.
 Да и вниз головой на потолке
 Не сиди – не расходуй время зря!
 Мы ведь верим,
 Что у тебя в руке
 В трубку свернуты страны и моря.
 Не играй с носорогом в домино
 И не ешь растолченное стекло,
 Но втолкуй нам, что черное – черно,
 Растолкуй нам, что белое – бело.
 А ночь над цирком
 Такая, что ни зги;
 Точно двести
 Взятых вместе
 Ночей...
 А в глазах от усталости круги
 Покрупнее жонглерских обручей.
 Ах ты, фокусник, фокусник-чудак,
 Поджигатель бенгальского огня!
 Сделай чудное чудо; сделай так,
 Сделай так, чтобы поняли меня!

Ветер

Какой большой ветер
 напал на наш остров!
 С домишек сдул крыши,
 как с молока пену!
 И если гвоздь к дому
 пригнать концом острым,
 без молотка сразу
 он сам войдет в стену!
 Сломал ветлу ветер,
 в саду сравнил гряды,
 аж корешок редьки
 из почвы сам вылез
 и, подкатясь боком
 к соседнему саду,

в чужую врос грядку,
и снова там вырос!
А шквал унес в море
десятка два шлюпок,
а рыбакам горе -
не раскурить трубок,
а раскурить надо,
да вот зажечь спичку,
как на лету взглядом
остановить птичку.
Какой большой ветер!
Ай, какой вихрь!
А ты глядишь нежно,
а ты сидишь тихо,
и никакой силой
тебя нельзя стронуть,
скорей Нептун слезет
со своего трона.
Какой большой ветер!
Ах! Какой вихрь!

Мне повезло, и в самом начале была возможность записываться на радиостанции «Юность», и не просто записываться, а записываться в аранжировках, аранжировки делал Акимов. И я их записала. Какое-то время они прошли, а потом все мои записи не пустились, кроме «Гренады» Михаила Светлого и «Орленка» Якова Шведова.

Гренада

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко» песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доньне хранит
Трава молодая -
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель

С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Мы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
– Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь -
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Граматику боя –
Язык батарей.
Восход подымался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко» песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да, в дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко» песню
Допел до конца.

Лишь по небу тихо
Сползла, погода,
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Орленок

Орленок, Орленок, взлети выше солнца
И степи с высот огляди:
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Орленок, Орленок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет!
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.
Орленок, Орленок, гремучей гранатой
От сопки солдат отмело.
Меня называли Орленком в отряде,
Враги называли Орлом.

«Гренада» – это песня, которую считают, почему-то, комсомольской, если бы те люди, которые работали при цензуре, хорошо вчитались в нее, как раз бы в ней-то они и не увидели бы ничего общего с той моралью, которая навязывалась советскому человеку. Сначала я не собиралась ее петь, впервые я услышала эту песню на радио, не читая до этого стихов, когда ее записывал квартет физтехов. И поскольку я услышала только «Гренада, Гренада», я не поняла, про что эта песня. Потом я внимательно прочитала эти стихи и поняла, что их нужно петь совершенно по-другому, что герой этой песни совершенно другой, он не похож на других, он личность поэтическая. И в этой военной мясорубке он удивительным образом противостоит общему ощущению, вот про это я и думала.

Песню «Орленок» я записала именно потому, что я всегда слушала ее в исполнении детского хора. Они пели эту песню, абсолютно не задумываясь, о чем они поют. А я увидела в этой песне трагедию 16-летнего мальчика, который умирает. В этой песне был еще один куплет, который написал Яков Шведов, я думаю, из страха, который ничего общего не имел с первыми тремя куплетами. И там были такие слова: «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна». Я этот куплет не пела, но никто, почему-то, этого не замечал, и слава Богу.

«Маленький трубач» Сергея Крылова – это тоже одна из моих любимых песен, и «Бригантина» Павла Когана – тоже. Тот романтизм, которым было пронизано время, когда я начинала выходить на сцену, он был превалирующим из чувств, из пониманий. Это как раз то, что сегодня затоптано, утоптано, как будто этого не было никогда. Для меня это существует и в этих песнях и вообще.

Маленький трубач

Кругом война, а этот маленький -
Над ним смеялись все врачи:
– Куда ж такой годится маленький,
Ну разве только в трубачи.
Ну а ему все нипочем -
Ну трубачом, так трубачом!
Как хорошо, не надо кланяться,
Свистят все пули над тобой!
Везде пройдет и не расстанется
С своей начищенной трубой.
А почему? А потому,
Что так положено ему.
Но как-то раз в дожди осенние
В чужой степи, в чужом краю
Полк оказался в окружении,
И командир погиб в бою.
Ну как же быть? Ну как тут быть?
Ну что ж трубач, тебе трубить!
И встал трубач в дыму и пламени,
К губам трубу свою прижал,
И за трубой весь полк израненный
Запел «Интернационал».
И полк пошел за трубачом,

И полк пошел за трубачом!
 Солдат, солдат, нам не положено,
 Ну что тут делать, плачь не плачь,
 В чужой степи, в траве некошенной
 Остался маленький трубач...
 А он, а он, все дело в том -
 Был настоящим трубачом!

Бризантина

Надоело говорить и спорить,
 И любить усталые глаза...
 В флибустьерском дальнем море
 Бризантина подымает паруса...
 Капитан, обветренный как скалы,
 Вышел в море, не дождавшись нас.
 На прощанье подымай бокалы
 Золотого терпкого вина.
 Пьем за яростных, за непохожих,
 За презревших грошевой уют.
 Вьется по ветру веселый Роджер,
 Люди Флинта песенку поют.
 Так прощаемся мы с серебристою,
 Самую заветною мечтой,
 Флибустьеры и авантюристы
 По крови, упругой и густой.
 И в беде, и в радости, и в горе
 Только чуточку прищурь глаза -
 В флибустьерском дальнем море
 Бризантина подымает паруса.
 Вьется по ветру веселый Роджер,
 Люди Флинта песенку поют,
 И, звеня бокалами, мы тоже
 Запеваем песенку свою.
 Надоело говорить и спорить,
 И любить
 усталые глаза...
 В флибустьерском дальнем море

Потом был большой период работы с Микаэлом Таривердиевым, тесное сотрудничество. Мы ездили вместе, я выступала на его творческих вечерах. И вот появилась песня на стихи Анд-

рея Вознесенского «Я такое дерево». Так получилось, что эта песня стала на долгие годы моей визитной карточкой. Те зрители, узкая прослойка людей, они меня помнят именно по этой песне.

Еще одна песня Микаэла Таривердиева «Ты уходишь как поезд», она была написана для фильма «Любить». Песня мне очень понравилась, фильм тоже очень понравился. Под впечатлениями от просмотра фильма я впервые явно услышала такое современное звучание, такой жесткий ритм в песне Микаэла Таривердиева, но все – в разумных пределах. И это было прекрасно.

Я такое дерево

Я такое дерево...

Я такое дерево...

Я такое дерево...

Такое дерево...

Ты хочешь, чтоб я был,
как ель, зеленый,
всегда зеленый,
зимой и осенью.
Ты хочешь, чтоб я был
гибкий, как ива,
чтоб я мог,
не разгибаясь, гнуться.
Но я... Я другое дерево...
Я другое дерево,
Я другое дерево,
Другое дерево.

Если рубанком
содрать со ствола кожу,
распилить его, высушить,
а потом покрасить,
то может подняться
мачта океанского корабля.

Могут родиться красная скрипка,
копье, крыша
или белая палуба.

А я не хочу,
 чтоб с меня сдирали кожу;
 я не хочу,
 чтобы меня красили, сушили, пилили...
 Нет, я этого не хочу.

Не потому, что я лучше других деревьев.
 Нет, я этого не говорю...
 А просто... просто...
 просто я другое дерево,
 я другое дерево.

Говорят, если деревья
 долго лежат в земле,
 то они превращаются в уголь,
 в каменный уголь.

Они долго горят, не сгорая,
 и это дает тепло.

А я хочу тянуться в небо.
 Я хочу тянуться в небо.
 Не потому, что я
 лучше других деревьев. Нет...

А просто...
 просто я другое дерево.
 Я другое дерево.
 Другое дерево.
 Я такое дерево...
 Такое дерево.

Ты уходишь, как поезд

Поздно,
 Мне любить тебя поздно,
 Ты уходишь, как поезд,
 Поезд, поезд, поезд.
 И одни на перроне -
 Дождь и я.
 Нет, не плакать, дождь, не плакать!
 Пусть поплачу я за тебя.

Ветер,
Он меня обнимает,
Он меня понимает,
Ветер, ветер, ветер.
Он, как я, на перроне
Одинок.
Нету бога!
Нету бога!
Есть лишь поезд, но он далек.

Поздно,
Не стоит надеяться мне на стоп-краны,
Поздно, поздно, поздно,
А поезд, поезд уже вдали,
Его не вернешь.
Поздно, поздно, поздно, поздно.

Рельсы,
Вы так тянетесь, рельсы,
Вы так тянетесь, рельсы,
Рельсы, рельсы, рельсы.
В этом поезде только мне места нет.
Лишь в ладони
Лист осенний,
Лист осенний, как мой билет,
Поздно, поздно, поздно, поздно.

Песня «Маленький принц» Николая Добронравова – это была моя первая запись в кино. Песня очень дорога мне, и я никак не думала, что она будет известной. Более того, спустя два года после ее записи, цензоры увидели намеки на нашу страну в словах «кто тебя выдумал, звездная страна» и «где же вы, где же вы, счастья острова». Считалось, что это неправильно, когда мы живем на таком счастливом острове. И мы одержали невероятную победу, когда был общий концерт в Доме композиторов, который снимался телевидением, и Микаэл Таривердиев так твердо сказал: «А, давай споем «Маленького принца». Как будто мы что-то такое невероятное собирались сделать».

О.Вавилина: Это какой год был?

Е.Камбурова: Это был 1970 год. Осенью 1968 года я записала эту песню, два года я с ней не выступала. А потом стало можно. Даже сегодня ее поют.

Маленький принц

Кто тебя выдумал,
звездная страна?
Снится мне издавна,
снится мне она...
Выйду я из дому,
выйду я из дому –
прямо за пристанью
бьется волна...

Самое главное –
сказку не спугнуть,
миру бескрайнему
окна распахнуть...
Мчится мой парусник,
мчится мой парусник,
мчится мой парусник
в сказочный путь.
Ветреным вечером
сморкнул крики птиц,
звездный замечу я
свет из-под ресниц...
Тихо навстречу мне,
тихо навстречу мне
выйдет доверчивый
маленький принц.

Где же вы, где же вы,
счастья острова?
Где побережье
света и добра?
Там, где с надеждами,
там, где с надеждами
самые нежные
дружат слова.

Песня на стихи Юнны Мориц «Тихо музыка играла», почему-то, нравится многим моим слушателям. Я ее почти никогда не пела на сцене, она была в записи и очень часто звучала на радио.

О.Вавилина: По заказам?

Е.Камбурова: Наверное, да. Ада Якушева, одна из первых, еще будучи женой Юрия Визбора, она писала песни, они оба пользовались одинаковой популярностью, и Юра и Ада. Я очень любила петь ее песни, такие лирические, такие открытые.

Тихо музыка играла

Плыл кораблик вдоль канала,
Там на ужин били склянки, -
Тихо музыка играла
На Ордынке, на Полянке.

Так названивают льдинки
Возле елочного зала, -
На Полянке, на Ордынке
Тихо музыка играла.
Так лепечет на полянке
Тот ручей, где я играла, -
На Ордынке, на Полянке
Тихо музыка играла.

Я как раз посерединке
Жизни собственной стояла, -
На Полянке, на Ордынке
Тихо музыка играла.

Я снаружи и с изнанки
Ткань судьбы перебирала.
На Ордынке, на Полянке
Тихо музыка играла.

Тихо музыка играла
На Полянке, на Ордынке.
Мама стекла вытирала,
Где в обнимку мы на снимке.

Бумазейкой вытирала,
Просветляла облик в рамке.

Тихо музыка играла
На Ордынке, на Полянке.

Это было на стоянке,
Душу ветром пробирало, -
На Ордынке, на Полянке
Тихо музыка играла.

Ты – мое дыхание

Ты – мое дыхание,
Утро мое раннее,
Ты – и солнце жгучее
И дожди.
Всю себя измучаю,
Стану я самой лучшей,
По такому случаю
Ты подожди.

Подожди, себя тая,
Самой красивой стану я,
Стану самой умною
И большой.
Столько лет все думаю:
Как мне найти звезду мою?..
А звезда – рюкзак за плечи
И пошел.

Ты – моя мелодия.
Ты – вроде ты и вроде я,
Мой маяк у вечности
На краю.
Спросят люди вновь еще:
– Ну как ты к нему относишься?
Я тогда им эту песню пропою.

Был чудесный фильм Михаила Калика «До свидания, мальчики», и он потрясающе начинался этой песней, на фоне взрывов, гибели молодых солдат. Шли эти «Чистые пруды» на стихи Беллы Ахмадулиной, я их тоже очень любила петь.

Чистые пруды

Пока чисты вы, Чистые пруды,
Есть чудеса, как утверждают дети.
И солнце к нам выходит из воды,
И нравится мне жить на белом свете.
Пока чисты вы, Чистые пруды,
И весела погоды перемена,
Я говорю: «Любимый мой, приди!»
И знаю, что придешь ты непременно.

Пока чисты вы, Чистые пруды,
Дышу Москвою чисто и пристрастно.
И говорю, что даже в час беды,
Безмерна жизнь, безмерна и прекрасна!

Песенка «Воздушной гимнастки». В свое время я училась в училище циркового и эстрадного искусства, я исполняю эту песню в память об этом. Ведь каждый выход на сцену в некотором роде для меня – трюк, потому что нужно нигде не споткнуться в стихах, все помнить. Это очень не просто. Я очень уважительно отношусь к цирковому искусству, потому что они действительно очень рискуют жизнью и часто погибают. Не знаю, как сейчас, но тогда были очень тяжелые условия проживания, эти бесконечные гастроли, сложности, не имея своего дома. И получали они просто гроши, я думаю, и сейчас также. Я очень люблю цирковых артистов.

Песенка воздушной гимнастки

Ап! Вот и я опять! Не страшно мне нисколько!
Но я боюсь за вас, вам страшно за меня –
Вдруг я не удержусь и превращусь в осколки.
Ап! Я не умерла, я только замерла.

Не бойтесь, это трюк, я гибели не стражду,
Смотрите на меня, покуда жизнь цела,
Страшиться за меня, ведь если вам не страшно –
Ап! – трюку моему всего лишь грош цена!

Ап! – весело идти по острию каната,
Плясунья, так пляши, пока не сорвалась!
Я знаю, что уйду, уйду от вас раз надо,
Так было всякий раз, так будет и сейчас.

*Я ухожу от вас по роковому краю
Из нынешнего дня в былые времена,
Я в цирке рождена и в цирке умираю –
Ап! – плачьте обо мне, не бойтесь за меня!*

Воистину великолепны великие замыслы. Я впервые познакомилась с Владимиром Дашкевичем на радио, когда после очередной записи услышала песню «Люди только мешают» в какой-то студии. Я подумала, надо же – какой любопытный текст. Вошла туда, и меня познакомили с Владимиром Дашкевичем, с которым мне предстоял длинный творческий союз. Потом я пела эту его песню, и мы по сей день с ним творчески соединены. Я очень уважительно отношусь ко всему тому, что написал Владимир Дашкевич.

Ханс Мангус Энценсбергер

Люди

*Воистину великолепны великие замыслы –
Рай на земле, всеобщее братство.
Все это было бы вполне достижимо,
Если б не люди! Если б не люди! Если б не люди!*

*Люди только мешают, путаются под ногами.
Вечно чего-то, чего-то, чего-то хотят.
От них одни неприятности, от них одни неприятности!
Ах, если б не было людей...*

*Надо идти на штурм, освободить человечество!
А они не спеша идут к парикмахеру...
– Сегодня на карту поставлено наше будущее!
А они говорят: «Недурно бы выпить пива!»*

*Если б не они, если б не люди,
Какая настала бы жизнь!
Если б не они, если б не люди,
Как бы все было просто!
Как бы все было просто!
Люди только мешают, путаются под ногами,
Вечно чего-то, чего-то, чего-то,
Чего-то хотят.*

«Белеет парус одинокий» – с детства любимые стихи. Довольно давно начала петь их. Но они тоже попали под этот цензурный идиотизм. И помню, что меня тоже мягко просили не петь их, потому что в моем (а я пою их не в романсовой манере) призывном исполнении, распахнуто, и в таком темпе. Мне сказали, что в моем исполнении эта песня звучит как призыв к отъезжающим в Израиль. Вот такие у меня были сложности.

Михаил Лермонтов

Парус

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Был очень большой период Юрия Левитанского, с ним нас с Ларисой Критской – пианисткой, с которой я работала, познакомил Булат Окуджава. Когда я спросила: «Есть ли новые песни?» Булат сказал: «А вот вы познакомьтесь с Юрием Левитанским, у него очень прекрасные стихи». Это тоже поколение военных лет, тоже мальчик, который ушел на войну и пришел. Мы с ним встречались впервые, договорились встретиться на станции метро «Белорусская». Стояли рядом минут десять, но ни нам не пришло в голову, что это поэт, ни Юрию Левитанскому не пришло в голову, что я могу быть певицей. Он был очень прост в своей одежке, и мы с Ларисой – тоже. И только когда подошла Зоя Крахмальникова, такая выдающаяся женщина нашего времени, она нас познакомила. Потом началась большая влюбленность. И полкнижки «Кинематограф» были написаны Ларисой Критской на стихи Юрия Левитанского. Скоро выйдет диск, где большая часть песен Юрия Левитанского. Хотя Лариса давно живет в Америке, но вот такое у нас совместное сотрудничество.

Воспоминанье о шарманке

В высоком и тесном дворе,
как в глубоком колоде
на дне,
появлялся шарманичик,

появлялась шарманка,
появлялся мотивчик,
наивный и грустный,
и тогда открывались окошки,

и двор оживал,
и в окне проступало лицо,
проступала рука,
проступала ладонь под щекой,

из окна вылетала монетка,
завернутая в бумажку,
и летела на дно колодца -
летела копейка,

летела слезинка,
летела улыбка,
летела ромашка,
летела синица,
жар-птица,
райская птица,
ах, спасибо, шарманичик!

Но кончался мотивчик,
уплывала шарманка,
удалялся шарманичик,
унося в кармане копейку,
слезинку,
улыбку,
ромашку,
синицу,
жар-птицу,
райскую птицу,
и колодец двора наполнялся
дождевою водой,

и вода расходилась кругами,
расходилась кругами,
расходилась кругами...
Ах, спасибо, шарманищик...

«Рай» Алексея Хвостенко. Мне это показали очень и очень давно, задолго до того, как Гребеничиков начал это петь. И я, естественно, влюбилась в это состояние, и даже не столько в стихи, сколько в музыку. Мне, почему-то, показалось, что стихи слишком просты. И я долгое время пыталась их переделать: и так строчки и этак. А потом смирилась, какие-то два слова переделала и пела, но называя совершенно другие имена. Мои зрители помнят и знают, что пела ее очень давно. И однажды мне говорят: «А вот твою песню поют на телевидении молодые ребята». Так получилось, что эта песня стала визитной карточкой Гребеничикова, и все думали, что он ее написал.

Рай

Над твердью голубой
Есть город золотой
С высокими воротами,
С прозрачною стеной.

В том городе сады
И травы, и цветы,
В садах гуляют звери
Нездешней красоты.

Тебя там встретит огнегривый лев
И белый вол, преисполненный очей,
С ним золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

А в тверди голубой
Горит одна звезда.
Она твоя, о ангел мой,
Она твоя всегда.

Кто любит, тот любим.
Кто светел, тот и свят.
Пуškai тебя звезда ведет
Дорогой в зимний сад.

Тебя там встретит огнегriвный лев
И белый вол, преисполненный очей,
С ним золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

«Девятнадцатое октября» – это очень дорогие для меня стихи Юлия Кима, потому что они были очень своевременны в то время, когда он их написал, девятнадцатое октября – это день открытия Пушкинского лицея. И то золотое время общения этих юных ребят, в числе которых был Пушкин, это семя, которое дало всходы на многие десятилетия. И на нас оно пришлось, на тех, кто жил в 1960-1970-е годы. А сегодня эту песню больно петь, потому что настолько отличается это время, и так трудно уже найти это состояние, пушкинское, что можно об этом только плакать.

«Не покидай меня, весна» – это тоже песня, без которой я не представляю себе выходов на сцену. Это песня Владимира Дашкевича и Юлия Кима. Я считаю, что это одно из самых пронзительных их произведений и произведений вообще. Интересно, что я впервые услышала эту песню в фильме «Красавец-мужчина». Это комедийный фильм, где играли Олег Табаков и Марина Неелова. И совершенно в шуточной манере Марина Неелова пела этот романс, и, естественно, мне в голову не могло прийти, что его вообще можно петь. И только после того, когда Владимир Дашкевич пригласил меня на один из своих творческих вечеров, на котором он попросил меня показать Оле Остроумовой, как петь эту песню. И я допоказывалась до того, что поняла, что это абсолютно мое произведение. С тех пор эта песня пришла ко мне. Если бы не этот случай, она бы ушла – так бывает с песнями.

19 октября

На пороге наших дней
Неизбежно мы встречаем,
Узнаем и обнимаем
Наших истинных друзей.
Здравствуй, время гордых планов,
Пылких клятв и долгих встреч!
Свято дружеское пламя,
Да не просто уберечь...

Все бы жить как в оны дни,
 Все бы жить легко и смело,
 Не высчитывать предела
 Для бесстрашья и любви.
 И, подобно лицеистам,
 Собираться у огня
 В октябре багрянолистном
 Девятнадцатого дня.
 Но судьба свое возьмет,
 По-яმიщики лихо свистнет,
 Все по-своему расчистит,
 Не узнаешь наперед...
 Грянет бешеная вьюга,
 Захочет серый мрак,
 И спасти захочешь друга,
 Да не выдумаешь, как...

На дорогах наших дней,
 В перепутьях общежитий,
 Ты наш друг, ты наш учитель -
 Славный пушкинский Лицей.
 Под твоей бессмертной сенью
 Научиться бы вполне
 Безоглядному веселью,
 Бескорыстному доверью,
 Вольнодумной глубине...

* * *

Не покидай меня, весна,
 Грозой и холодом минутным
 Когда так радостно и нежно
 Поют ручьи и соловьи.
 Не покидай меня, весна,
 Не оставляй меня, надежда
 На чудо счастья и любви.
 Не покидай!

«Да осенит тишина». Я записывала эту песню для кинофильма «Королева Франции» (это не точное название фильма). Часть этой песни записывал Валерий Золотухин, я записывала, потом еще кто-то. Но так она в фильме и не прозвучала, потому что

не получалось. А я ее так полюбила, и вот потом уже, на сцене она приобрела ту форму, которой она достойна. И я ею, как правило, заканчиваю русский цикл песен, посвященных России.

Да осенит тишина!
Жажда уставших коней
Да утолится зерном.
Жажда сожженных полей
Да утолится посевом.
Да осенит тишина
Сердца, разоренные страхом и гневом,
Как осеняют березы отеческий дом.

Слезы горячие наши
Да одолеют броню.
Души незрячие наши
Да сподобятся вечного света.
Не погуби, пощади, пожалей,
Возлюби, человек, человека!
И простится тебе на земле,
И воздастся в раю.

Жажда уставших коней
Да утолится зерном.
Жажда сожженных полей
Да утолится посевом.
Да осенит тишина
Сердца, разоренные страхом и гневом,
Как осеняют березы отеческий дом.

Слезы горячие наши
Лягут росой на луга,
Лягут росой на луга -
Высоко поднимутся травы.
И зарастут пепелища,
И закроются раны.
И простит нам обиду душа в небесах.
И простит нам обиду душа в небесах!

Я себя давно считаю Дон-Кихотом, который сражается... На самом деле то же самое.

Дон-Кихот

Шлем да панцирь, да седло,
 Бинт, бальзам, примочка...
 Есть такое ремесло:
 Рыцарь – одиночка.
 Путешествуй там да сям,
 Выручай кого-то,
 И все время действуй сам –
 Вот и вся работа.
 Одинокий Палладин
 Жалости достоин:
 Всем известно, что один
 Во поле не воин.
 Что же гонит вдаль его?
 Где сидит пружина?
 Право, если рассудить,
 Это – сумасбродство –
 Плетью обух колотить.
 Что за донкихотство?
 Смертным потом изойдешь –
 Никакого толка,
 Только сгинешь ни за грош,
 Вот и вся недолга.
 Храбро и наивно -
 Драться с подлостью и злом,
 А то жить противно.
 И ни славы никакой,
 Ни наград не надо,
 Что ж поделать – он такой.
 Вот и вся баллада.

«Окно». Стихи Марины Цветаевой, произведение Владимира Дашкевича. Это одно из моих любимых произведений.

«Вчера еще в глаза глядел» – это песня Александра Дулова. Спеть точно так, как он ее спел, было невозможно, поэтому я как бы почти читала эти стихи.

«Я бы хотела жить с вами» – очень такое атмосферное произведение на стихи Цветаевой. Также очень люблю его, давно уже его не пела, собираюсь снова возобновить.

Вот опять окно.
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят,
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч -
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

* * *

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,
Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

И слезы ей – вода, и кровь -
Вода, в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще в ногах лежал,
 Равнял с китайскою державою!
 Враз обе рученьки разжал,
 Жизнь выпала – копейкой ржавою!
 Детоубийцей на суду
 Стою – немилая, несмелая,
 Я и в аду тебе скажу:
 «Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
 «За что, за что терплю и бедствую?»
 «Отцеловал – колесовать:
 Другую целовать» – отвечает.

Жить приучил в самом огне,
 Сам бросил – в степь заледенелую!
 «Вот что ты, милый, сделал мне!
 Мой милый, что тебе я сделала?»

Все ведаю – не прекословь!
 Вновь зрячая – уж не любовница!
 Где отступается Любовь,
 Там подступает Смерть-садовница.

Само – что дерево тряссти! -
 В срок яблоко спадает спелое...
 «За все, за все меня прости,
 Мой милый, что тебе я сделала?!»

* * *

Я бы хотела жить с Вами
 В маленьком городе,
 Где вечные сумерки
 И вечные колокола.

И в маленькой деревенской гостинице -
 Тонкий звон
 Старинных часов – как капельки времени.

Иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
 Флейта,
 И сам флейтист в окне.

*И большие тюльпаны на окнах.
И может быть,
Вы бы даже меня любили...*

Песня «Мальчик строил лодку». Когда я поехала на свою родину – в Новокузнецк, где я родилась, и там получила такую записку от женщины: вот, мы пришли серьезные вещи слушать, а что вы поете про какого-то там мальчика. Я более серьезного произведения не знаю, это чудо, как хорошо Давид Самойлов передал ощущение жизни как полета фантазии, которая у ребенка не вообще мечта и фантазия, а абсолютная реальность для детского сознания. Я очень люблю эту песню.

Сказка

*Мальчик строил лодку,
И построил лодку.
И поплыл по речке
В тихую погоду.
Лодка острым носом
Воду бороздила.
Облако дорогу
Ей загородило.
Мальчик въехал в облако,
Белое, густое,
А за первым облаком –
Облако второе.
Облако пуховое,
Облако из снега.
А за третьим облаком
Начиналось небо.*

*Мальчик плыл не речкою,
Мальчик плыл по млечному
По небу проточному
В сторону восточную.
Мальчик плыл по звездам,
К месяцу тянулся,
Покатался по небу,
Покатался по небу –
И домой вернулся!*

Был цикл у Иды Хмельницкой на стихи Леонида Филатова. Без слез было трудно петь эти несколько произведений, в числе которых и «Дуэль», поскольку они о Пушкине, об этом поразительном, роковом стечении обстоятельств.

Дуэль

Итак, оглашены условия дуэли.
И приговор судьбы вершится без помех.
А Пушкин, точно он забыл о страшном деле,
Рассеянно молчит и щурится на снег.
Куда ж они глядят – те жалкие разини,
Кому, по их словам, он был дорожке всех,
Пока он тут стоит – один во всей России,
Рассеянно молчит и щурится на снег.

Мучительнее нет на свете наказания,
Чем видеть эту смерть, как боль свою и грех.
Он и теперь стоит у нас перед глазами:
Рассеянно молчит и щурится на снег!

Пока еще он жив, пока еще он дышит,
Окликните его хотя бы через век! -
Но, будто за стеклом, он окликов не слышит! -
Рассеянно молчит и щурится на снег!

Однажды на день рождения, Владимир Дашкевич подарил мне цикл песен на стихи Владимира Маяковского. Я подумала: вот будут они у меня лежать и не более того. Тем не менее я начала преодолевать это свое ощущение, начала петь и почувствовала, насколько это сложно, интересно, и насколько в результате значимо. Здесь и хорошее отношение к лошадям, и скрипка играет нежно.

Послушайте!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают -
Значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,

врывается к богу,
 боится, что опоздал,
 плачет,
 целует ему жилистую руку,
 просит -
 чтоб обязательно была звезда! -
 клянется -
 не перенесет эту беззвездную муку!
 А после
 ходит тревожный,
 но спокойный наружно.
 Говорит кому-то:
 «Ведь теперь тебе ничего
 Не страшно?
 Да?!»
 Послушайте,
 Ведь, если звезды зажигают -
 Значит – это кому-нибудь нужно?
 Значит – это необходимо,
 чтобы каждый вечер
 над крышами
 загоралась хоть одна звезда?!

«Последняя любовь» Федора Тютчева. Тоже помню, когда мне впервые Владимир Дашкевич ее пел, я, почему-то, все время улыбалась, то ли было какое-то веселое настроение. И когда Володя пел, я представила себе хор ветеранов, поющих эту песню своими дрожащими голосами. И долго она у меня лежала, я даже не думала ее петь. Потом я влюбилась в эту песню, и она стала одной из самых основных моих песен.

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
 Нежней мы любим и суеверней...
 Сияй, сияй, прощальный свет
 Любви последней, зари вечерней!
 Полнеба обхватила тень,
 Лишь там, на западе, бродит сиянье, -
 Помедли, помедли, вечерний день,
 Продлись, продлись, очарованье!

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь,
Ты и блаженство и безнадежность!

Песню «Шумел камыш» я пою акапельно, как русскую народную песню, но, конечно, услышала – кто-то из друзей мне ее напел. Потом я ее начала петь. И меня часто просят ее спеть.

Русская народная песня

Шумел камыш

Шумел камыш, деревья гнулись,
а ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
всю ночь гуляла до утра.

А поутру они вставали,
кругом помятая трава.
Да не одна трава помята,
помята молодость моя.
Придешь домой – а дома спросят:
ты где гуляла, где была?
А ты скажи: в саду гуляла,
домой тропинки не нашла.

Если дома ругать будут,
то приходи опять сюда.
Она пришла – его там нету,
его не будет никогда.

Она лицо платком закрыла
и горько плакать начала:
куда красу свою девала,
кому я счастье отдала.

Шумел камыш, деревья гнулись,
а ночка темная была...

О.Вавилина: Елена Антоновна, мне показалось, что проследживается такая закономерность, что свои любимые песни вы сначала их отторгали, а потом они к вам приходили, нет?

Е.Камбурова: Нет. Это было буквально с несколькими песнями. Просто не всегда сразу понимаешь и осознаешь. Когда я впервые услышала песню «Балаганчик», я подумала, как она прекрасна, но ведь там будет непонятно, где мальчик, где девочка, где эти черти, где этот шут, что-то непонятное. И тоже она пролежала у меня года два. Как-то я не думала, что я буду ее петь. Но тем не менее теперь это одна из моих самых исполняемых песен.

Александр Блок

Балаганчик

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Зазывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.

Мальчик:

«Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? Видишь дымки?
Это, верно, сама королева...»

Девочка:

«Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это – адская свита...
Королева – та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита».
Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!»
Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.

Интересная песня «Что будет завтра». Много дарят стихов на сцену, за кулисы. И среди стихов Лариса увидела эти стихи – о, это будет песня. Очевидно, была подарена целая папка, на титульном листе которой были эти стихи. Мы всю папку где-то потеряли, и не знали, чьи это стихи. И я долгое время называла это каким-то другим именем. Пока в Харькове ко мне не подошла дочь Марлены Рахлиной и не сказала, что эти стихи написала ее мама. Я ответила: «Вот видите, какое счастье». И тогда, наконец, стихи нашли своего автора.

Все будет завтра, будет завтра –
Еще немного продержись.
Погожий день и полный закрой,
И замечательная жизнь!

Я завтра одолею лень,
И что в кармане ни гроша.
Я понаряднее оденусь,
А люди скажут: «Хороша!»

И завтра дом мой обветшавший
Достроен будет сам собой.
И завтра друг мой запропавший
Придет здоровый и живой.

И неужели хватит духу
У злой судьбы, у бытия
Убить счастливую старуху,
Которой завтра стану я?!

Первую песню Высоцкого, которую я спела. В 1986 году киевский режиссер решил сделать фильм о Высоцком, это был первый фильм о Высоцком, но идея режиссера фильма была в том, что никто, кроме Высоцкого, не должен петь его песен. Кто бы ни пробовал петь – это все обречено на провал. Я была категорически с ним не согласна. И вот я прохожу через весь фильм, я согласилась работать, но с таким условием, что я все-таки скажу то, что я думаю. И было очень грустно, потому что из моего большого монолога был вырезан ряд вещей. И в результате чего я там говорила, что прекрасно, пусть Высоцкий будет жить и жить в этих записях. Мы знаем, как он потрясающе, гениально поет

свои песни, но это не значит, что другие не могут петь его песни и совсем по-другому, совсем не так, а по-своему. Я слышала, как ребята поют в три аккорда. Главное – это то, что они поют, потому что хорошо знают его записи. Что же касается меня, то я могу подумать и понять, а что же я могу найти в этом нового. И жизнь потом подтвердила то, что я была абсолютно права. Просто я бы сказала, что есть ряд песен, которые я бы не трогала. А они скрупулезно вырезали из моей речи это, и получилось, что я бы не трогала его песни. Это был такой большой обман. Но тем не менее я по сей день очень люблю песни Высоцкого.

Кто-то высмотрел плод, что неспел.
 Потрусили за ствол – он упал.
 Вот нам песня о том, кто не спел
 И что голос имел – не знал.
 Может, были с судьбой нелады
 И со случаем плохи дела,
 А тугая струна на лады
 С незаметным изъязном легла.
 Он начал робко с ноты «до»,
 Но не допел ее, не до...
 Не дозвучал его аккорд
 И никого не вдохновил.
 Собака лаяла, а кот -
 Мышей ловил.
 Смешно, не правда ли, смешно?..
 А он шутил – недошутил,
 Недораспробовал вино
 И даже недопригубил.
 Он пока лишь затеивал спор,
 Неуверенно и не спеша,
 Словно капельки пота из пор,
 Из-под кожи сочилась душа.
 Только начал дуэль на ковре,
 Еле-еле, едва приступил,
 Лишь чуть-чуть осмотрелся в игре,
 И судья еще счет не открыл...
 Он знать хотел все от и до,
 Но не добрался он, не до...
 Ни до догадки, ни до дна,
 Не докопался до глубин

И ту, которая одна, -
 Недолюбил.
 Смешно, не правда ли, смешно?
 А он спешил – недоспешил.
 осталось недовершено
 Все то, чего не довершил.
 Ни единою буквой не лгу.
 Он был чистого слога слуга
 И писал ей стихи на снегу...
 К сожалению, тают снега!
 Но тогда еще был снегопад
 И свобода писать на снегу –
 И большие снежинки и град
 Он губами хватал на бегу.
 Но к ней в серебряном ландо
 Он не добрался и не до...
 Не добежал бегун, беглец,
 Не долетел, не доскакал,
 А звездный знак его – Телец –
 Холодный Млечный Путь лакал...
 Смешно, не правда ли, смешно?
 Когда секунд недостает,
 Недостающее звено,
 И недолет, и недолет.
 Смешно, не правда ли, смешно? Ну вот:
 И вам смешно, и даже мне...
 Конь на скаку и птица влет -
 По чьей вине, по чьей вине?..

С Никой Турбиной мы дружили в самое такое чудесное время ее детства. Оно было и чудесное и очень трудное для нее, здесь, я считаю, что во многом виноваты взрослые, которые не сумели в то время, когда очень нужна была именно взрослая направленность на последующую жизнь, ее не было. И все это закончилось трагически для Ники Турбиной. Но это были чудесные времена, когда я пела. Эту песню написал Владимир Дашкевич, мы оба были в Ялте. Есть кадры фильма, где Дашкевич играет, я пою, а Ника подпевает. Чаще всего я вспоминаю, как мы с Никой однажды целый день шили клоунов. Я пыталась вернуть ей детство, которое у нее уже сразу украло.

Зачем, когда придет пора...

Зачем, когда придет пора,
Мы гоним детство со двора?
Зачем стараемся скорей
Перешагнуть мы радость дней,
Спешим расти? И годы все
Мы проживаем, как во сне.

Остановись на миг, смотри,
Забыли мы поднять с земли
Мечты об алых парусах,
О сказках, ждущих нас впотьмах.

Я по ступенькам, как по дням,
Сбегу к потерянным годам.
Я детство на руки возьму
И жизнь свою верну ему.

«Ямщик, не гони лошадей» – это одна из самых любимых моих вещей. Но всегда, когда я вижу, что берется только кабацкий вариант, а судьба, которая здесь в стихах есть, совершенно улетает, смывается всем этим пьяным угаром, и хочется как-то отчистить и показать предмет таким, какой он есть на самом деле. Поэтому мы пели это произведение как очень трагическое.

Ямщик, не гони лошадей!

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Тошит наболевшую грудь!
Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!

Как жажду средь мрачных равнин
Измену забыть и любовь,
Но память, мой злой властелин,
Все будит минувшее вновь.

Ямщик, не гони лошадей...

Все было лишь ложь и обман...
Прощай, и мечты и покой!
А боль не закрывшихся ран
Останется вечно со мной.

Ямищик, не гони лошадей...

«Чаплин» – это, наверное, одна из первых песен, где я начала двигаться: чаплинская походка и прочее.

Осип Мандельштам

Чарли Чаплин

Чарли Чаплин вышел из кино,
Две подметки – заячья губа,
Две гляделки полные чернил
И прекрасных удивленных сил.
Чарли Чаплин – заячья губа,
Две подметки – жалкая судьба.
Как-то мы живем неладно все –
Чужие, чужие.

Оловянный ужас на лице,
Голова не держится совсем,
Ходит сажса, вакса семенит,
И тихонько Чаплин говорит:
«Для чего я славен и любим
И даже знаменит?»
И ведет его шоссе большое
К чужим, к чужим.
Чарли Чаплин, нажимай педаль,
Чаплин, кролик, ролики надень,
А твоя жена – слепая тень,
И чудит, чудит чужая даль.
Отчего у Чаплина тюльпан,
Почему так ласкова толпа?
Ты совсем не вовремя раскис,
Чарли, Чарли, надо рисковать!

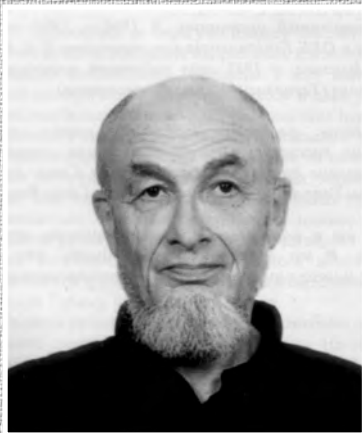
Вот так, мне кажется, что ничего получилось.

О.Вавилина: По-моему, хорошо. Спасибо.

Наше зарубежье

«Человек ведёт переписку
со всем земным шаром,
а через печать сносится даже
с отдельным потомством»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Иосиф Письменный

Письменный Иосиф Львович, доктор технических наук. В 1960 году окончил Московский авиационный институт. В 1960 – 1994 годах проживал в Самаре, работал в ОКБ Генерального конструктора Н.Д. Кузнецова. С 1994 года живёт в Израиле, с 1995 года работает научным сотрудником в Хайфском Технионе (Технологическом университете).

Помещённые здесь рассказы входят в цикл неопубликованных «Ностальгических рассказов». Прототипами для героев этих рассказов послужили самарские друзья автора – Люся и Саша Андреевы, Ольга и Володя Ульяновы, Татьяна и Саша Рудые, Геля и Саша Вислоцкие и другие.

Автор просит ни в коей мере не рассматривать эти рассказы, как документальные. В то же время он признаёт, что герои рассказов позаимствовали многие черты характера у своих прототипов.

ПЕРВАЯ ЖЕНИТЬБА АНТОНА

– Что-то давно я не вижу нашего Вовика, – заявил Санька, – Надо провести его.

Сказано – сделано. Поднявшись по оврагу от пляжа к поселку, мы на этот раз не разбрелись по своим дачам, а все вместе направились к Вовикам.

Несмотря на внешнее спокойствие, атмосфера у них явно была насыщена повышенной дозой электричества. Это угадывалось в едва уловимых деталях. Тобик обрадовался нам более обычного и норовил нас всех перецеловать.

Невесть откуда появился Вовкин дед Кузьма Афанасьевич, до этого имевший привычку намеренно игнорировать наше присутствие на даче и большую часть дняковырившийся на грядках где-нибудь на дачных задворках. Дед, старый волжский капитан, был, как обычно, в белых полотняных брюках и в того же цвета рубашке навывпуск, более смахивающих на нижнее армейское белье: кальсоны и нательную рубаху. И то и другое, как всегда, без всякого намека на пуговицы. Но их отсутствие с лихвой окупалось наличием на макушке обязательной капитанской фуражки. Задиристый и язвительный, дед на этот раз, в противоположность Тобику, имел благостный вид.

– Вот, сподобил Господь на старости лет не только правнуков, но и праправнучка увидеть, – смиренно заявил Кузьма Афанасьевич. – Не иначе как за мое безгрешное житье и еженощные молитвы.

В устах старого богохульника, бражника и матерщинника это звучало более чем странно. О том, что дед молится по ночам, никто из нас никогда бы не догадался, ибо его капитанский храп, как правило, раздавался с вечера и до утра на всю дачную округу.

– Так уж еженощные? – только и успели мы отреагировать на заявление старого речного волка, как его поддержала Вовикова:

– Да-да, у нас скоро свадьба. Готовьте подарки и ждите официального приглашения на красочных открыточках. Завтра едем с Вовкой с кумовьями знакомиться.

– Вы это серьезно? – удивилась Санина.

– Уж куда серьезнее, – ответила хозяйка дачи. – Невеста на втором месяце беременности.

– А жених-то кто? – ни к месту ляпнула моя половина.

– Кто? Кто? – удивился дед. – Не я же, на девятом-то десятке. И не сын мой Коляка, не внук мой Вовка, поскольку, как могли бы вы сами заметить, будь повнимательней, мы не магометане, и од-

на законная жена у каждого из них уже есть. И не малолеток Сережка, – продолжал витийствовать Кузьма Афанасьевич, – и не Тобик, ибо у одного этих невест несчитанно-немерно...

– Неужели Антошка?! – сообразил Санька.

– Ну, наконец-то! – съязвила Вовикова и театрально развела руками в разные стороны, – слава Богу, он у нас уже достиг официального возраста, когда можно в брак вступать.

Действительно, Антон уже перешел на второй курс института, и мы как раз недавно здесь же, на даче, отпраздновали его восемнадцатилетие.

– А где жених? – поинтересовалась Пожарница. – Небось не наговорится со своей суженой?

– Да что Вы, Сильвана Никаноровна, – встрял в разговор взрослых Серега, – о чем ему с этой дурой разговаривать? Антон с вашим Лешей третий день как в лодочном моторе ковыряются.

– Угу, – подтвердил Тобик.

– Странно, – Пожарница покачала головой, – чего же тогда жениться, если и до свадьбы говорить не о чем?

– Нет уж, – возразила будущая свекровь, – отец ему прямо сказал: «Любишь кататься – люби и саночки возить! А нас не позорь!»

– Кстати, а Вовка-то где? – спросил Пожарник.

– А где ему быть? На веранде. Цицерона читает! – Вовикова motionнула головой в сторону веранды.

Пока мы поднимаемся по ступенькам на крыльцо, мне придется дать сразу же два пояснения, а может быть, и больше.

Вы, наверное, уже догадались о системе образования имен у наших вторых половин: у Сани жена Санина, у Вовки – Вовикова, Вовкина, у Славика – Славикова, Славина, Славкина. А Пожарника на самом деле по документам зовут не Пожарником, а Александром. Но так как, когда он прибил к нам, один Александр, то бишь Санька, у нас уже был, то прозвали мы второго по его профессии – Пожарником.

Вообще-то он к нам не прибил, а пришел, вернее, припелся вслед за Пожарницей. А сама она пришла к Вовикам с визитом из-за Тобика. Дело в том, что у Пожарников оценилась мальтийская болонка Булька. А у Пожарницы прямо-таки собачье чутье на то, чтобы выяснить, кто является истинным отцом родившихся детей. И даже неродившихся. Вот она и пронюхала каким-то образом, что отцом Булькиных щенят является Тобик, и заявила к Вовикам, чтобы познакомиться поближе со своими новыми родственниками. А за ней припелся и Пожарник.

Посидел, помолчал, а через два дня взял и заявился к Вовикам на дачу с удочками, бутылкой спирта и парочкой крупных свежих лещей:

– Вот, шел мимо с Волги, дай, думаю, загляну.

Не станешь же выгонять гостя. Тем более, что мы с Санькой и Вовкой как раз к тому времени всю бывшую на столе жидкость уже оприходовали. Пришлось Вовкиной срочно жарить этих лещей да ставить на стол вместе с новой порцией огурцов, помидоров и прочей зелени. Так Пожарник и прижился у нас.

Меня всегда удивляло то, как наши дети, тот же Серега, например, ориентировались, кого как надо называть. Дядя Слава, дядя Саня – это понятно. Тетя Слава, тетя Саня – это тоже понятно. Но то, что они никогда не говорили «дядя Пожарник» и «тетя Пожарница», а всегда вежливо «Александр Петрович» и «Сильвана Никаноровна» меня приводило в тихий восторг.

Итак, как вы помните, Вовка к нам не вышел, а продолжал сидеть и читать Цицерона. Последнее обстоятельство особенно подчеркивало всю важность переживаемого момента, ибо, как только у Вовиков случалось что-нибудь серьезное, сам Вовик немедленно усаживался черпать знания у древних римлян. Поэтому Санька перед тем, как подняться на веранду, уточнил:

– На какой странице?

– Ну, на какой еще, дядя Саня? – удивился Серега, – на той, где Первая обвинительная речь против Катилины. Или Вторая. Какая вам разница?

Как я сказал выше, при критических обстоятельствах Вовка немедленно раскрывал учебник латинского языка и начинал читать там чьи-либо обвинительные или защитительные речи. В зависимости от того, какую позицию по отношению к происшедшему событию он занимал. На этот раз он штудировал обвинительную литературу.

– Все ясно, – ответил Сереге Санька, и мы поднялись на веранду. Вовка встал нам навстречу, снял очки и торжественно изрек:

– Как долго, о Катилина, ты будешь испытывать наше терпение?

– Деонисий Катон! – восторженно заявил Санька.

– Да нет, – поправил его я. – На Катона мало похоже. Это Кай Юлий Цезарь.

– При чем здесь Юлий Цезарь? – возразила моя многообразованная супруга, – это определенно Амбросий Теодосий Макробий.

– Неужели, чтобы сочинить только одно предложение, им тоже приходилось соображать на троих? – наивно удивилась Пожарница.

– Надо больше интересоваться классиками, милая, – блеснула познаниями моя начитанная жена, – древние обходились без со-

авторов. А посему они не соображали на троих. Это один человек такой: Амбросий Теодосий Макробий!

– Всюду тебе макробы видятся! – прокомментировала Санина.
– Санька прав – это Катон!

– Варвары! – возмутился будущий неизвестно чей тесть, – это Марк Туллий Цицерон!

– Надо же! Ни за что бы не догадались, что этот древний грек мог так красиво говорить по-русски! – восхитился я.

– Какой еще грек! – пришел в расстройство хозяин веранды и любитель латыни. – Боже! С какими неучами приходится общаться. Марк Туллий Цицерон римлянин!

– Ну вот, – заявил Пожарник. – Как хорошо, когда есть у кого черпать живительную влагу познания. А то ведь до нашей каланчи эти прославленные западные иллюзионисты никогда не добируются. Они больше по дворцам спорта разъезжают.

Вовка в изнеможении плюхнулся на стул...

...Когда мы уходили, Серега с Тобиком увязались нас провожать.

– Говорил я предкам, что у Антона совершенно запущено половое воспитание, – по секрету сообщил нам на улице малолеток Серега. – Вот он с одного раза и подзалетел.

– С одного раза? – удивились мы.

– А то! Кто же на эту страхолюдину еще раз полезет! Да и Антон тоже, я полагаю, с пьяных глаз на нее польстил. А Батя заладил свое Цицероновское: «Доколе да доколе?» Вот Антон у Вашего Лешки и пропадает.

Вот тут-то Пожарница и поинтересовалась у Сереги, где живет невеста, и удивилась, что это как раз в том же рабочем поселке, где прошло ее детство...

...Прошло около месяца. И мы опять, поднявшись по оврагу от реки к дачному поселку, направились к Вовикам. Ни Сереги, ни Тобики, ни Антона не было видно. Вовина варила варенье, Вовик собирал малину, а в дальнем углу дачного участка белели солдатского покроя одежды деда Кузьмы Афанасьевича.

– Где же обещанные приглашения? – сразу взял быка за рога Санька. – Или вы решили заныкать свадьбу?

– Какую свадьбу? – удивилась Вовкина. – Не будет вам никакой свадьбы!

– Как это не будет? А невеста на третьем месяце беременности? – вставила Санина.

– А мы-то причем? – всплеснула руками Вовкина. – Ведь она нашего Антона, уже будучи беременной, совратила! Спасибо Сильване. Сильва в тот же вечер, как узнала, съездила в свой поселок, все выяснила, пошла к родителям невесты и от лица жениха заявила им, что свадьба отменяется.

– А те? – спросил я.

– А что те? – «Не будет, так не будет! Только вы хотя бы деньги на аборт дайте». Тут им Сильвана и врзала: – «Может быть, и хирургическую операцию по восстановлению давно утраченной девственности вашей дочери тоже нам прикажете оплатить?» Этим все и кончилось.

Как я уже говорил раньше, у Пожарницы прямо-таки собачье чутье на то, чтобы выяснить, кто является истинным отцом родившихся детей. И даже неродившихся.

Вот так мы в первый раз не погуляли на Антоновой свадьбе.

ВТОРАЯ ЖЕНИТЬБА АНТОНА

Прошел год после первой несостоявшейся свадьбы Антона.

– Что-то я давно Вовки не вижу, – снова заявил Санька, греясь на песочке. – Надо бы его проведать. И мы опять, уходя с пляжа, не разбежались по своим дачам, а всем коллективом направились к Вовикам.

Еще издали мы услышали доносящееся оттуда пение на два голоса. Один голос запевал, а второй после каждой нечетной строчки вставлял «Боже мой!»

В конце каждого куплета оба певца дружно кричали «Опа!» В результате получалось такое вот пение:

Задумал я братишечки, жениться,

Боже мой!

Пошел жену себе искать.

Нашел красотку молодую,

Боже мой!

Годков под восемьдесят пять.

Опа!

Когда мы вошли на участок Вовиков, нам предстала следующая картина. На скамейке сидел Серега с балалайкой (и где только он ее раздобыл?), а перед ним, как маятник, задорно вышагивал на задних лапах Тобик. Когда Серега пропевал текст очередной строчки, Тобик останавливался, поворачивался мордой к Сереге, выкрикивал свой текст («Боже мой!» или «Опа!»), после чего

начинал двигаться в обратном направлении. При нашем появлении дуэт галантно с нами раскланялся, но пения не прекратил:

Старушка была лакомый кусочек,

Боже мой!

Но подвели ее года.

Во рту торчал один зубочек,

Боже мой!

Из носа капала вода.

Опа!

Тут же из глубины участка вынырнул Кузьма Афанасьевич, дед Вовика. Дед был в своей обязательной капитанской фуражке и неизменных белого цвета полотняных рубашке навыпуск и брюках, подозрительно смахивающих на нижнее армейское белье. Благостный вид, который старый волжский капитан напустил на себя год назад, вновь сменился обычным для него задиристым.

– Вот, говорил я всегда, что мои гены не могут не сказаться. Три поколения ждал, и дождался. Антошка весь в меня! – и старик гордо стукнул себя в грудь сухонькой ручёной.

– А в чем дело? – спросили мы.

Но старик оставил наш вопрос без внимания. В нем проснулся доселе дремавший пламенный оратор:

– Любовь не должна знать национальных, расовых и возрастных предрассудков! Любовь свободна, как птица!

– Знаем, – отчеканила Санина. – У любви, как у пташки, крылья!

– Вот именно, – поддержала ее Рафина. – Ее капризам нет границ. После такой единодушной поддержки, Кузьма Афанасьевич сменил агитаторский тон своих речей и ударился в воспоминания:

– Я ведь в молодости тоже был романтик.

– Да ну? – удивились мы.

– Ну да! Помнится, был у меня бурный роман с губернаторской

...

– ... Дочкой!? – восторженно закончила за него моя половина.

– Какой еще дочкой! – возмутился дед. – Бери выше! С губернаторской...

– ... Горничной! – подсказал я.

– Молчать, сопляки! – рявкнул дед. – С губернаторской ... – старик сделал эффектную паузу и при общем молчании закончил: – ...женой! Тут вмешалась Вовина:

– Кузьма Афанасьевич! Ведь вы раньше говорили, что у вас был роман с артисткой.

– Ну да! Так оно и есть! – подтвердил старик. – Я ведь, когда в нее влюбился, считал, что она артистка.

– Как интересно! – пришла в восторг Рафикова.

– Вот именно! Я ведь в первый раз ее на сцене увидел. В благотворительном любительском спектакле. И сразу же влюбился! По уши! А что она жена губернатора, это я потом понял, когда увидел, что после спектакля она на губернаторской тройке укатила. И больше я ее ни разу в жизни не видел, – закончил старик свой трагический рассказ.

– И не пытались? – поинтересовался Санька.

– Как это не пытался! – возмутился старый капитан. – Да я, если хотите знать, уже на следующее утро явился в губернаторский дворец с огромнейшим букетом в руках. Прислуга заявила, что барыня почивает и никого принимать не велела. Я возмутился. Губернатор спустился в вестибюль. Мы с ним объяснились.

– Как это объяснились? – поинтересовался Пожарник.

– Как, как? – вскричал дед. – Я его вызвал на дуэль!

– И вы стрелялись? – пришел в восторг Рафик.

– Нет, он отказался... Короче, мой букет вышвырнули вон... И меня тоже...

– И это все? – скисла моя жена.

– Почему все? Я запузырил камнем в окно губернаторского дворца... Рабочие меня поддержали. Вышли с красными флагами. Объявили забастовку. Губернатор струсил. Побегал к царю... Звонить по телефону. Тот прислал казаков. Мы построили баррикады. «Долой самодержавие! Да здравствует пролетарская революция!» Царь скомандовал: – «Патронов не жалеть!» Войска стали стрелять по баррикадам... Пришлось нам отступить... временно, конечно. Уйти в подполье. Тут я со своей благоверной и встретился.

– Говорите прямиком, кто это вышвырнул Антона вон? – после такого рассказа потребовала моя супруга.

– Никто его, к сожалению, не вышвырнул, – удрученно ответила Вовина. – Просто Антон влюбился, да так, что уже побегал под венец.

– Ничего страшного, все когда-нибудь должны жениться, – успокоила ее Пожарница. – Жаль, конечно, что без моей помощи обошлись, но трагедию из этого делать не стоит.

По-видимому, Вовина только и ждала этой или похожей фразы, ибо подскочила так, что будь над нею потолок, она бы в него головой обязательно врезалась.

– Как это «ничего страшного»? – завизжала она. – А то, что суженая моя ровесница, вас не касается, да? Вам лишь бы был повод нализаться! Не дождетесь! Свадьбы не будет! Я ему так и сказала, что он меня раньше срока в могилу загонит. А отец ему прямо заявил: – «Только через мой труп!» А Антошка в ответ: – «Перехожу на вечернее отделение, у вас на шее сидеть не буду!»

Мы стали подниматься на веранду.

– Что, Вовка опять обвинительные речи Цицерона против Катилины читает? – на всякий случай уточнил Санька.

– Ну какой там еще Цицерон, дядя Саня? – отвечал Серега. – Эпитафию сочиняет.

– Антону? – мы пришли в ужас: не хватало еще, чтобы Вовик решил, по примеру Тараса Бульбы, убить собственного сына!

– Да нет, не Антошке, – успокоил нас Серега. – Себе.

Час от часу не легче. В траурном молчании мы открыли дверь на веранду.

Вовка поднялся нам навстречу, снял очки и остался стоять безмолвным монументом.

Санька первым подошел к нему, молча прижал к своей могучей груди и прочувствованно изрек:

– Владимир, ты можешь на нас полностью положиться.

– Спасибо, Александр, – в тон ему так же прочувствованно ответил Владимир. – Я в тебе никогда не сомневался.

После этого Санька сделал шаг в сторону, прижимая ладонь правой руки к левой части груди и уступая мне место.

– Да, – сказал я, повторяя Санины жесты и слова, – на нас ты можешь положиться во всем.

– Спасибо, Джо, – ответил Вовка. – Я всегда знал, что на тебя тоже можно положиться.

Я сделал шаг в противоположную от Саньки сторону, прижимая правую ладонь к левой части груди и уступая место следующему.

Следующим к Вовке подошел Рафик, обнял его и, неосторожно отступив от Санькиной, мною вторично опробованной и ставшей уже канонической формулировки, заявил:

– Как я тебя понимаю!

– Спаси... – начал было отвечать Вовка, но тут вмешалась его половина:

– Что ты можешь понимать! – возмутилась Вовина. – У тебя ведь одни девочки!

– Не говори так, – вступилась за мужа Рафикова. – Мы очень хорошо понимаем и разделяем ваши чувства.

– Ну, что ты, Рафа, городишь? – Санина поддержала Вовину. – Когда пожилый мужчина женится на молоденькой – это красиво, это романтично, это аристократично, в конце концов. А когда молодой женится на старухе – это отдает комплексом Эдипа.

– Да иди ты знаешь куда! – возмутилась Вовина такой поддержкой. – Эдипа нам не доставало!

– Много не обещаю, но четыре пожарные машины по такому поводу я постараюсь обеспечить, – деловито заявил Пожарник, обнимая Вовку.

И не успел Вовик сказать свое дежурное «Спасибо», как Вовина подскочила под самый потолок:

– Ты что, до сих пор не понял, что речь идет не о свадьбе, а о похоронах! Зачем там твои ярко-красные цистерны с мигалками?

– Не скажи, – заявила Пожарница, – на похоронах они тоже красиво смотрятся. Когда мы хоронили моего деда...

– А эпитафия на каком языке будет: на русском или на латыни? – чтобы прекратить ненужные споры, перебил я Пожарницу.

– Я, конечно, предпочел бы на латыни, – с достоинством ответил человек, к предстоящим похоронам которого мы так активно начали готовиться, – но, учитывая, что публика на кладбище в основном ходит малообразованная, вроде ... – тут он споткнулся.

– ... вроде нас, – закончила за него Санина. – Ты чего запинаяешься? Режь правду-матку в глаза. Не стесняйся! Покойникам все можно!

– Вот именно! – поддержала ее моя жена. – Мертвые сраму не имут!

– Да, – обреченно закончил Владимир. – Вроде вас. Поэтому надпись будет на русском.

– Ну, спасибо, – поклонилась ему в ноги Пожарница. – Тогда я обязательно приду тебя провожать. А на каком кладбище хоронить тебя будем: на старом или на новом? – деловито осведомилась она.

– А какое это имеет значение? – удивился кандидат в покойники.

– Не скажи! На разных кладбищах и расходы разные. Когда мы хоронили моего деда...

И не успела она закончить, а Вовка принять ответственное решение, как Рафик поинтересовался:

– А поминки где справлять будем: в заводской столовой или в ресторане? Я предлагаю в кафе «Ласточка». Там все-таки приличнее, чем в заводской столовке, но дешевле, чем в ресторане.

– В «Ласточке» не стоит. Там зал маленький, места может не хватить, – сказала Пожарница. – Когда мы хоронили моего деда...

– Не переживай, что места может не хватить, – успокоила Вовку Рафикова. – Когда народу много, можно сделать поминки в две смены...

– А то и в три, – поддержала ее Санина. – У нас народ сознательный. Понимают, что всем помянуть покойника хочется. Так даже лучше. Меньше будут в зале засиживаться.

– И водку в кафе вообще можно не заказывать. У них она с наценкой, – сказал Пожарник. – Принесем с собой. А еще лучше спирту раздобыть. Много не обещаю...

– Сволочи! Жмоты! Экономисты! – не выдержал и заорал кандидат в покойники. – Все! Похороны отменяются! Я не позволю вам на мне экономить! Я еще жить хочу!

– Ну, и чудненько! – сказал Александр, потирая руки. – Пускай похороны отменяются. Но твое благополучное возвращение из царства теней мы все равно не позволим заныкать. Вы тут, дамочки, поскорее соображайте чего-нибудь насчет закуски, а мы пока подумаем относительно горячительных напитков...

... За столом старый капитан обосновался между мной и Александром и развлекал нас своими историческими воспоминаниями:

– У Федора Тютчева, помнится, когда ему уже восемьдесят лет пошло, была пламенная любовь с восемнадцатилетней девушкой...

– Это у которого Тютчева, Кузьма Афанасьевич? Который у Вас поваром на «Алле Пугачевой» работал? – небрежно поинтересовалась Вовина с противоположного края стола.

– Ну что с недотепы возьмешь? – дед извинился перед нами за необразованность супруги своего внука. – Сколько раз говорил ей: не на «Алле Пугачевой», а на «Емельяне Пугачеве», и не поваром, а коком, и не работал, а плавал!

– А я что говорю? – невинно удивилась Вовина.

– Нет, не у него, – внес ясность старый речник. – Это у поэта Тютчева поздняя любовь была. Наш-то Федор Тютчев до таких лет не дожил. Утонул молодым по пьяному делу...

Тут дед собрался поведать нам подробности героической гибели судового кока Федора Тютчева.

Однако, пресекая дальнейшее развитие этой темы, Санина отрубила:

– Да, плохо была поставлена политико-воспитательная работа на вашем паруснике, Кузьма Афанасьевич!

– Ты чего городишь, курица? – возмутился старый морской волк. – На каком – таком паруснике? Ты бы еще на галере сказала.

– Вот именно! – поддержала деда моя половина. – Кузьма Афанасьевич плавал не на галере, а на корвете.

– Да ну их, – отмахнулся дед, и обратился со своей обидой персонально к Саньке: – Чего это твоя матрешка заладила, что, мол, плохо была поставлена политико-воспитательная работа на «Емельяне Пугачеве», если Федор-то вообще утоп, когда его уже на «Степана Разина» перевели? Ты ей дома-то разобъясни!

– Хорошо, объясню, – посулил ему Саня.

Обрадованный этим обещанием, старый речник снова пустился в воспоминания:

– Вот и бабка у твоей жены, Александр, такая же бестолковая была, тоже никак названия волжских пароходов не могла запомнить...

(Видно, быстро хмелеющий дед уже плохо различал, что говорила Санина, а что Вовина.)

– ...Я ведь поначалу за ней приударивал. Да!... Но вовремя спохватился. Как она спросит меня: – «Так ты, Кузя, на пекаря учиться хочешь?», так меня всего и передергнет. – «Не на пекаря, говорю, а на шкипера!» Все бесполезно. На следующий раз еще чего выдаст, хоть стой, хоть падай. Рассказываю я ей, например, как лить, то есть трос, надо травить, а она спрашивает: – «А зачем его травить? Его есть надо». С лием, рыбой, дуреха перепутала. Одумался я вовремя, и на своей благоверной женился. Мы ведь с ней из одного посада были...

– Как же так? – удивилась Рафина. – Вы ведь только что утверждали, что со своей благоверной встретились в подполье?

– Ну да! А я что говорю? Именно в подполье мы и встретились! Я когда в первый раз к ним домой пришел, то будущий тесть перво-наперво меня за солеными огурцами в погреб послал. А погреб у них был в сенях, под половицами. В подполье, выходит... Стал я под пол спускаться, гляжу, а она там сидит, от меня, значит, из скромности схоронилась. Мне тогда это дело шибко понравилось.

Вот я к ней и полез... обниматься... Ну, дальше вас уже не касается...

И захмелевший дед заговорщицки толкнул локотками в бока меня и Саню одновременно... Расползались мы по своим дачам под неутомимые песнопения Сереги и Тобики:

И вот уже идут из ЗАГСа гости,

Боже мой!

Вино, закуска на столе...

Гляжу, а у моей красотки

Боже мой!

Одна нога на костыле!

Опа!

Вам хорошо, братишечки, смеяться,

Боже мой!

У вас двуногая жена,

А у моей одна из мяса,

Боже мой!

Другая просто из бревна!

Опа!

... Через три недели вечером к Вовикам заявили Пожарники. Посидели, потолковали, а, уходя, Пожарница небрежно бросила Вовиной:

– Вот, что, подруга, вы, того, завтра вечером приходите к нам забирать своего жениха.

– А он что, у вас находится?

– Пока еще нет. Но завтра ожидается. Они уже третий день с нашим Лешей на том берегу рыбачат. Они оба там в палатке живут.

– А как же невеста?

– Ничего не поделаешь. Любовная лодка разбилась о быт, – ответил за жену Пожарник. ...Вот так мы во второй раз не погуляли на Антоновой свадьбе.

МЕЗАЛЬЯНС НА ДАЧЕ ВОВИКОВ

– Вы заметили, – лениво произнесла Рафина, внимательно разглядывая собственный загар, – еще вчера весь пляж и поселок были полны милицией, а сегодня нет ни одного милиционера?

– А почему мы должны были это заметить? – возразила Пожарница. – Они ведь только на тебя глазели!

– Ну так уж только на меня! – Рафина не стала возражать по существу. – Здесь ведь есть и другие женщины!

– Мы не только заметили появление и исчезновение милиционеров, но также и кое-что другое... – авторитетно заявил Санька.

– Что именно? – удивились мы все.

– А такое совпадение, что вчера, кроме милиционеров, на пляже были Вовики. А сегодня – ни Вовиков, ни милиции! – разъяснил он.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что эти события связаны между собой? – спросила моя половина.

– И Вовиков арестовали? – продолжила ее мысль Санина. – За что именно?

– Андреев не дама, чтобы строить гипотезы! – ответил я вместо Саньки.

– Вот именно, – поддержал меня Рафик. – Андреев – серьезный ученый. Его дело накапливать фактический материал и искать фундаментальные связи между (на первый, непросвещенный взгляд) разрозненными явлениями.

– Что бы вы делали без Андреева? Я предлагаю провести Вовиков! – прервал наши разглагольствования Андреев. И восклицая:

– Что бы мы делали без Андреева? – мы поднялись по оврагу от пляжа к поселку и направились к Вовикам.

На даче мы застали следующую картину. Как обычно, под самой большой яблоней, возвышающейся в центре участка, была установлена раскладушка, на которой последовательно лежали надувной матрац и два ватных одеяла, сложенных вдвое каждое. На этот раз на самом верху этой пирамиды, широко разметав полы цветастого халата, возлежала Вовина в купальном костюме и стонала. Голова ее была обвязана махровым полотенцем, что символизировало сильную головную боль и высшую стадию нервного расстройства.

Рядом стоял Вовкин дед Кузьма Афанасьевич в своих неизменных белых полотняных брюках и рубашке навыпуск, как я уже писал, смахивающих на нижнее армейское белье, и поливал Вовину из лейки. Возле раскладушки находились два ведра, полные воды, и старший сын Вовиков студент Антон. Как мы догадались, он же время от времени наполнял эти ведра водой из-под крана, а также переливал воду из ведер в лейку, как только последняя опорожнялась дедам.

– А не проще ли было подсоединить к крану шланг и поливать из шланга? – профессионально поинтересовался Пожарник.

– Не проще! – охотно объяснила ему Санина. – У шланга большой напор, а Вовина – это тебе не объект возгорания. Она женщина, более того, женщина нежная и мягкая. И напор ей может только навредить! Понял?

В это время Вовина прервала стоны и подала голос:

– Я этого не перенесу! Кто бы мог подумать! Ему ведь всегда нравились крупные девочки... А тут связался с этой лилипуткой!

Так как дед Кузьма Афанасьевич и Антон стояли рядом и никаких признаков вины не проявляли, то они, естественно, выпадали из числа подозреваемых. Однако, мы крепко задумались (хотя внешне ничем не проявили своего замешательства): кто именно – благородный отец семейства Вовик или малолеток Серега оказались замешанными в скандале с лилипуткой.

– Где они ее отыскиали? – шепнула мне на ухо Рафикова. – Своей цирковой труппы в нашем городе нет. И на гастролях тоже никого давно не было... Воспользовавшись нашим замешательством, дед тут же принялся разглагольствовать:

– Я ведь еще, когда без суда и следствия расстреляли государя-императора, сказал: произвол до добра не доведет. Сначала комиссары и кухаркины дети заберут себе барские хоромы, а потом и мелкие твари посягнут на хозяйские постели...

– Позвольте, позвольте! – остановила его туманные речи Санина. – Вы ведь, кажется, в прошлый раз утверждали, что были революционером и борцом против самодержавия?

– Что значит был? – возмутился старый волжский капитан и подтянул свои кальсоны. – Я и сейчас остаюсь борцом против самодержавия. Я и сейчас являюсь противником монархии. Но только демократическими, только парламенскими методами...

– А известно ли Вам, любезный Кузьма Афанасьевич, – неожиданно заявил Пожарник, что расстрелянный гражданин Николай Романов, по прозвищу Кровавый, фактически не был российским царем?

– Как так – не был? – дед подпрыгнул от возмущения так, что его выдавшая виды капитанская фуражка упала с макушки на траву. Не обратив на это внимания, он тут же обиженно обратился к Саньке: – Николаич, ну скажи ты им, был ли Николай Романов российским царем или нет.

– На момент казни не был, – подтвердил заявление Пожарника Санька. – Он ведь за год до этого отрекся от престола...

– Кто соблазнил лилипутку? – уладив дела с дедом, в упор спросили мы у хозяев.

– Станный вопрос, – ответил за всех Антон. – Кому же еще, кроме этого гусара.

– Какой гусар?

– Как какой? Любимец дачных сук – Тобиан Первый собственной персоной.

Мы почувствовали себя получше.

– Что же все-таки произошло? – потребовали мы разъяснений от Антона.

Вяснилось, что к ним нагрянули неожиданные гости: страшная дама («Прокурор в юбке» – тут же охарактеризовал ее дед), ее невзрачный муж («Плюгавый мужичонка» – снова вставил дед в Антонов рассказ), два милиционера и двое понятых. Впрочем, милиционеры и понятые на участок не заходили и, по-видимому, получив какой-то приказ, вскоре ушли. А вот дама держала себя грозно, без спросу прошла в дом, осмотрела все комнаты и обнаружила, что в родительской спальне и даже, кажется, на хозяйской кровати Тобик устроил свадьбу с маленькой сучкой пекинской породы.

Дама немедленно прекратила это, как она заявила, безобразие, вручила собачку породы пекинес своему мужу и устроила скандал хозяевам дачи. Оказывается, что и нашествие милиции в поселок, и обыск, учиненный дамой без всякого ордера, – все это звенья одной цепи, все это было вызвано исчезновением ее любимой собачки, которую Тобик тайно, хотя не без согласия самой собачки, похитил для своих утех.

– Мать, как вы видите, тут же слегла, а отец, Серега и Тобик еще держатся. Но силы их на исходе, ибо их распекают уже третий час подряд.

– Чего так долго?

– Так ведь вы знаете батю. Он по неосторожности заикнулся о римском праве. Вот она им припоминает и римское право, и кодекс Наполеона и Декларацию прав человека и гражданина... Александр Николаич! Иосиф Львович! Рафаэль Реуенович! Александр Петрович! Выручайте их, пожалуйста! – закончил Антон свой рассказ.

– Вот что, Николаич, – дед тут же переменял прежнюю точку зрения и поддержал внука. – Ступай и передай Вовке, что я наказал ему: лучшая оборона – нападение. Как обычно, дед признавал только Саньку и апеллировал к нему.

Мы поднялись на веранду. Картина, представшая нашим глазам, как принято говорить, требовала кисти лучшего художника. К сожалению, она не могла быть написана с натуры, ибо сам художник вместе с Серегой и Тобиком стоял навытяжку, я бы сказал, на задних лапках перед грозной и крупной дамой, которая, нет, не восседала, а восставала за Вовкиным столом. Левой рукой дама опиралась на поверхность стола, а правой энергично размахивала в воздухе. Сбоку от стола, держа на руках небольшую мохнатую и совершенно безносую собачку, стоял тот самый мужичонка, которого дед абсолютно правильно назвал плюгавым. Собачонка сыто и благосклонно поглядывала на нижнюю часть туловища Тобика и при этом облизывалась. Дама и мужичонка посматривали то на собачку, то по направлению ее взгляда, хотя при этом не облизывались.

Мы поздоровались, прошли вглубь веранды и расположились таким образом, что Вовик, Серега и Тобик оказались за нашими спинами. После этого Пожарник уселся на стул и удивленно обратился к тем, кто находился в комнате до нашего прихода:

– Присаживайтесь! Чего вы стоите, когда здесь полно стульев? В ногах правды нет!

– Нехорошо, Петрович! – обратился к Пожарнику Рафик. – Ты сидишь, а дама стоит! Сначала надо предложить сесть даме, а уж потом, когда она воспользуется твоим любезным приглашением, можно и самому плюхаться на стул.

– Перестаньте паясничать! – заорала на нас грозная женщина. – Я вам не дама, а прокурор! А кто вы такие?

– Не надо нервничать, – я тут же принялся успокаивать прокурора. – Для нас вы навсегда останетесь прежде всего дамой, а уж потом прокурором!

– Теперь мне все ясно! – прокурорша не поддавалась на мою лесть. – Яблочко недалеко от яблоньки падает.

– Спасибо!

– Кто сказал спасибо? – голос прокурорши перешел на визг.

– Он сказал! – мужичонка услужливо показал на Тобика.

– Вон отсюда! – рявкнула дама.

– Спасибо! – повторил Тобик, перекувыркнулся в воздухе и, подмигнув пекинеске, пулей вылетел в сад.

– И ты тоже! – прокурорский перст указал на Серегу.

– Спасибо! – радостно закричал Серега и выкатился вслед за своим дружком.

– Кто они такие? – обратилась дама к хозяину дачи. С нами она явно не желала разговаривать.

– Наши друзья. Если одним словом, то дачники. Члены нашего дачного кооператива, – желая придать нам солидность, ответил Вовка.

– Ах, дачники! – злое оскалилась дама. – Члены дачного кооператива. Вот с вашим кооперативом мы сейчас и разбираемся! А знаете ли вы, что он вообще незаконный? И мы его обязаны закрыть! Я лично, как прокурор, отвечаю за соблюдение законности в городе и смотреть на это нарушение закона сквозь пальцы просто не имею права!

– Как закрыть?

– Я вам ясным языком говорю – закрыть как незаконный!

– С чего это вдруг он стал незаконным? Кооператив создавался еще нашими дедами и отцами. Более полусотни лет был законным, а теперь ни с того, ни с сего стал незаконным!

– Он с самого начала был незаконным. В соответствии с типовым уставом дачного кооператива сначала выносятся решение исполкома...

– Оно имеется!

– Попрошу меня не перебивать! Сначала выносятся решение исполкома, потом составляется план кооператива, включая подробный план застройки каждого участка, а уж после этого ведется строительство. А у вас сначала было выполнено строительство, а уж потом были составлены планы на каждый участок! Это и есть нарушение закона. Поэтому кооператив подлежит ликвидации как незаконный!...

... Тогда мы и представить себе не могли, насколько это всерьез и надолго. Конечно, не роман Тобика с пекинской явился причиной наших неприятностей. Новые хозяева жизни торопились захватить под свои дачи уже занятые ранее Волжские берега.

Спустя неделю после приезда в наш город новый прокурор вызвал к себе повесткой председателя нашего дачного кооператива добрейшего Ивана Семеновича Антипова. Ивана Семеновича особенно взволновала стандартная приписка на повестке: «В случае неявки будете доставлены под конвоем». Нечего говорить, что законопослушный Иван Семенович явился на прием за двадцать минут до назначенного срока. После этого его промурыжили еще два часа в приемной. Когда прокурор решил, что председатель кооператива созрел, его пригласили в кабинет и, не предло-

жив сесть, попросили подписать заявление о принятии в кооператив человека, фамилия которого ему ни о чем не говорила.

– Не могу, – ответил Антипов.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, эти вопросы решаю не я, причем единолично, а правление. А во-вторых, у нас нет свободной земли.

– Значит, не можете?

– Не могу, – твердо ответил Антипов.

– Ступайте. Вы еще пожалеете об этом...

Тяжба кооператива с прокурором длилась несколько лет и была закрыта только после вмешательства Государственной Думы и Генеральной Прокуратуры России, куда обратилась специальная делегация членов дачного кооператива в составе нескольких профессоров, в том числе специалистов по уголовному и гражданскому праву. После того, как они съездили со всеми бумагами в Москву и добились приема в высоких инстанциях, дело само собой заглохло...

... Недавно мне позвонил Саня:

– Ольга умерла.

Та самая Ольга, которая послужила прототипом Вовиной. Разделенный со своими друзьями тысячами километров и десятком границ, я не мог присутствовать ни на похоронах, ни когда отмечали девятый день после ее смерти. Но к сороковинам, отдавая дань светлой памяти о ней, я написал этот рассказ...

Вы вправе заявить, что Вовина в нем не является главным персонажем. А кто в нем является главным персонажем? Но если вы перечитаете этот рассказ вместе с двумя предыдущими «Первая женитьба Антона» и «Вторая женитьба Антона», то увидите, что именно она и является главной героиней этих трех рассказов. Ибо через ее большое и, как оказалось, не слишком здоровое сердце прошли все беды, все неприятности этого семейства. И все радости тоже...

Наши друзья

«В 1848 году «Московские губернские ведомости» напечатали заметку о том, что помещик Никифорова за крамольные речи о полёте на Луну сослал в поселение Байконур».

Арон Резников,
«Из записных книжек»

Татъяна Макарова

Макарова Татьяна Викторовна

Родилась в 1964г. в Белоруссии, в г.Тольятти живет с 1969 года.

Имеет два высших образования: по специальности «Государственное и муниципальное управление» и по специальности «Информационные технологии экспертизы малоизученных явлений и процессов».

Основная работа – главный специалист Тольяттинской городской Думы по вопросам социальной политики.

Общественная деятельность: председатель общественной организации «Тольяттинская уфологическая комиссия».

Хобби: разнообразные и постоянно обновляющиеся.

Интерес к жизни: неограниченный.

ЭТОТ НЕВЕРОЯТНЫЙ МИР

(Попытки мифологического расследования)

Посвящается моему отцу...

Вступление в тему,
или Верите ли вы в уфологов?

Поздним январским вечером далекого теперь уже 1990-го года в уютном зале Дворца культуры и техники ВАЗа собрался народ. «Что же здесь такого? – спросите вы. – Этот зал для того и предназначен, чтобы в нем собираться.» Так-то оно так, да вот народ собрался необычный – это были люди, которые никак не хотели поверить, что в нашем мире не осталось уже тайн и загадок, ждущих своего беспристрастного исследователя. Что все давно запротоколировано, объяснено и сдано в научный архив. Одним словом, это были тольяттинцы, желавшие попробовать себя на ниве исследования аномальных явлений.

Надо сказать, что нам, тольяттинцам, повезло – ведь места, где расположен город, издавна считались необычными. Да и Самарская Лука, по данным исследователей, считается одной из самых активных аномальных зон на Волге – за последние десять лет, например, только НЛО здесь зафиксировано более тысячи. О «снежном человеке» в Жигулевских горах начал собирать сведения в двадцатых годах прошлого века первый директор Жигулевского государственного заповедника И.И.Спрыгин, но даже и сейчас нет-нет да и встречаются в горах этих обросших шерстью «чудиков», которые, кстати, настроены к нам вполне доброжелательно. Туристы, жители окрестных деревень и дачники рассказывают о таких местных достопримечательностях, как «кошачьи лапки» – группы из пяти-семи светящихся зеленым светом больших шаров в небе над Жигулевскими горами, и «кошачьи ушки» – невысокие лучи света в форме треугольника, которые появляются буквально из ничего посреди обычного пейзажа. А самый большой интерес вызывают так называемые «жигулевские миражи», когда вместо привычного и до мелочей знакомого окрестным жителям пейзажа вдруг возникает образ другого места. То это исторические поселения древних жителей Самарской Луки. То – древний город-крепость со стенами, поросшими мхом. То многокупольный, сложенный из гигантских камней, храм неизвестной ныне веры – туристы образно зовут его «Храм зеленой Луны». И

необязательно ехать на правый берег Волги – подобные приключения были у тольяттинцев даже на улицах родного города. Но – миражи ли это? Были случаи, когда случайным свидетелям удавалось зайти внутрь миража и побродить по его тропинкам...

Так что перед начинающими исследователями лежало, как говорится, поле непаханое работы. Но насколько огромно было это поле – стало понятно только потом, годы спустя. А в тот январский вечер мы еще не понимали, насколько сложная это тема – аномальные явления, какие многоплановые знания нам придется получить, чтобы хоть как-то начать понимать их механизм, насколько редки открытия и насколько болезненны промахи на этом пути... И насколько реальность и мистика находятся рядом в этом невероятном мире, и как часто то, что поначалу кажется мистическим вздором, на самом деле как раз является реальностью, и только ей. Какой бы невероятной она ни была...

Вряд ли вам, уважаемые читатели, будет интересно скрупулезное описание пятнадцатилетнего пути наших поисков. То, что вы прочтете ниже – это наиболее яркие фрагменты картины аномальных событий, которая за пятнадцать лет сложилась из рассказов очевидцев – тольяттинцев и гостей нашего города. Может быть, кто-то из вас даже узнает события, которые происходили именно с ним... Сразу хочу предупредить, что все «опознавательные знаки», которые могут помочь опознать авторов этих сообщений, нами из текста исключены – это наше правило, и мы его соблюдаем неукоснительно, чтобы не заставлять наших очевидцев лишний раз объясняться с соседями, сослуживцами, а порой и с домочадцами.

Мозаика эта составлена таким образом, чтобы отразить представление обо всем спектре аномальных явлений.

Итак, приступим...

Часть первая. Полтергейст, или Кто стучится в дверь ко мне?

Долгими осенними ночами 1990 года сторожа одного из вазовских подразделений стали замечать странные вещи. В стены охраняемого ими помещения как будто кто-то изредка, но довольно сильно стучал. Удары эти были разными по силе, что само по себе не объясняло их происхождения. Дело в том, что помещение это, находившееся на северной стороне ВАЗа, стоит одиноко, смежных стен с другими зданиями у него нет. Предполагая, что кто-то из людей может так странно «шутить», охранявшие здание

люди неоднократно выходили на улицу и осматривали его снаружи. Осмотр показывал, что прохожих вокруг и в помине не было. Да если бы только стуки в стены – их еще можно было бы как-то объяснить. Но положение осложнялось тем, что на крыше этого одноэтажного здания кто-то как будто устраивал «пешие прогулки»: топал и шаркал так, словно там действительно прохаживалась целая толпа. Осмотр крыши (а сделать его было легко, поскольку здание одноэтажное) и окружающей территории показывал, что никаких физических лиц, могущих производить подобные действия, рядом опять же не было.

Эта история продолжалась около полугода, к ней постепенно стали привыкать, на стуки уже почти не обращали внимания, и все было бы хорошо, если бы события не стали развиваться дальше.

В очередную ночь сторож, находившийся на дежурстве, отметил, что самопроизвольно включилась вентиляция в одном из цехов, освещение и фары у трактора в гараже. Отмечалось также выключение телевизора из сети без участия находившегося рядом человека. Такое самоуправство сторожам надоело, и один из них, обладающий экстрасенсорными способностями, решил своими методами обнаружить причину происходящих событий. Заступив на дежурство, он обошел все помещения охраняемого им здания – все было в порядке. Затем, сосредоточившись, начал мысленно лоцировать внутреннее пространство здания. Сначала все было спокойно, он не ощущал постороннего присутствия. Но когда он направил луч своего «локатора» в тот зал, где в последнее время происходили самые активные события, его мысленному взгляду предстали два странных существа – человекоподобные, только серого цвета, ростом 1,2--1,3 м. Более точно их внешность описать затруднительно. Равно как и подтвердить факт их существования (в отличие от полтергейстных происшествий).

Дальше события приняли самый неожиданный оборот. Перед находившимся в состоянии сосредоточения человеком возникла воронка, раструбом обращенная вниз, а конец ее, изгибаясь, уходил куда-то в пространство. Переместившись, воронка оказалась широкой своей стороной прямо над головой у этого человека и, как пылесос, стала затягивать его в себя. Ощущение притяжения было чисто физическим – у него волосы в прямом смысле встали дыбом, и рубашка поползла по телу вверх. Интуитивно почувствовав, каким образом можно прекратить это явление, сторож несколько раз выстрелил вверх, в раструб воронки. По идее, сле-

ды от пуль должны были остаться на потолке, над тем местом, где он сидел, хотя бы потому, что искры от ударов пуль о бетонную плиту он видел именно там, где воронка уходила в потолок. Но при последующем осмотре их там не оказалось.

Прием помог, и воронка исчезла. Самих пуль, как и следов от них, нигде не было, хотя гильзы нашлись на полу все до одной. После событий этой ночи обстановка в этом здании вернулась на прежний, относительно спокойный уровень.

Полтергейстных событий у нас в городе настолько много, что, наверное, каждая вторая семья хоть единожды в жизни сталкивалась с аномальным явлением этой категории. Ну, вот скажем, эта...

Продолжение части первой, или Когда любовь к чистоте – это плохо...

В течение трех дней подряд семью тольяттинцев донимал полтергейст. Сами собой опрокидывались стулья и другие тяжелые вещи, открывались краны и из них хлестала вода, у стиральной машины во время стирки выдергивалась вилка из розетки, а плита на кухне, наоборот, включалась ночью, что чуть не привело к пожару. В один из вечеров в спальне из шкафа оказалось вынутым все белье. Причем постельное было аккуратно сложено на кровать, а остальное кучей свалено на полу. По квартире раздавались шаги, словно бы их издавало крупное животное с мягкими лапами.

Домашняя кошка ходила по квартире, ворча и вздыбив шерсть на загривке, а иногда как будто кого-то воспитывала – лупила лапками по воздуху. Однажды после такой потасовки кошка зафыркала и стала отплевываться грубой и длинной рыжей шерстью, похожей на шерсть нутрии. После этого случая полтергейстные явления в доме утихли, да и драк между кошкой и ее невидимым противником больше не наблюдалось.

Казалось бы – вот оно, реальное доказательство необычного, кусочек шерсти «невидимки», который можно подвергнуть химическому, генетическому и другому мыслимому анализу, сравнить с шерстью известных науке животных! Подвела любовь к чистоте – хозяйка просто выбросила откушенную кошкой шерсть. Что ей до научной объективности!...

Так кто же живет рядом с нами? Кто они, существа, которых народный опыт за многие сотни лет жизни бок о бок отнес к мифологическому народу домовых? Мол, хоть и невидим он, но самый настоящий хозяин дома... Как говорилось в одной известной

комедии, «науке это не известно...». Однако неизвестность эта общению людей и этих загадочных существ нисколько не мешает. И в завершение этой части –

Ассорти из жизни домовых

Народные обряды совершенно однозначно предписывают оказывать домовому некоторые знаки внимания, так же, как и к любому другому члену семьи или (пусть домовички не обижаются) любимому домашнему животному.

Впрочем, внимание не остается безответным. Например, был такой случай. Потеряла женщина ключ от квартиры. Муж ушел на работу, она осталась сторожить. Но и у нее возникла необходимость срочно уйти из дома. Как быть? Не оставлять же квартиру без присмотра? Подумав, она на полном серьезе дала наказ своему домовому (в существовании которого, по некоторым признакам, была почти уверена) – храни, мол, оберегай, и никого не пускай. Домовёнок, надо думать, воспринял наказ буквально – никого, значит, никого. Часа через два подруга возвращается домой, а муж сидит на скамейке перед подъездом. Он не смог открыть ОТКРЫТУЮ дверь и войти в собственную квартиру. Когда подошли к двери вместе, стоило подруге только слегка нажать на ручку, как дверь спокойно открылась.

Жил в другой тольяттинской семье домовичок. Как и положено нормальному домовому, был он невидимый, только шумел иногда. Однажды вечером хозяйка дома сидела перед телевизором, увлеклась передачей, и вдруг услышала бормотанье: «Так сыра хочется! Вот же досада, оставили на столе сыр, да такой кусок огромный – разве укусишь? Хоть бы поменьше нарезала!» Обернувшись на голос, женщина увидела совсем маленького старичка – борода и волосы седые, встрепанные, глаза лукавые, а рубашонка да штанишки веревкой перевязаны. Ходит взад-вперед по комнате и ворчит. Хозяйка встрепелась от удивления – кто, мол, это, – и старичок исчез. Пошла она на кухню посмотреть, и оказалось, что там действительно лежал на столе кусок сыру приличных размеров. Отрезав кусочек поменьше, она оставила его на столе.

В другом же случае не сразу догадались, почему кто-то невидимый громко стучит и щелкает в воздухе посреди комнаты, и особенно любит это делать тогда, когда хозяйка – женщина старшего бальзаковского возраста – ложится спать. Не понимая, что происходит, она только злилась и ругалась «в белый свет». Однаж-

ды хозяйка квартиры сидела на диване, как вдруг отметила с удивлением для самой себя, что испытывает какие-то непривычные ощущения. Сложно описать, в чем это выражалось – то ли воздух стал прозрачнее, а звуки звонче, то ли еще что произошло... Обернувшись к тумбочке, она увидела, что на ней сидит маленький человечек, будто сошедший с иллюстрации к русской сказке, но – вполне живой и реальный. Сидит и ворчит: «Ты зачем от меня конфеты и варенье прячешь? Я что тебя, объем? Мне же чуть-чуть надо, ты и не заметишь...»

Женщина встрепелась от неожиданности, и человечек пропал из виду. Решив проверить свое видение, она стала оставлять на кухне немного конфет и варенья, сопровождая это мысленным приглашением отведать лакомства. Совпадение или нет, но с того дня всякие шумы в квартире прекратились. И только иногда она замечала, как по полу перекатывался полупрозрачный пушистый шарик, взметывающий в воздух нападавшую пыль.

Бывает, что домовый недвусмысленно заявляет не только права на пищу, но и на территорию. Дед одной из жительниц нашего города не верил ни в домовых, ни в привидения, ни в прочую, как он ее называл, чепуху. Но однажды ему самому пришлось столкнуться с этой «чепухой». Обидевшись на свою бабу, дед ушел на чердак и лег на кучу сена. Только закрыл глаза – кто-то его толкнул в бок. Открыл глаза – никого. Опять закрыл – опять толчок, и опять никого рядом! Третий раз закрыв глаза, дед вдруг услышал голос: «Федор, слезай, ты мое место занял.» «А ты кто?» – спросил дед, не открывая глаз, – «Я домовый, в твоём доме живу». Пришлось деду перелечь на другое место, и там его уже никто не трогал.

Был еще такой случай в тольяттинской семье. Мальчик лет двенадцати, играя в Тарзана, прыгал с кровати на кровать и устроил невероятный шум. На крик матери он выскочил в коридор и нос к носу столкнулся с крохотным любопытным человечком, одетым в просторную рубаху, подпоясанную веревкой, шапочку и какие-то бесформенные онучи. Несмотря на размер, это было вполне взрослое создание мужского пола, всклокоченное и с любопытством смотрящее не возмутителя семейного спокойствия. Сын ойкнул от неожиданности, и все пропало.

Интересно, что в виде маленьких человечков домовых видят не всегда. Достаточно часто очевидцы рассказывают о полупрозрачных круглых образованиях белого или светло-серого цвета, которые могут передвигаться не только по полу, но и летать. Ка-

кой из этих обликов является их истинным, сложно сказать. Да и всегда ли он человекоподобен? Ведь не зря народные поверья часто преподносят нам образ домового в виде необычно большого кота. Однако важно понять, в каких случаях причиной аномалий, происходящих в наших домах, является Некто Невидимый, а в каких причина имеет естественный характер, хоть до поры и не разгаданный.

**Часть вторая. Реликтовый гоминоид,
или Жигули и йети – понятия совместимые**

Отправляясь в Жигули, нельзя исключать возможность встречи еще с одним аномальным, а точнее, редким природным явлением – реликтовым гоминоидом, или, в просторечии, «снежным человеком». Это самое интересное тайное существо, очень близкое к человеческому роду, неотъемлемо вошедшее в народную культуру («Слово о полку Игореве», например, называет его «дивом», часты упоминания об этих существах и в других литературных памятниках). Биология, будучи у своих истоков, также не чуралась изучения этих существ. У одного из наиболее выдающихся биологов Карла Линнея описан не один, а два вида человека: «Человек разумный, или дневной», и «Человек ночной, или троглодитовый (пещерный)», причем последний был вовсе не обезьяной и по описанию один в один совпадал с современным йети. Сведения о «снежном человеке» в Жигулях собирал даже первый директор Жигулевского заповедника.

Конечно, у нас не Гималаи и даже не Тянь-Шань, где такие встречи происходят гораздо чаще, но вот как описывает встречу с гоминоидом жительница города Жигулевска: «Это было в 1977 году. Июль или август, точно не помню. Мы пошли как-то прогуляться в лес, в горы. Вдруг появилось у меня какое-то странное ощущение – мы не одни. Кто-то еще следует за нами. Но странно, не слышно треска сухих сучьев под ногами. Оглядываюсь – никого. И сколько бы мы ни шли, я постоянно чувствовала чье-то присутствие. Поделилась своими ощущениями со спутником, но он посмеялся надо мной, сказал, что я трусиха. По крайней мере, он ничего подобного не ощущает. Мы нашли густой орешник и стали рвать орехи, но орехи были в основном червивые, и мы с другом разошлись на приличное расстояние друг от друга. Я на время забыла о своих недавних ощущениях. И вот, как вновь, особенно сильно, каждой клеточкой своего тела ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Я невольно оторвалась от об-

любованной мной ветки и... обомлела. Буквально в шести-семи шагах от меня стояло странное существо. Человек – не человек, обезьяна – не обезьяна. Кто это?! Существо покрытое длинной, но редкой шерстью, с головы до ног, просвечивающее тело худощавое, но с развитыми мускулами. Ну ни дать, ни взять – лесной человек. Ростом метра с два. Не помню. Помню, что высокий, близко посаженные глаза сверкали из глубоких глазниц. Стоял прямо напротив меня, в открытую и страха я почему-то никакого не почувствовала. Стоял и пристально так вглядывался в меня. Но дурацкая моя невежественная человеческая натура! Несколько секунд, и я позвала моего приятеля по имени. Не потому, что страшно, а потому что орем мы вечно по поводу и без повода. ...И исчез он сразу, как провалился...

Было это почти тридцать лет назад. Но и раньше, и позже это загадочное создание природы периодически обнаруживает себя перед взволнованными тольяттинцами.

Продолжение части второй,

или «Снежные люди» улетают с заснеженных улиц

Жигули – Жигулями, но представьте, что вы почувствуете, если подобный мохнатый «родственник человека» встретится вам на улицах нашего родного города... Одной из наших горожанок судьба приготовила такой сюрприз в ночь на 31 декабря 1989 года.

Будучи уже пенсионеркой, А.М. работала сторожем в одном из учреждений, расположенных в районе комплекса химических заводов. Ночью, услышав непонятный нарастающий гул, она подошла к окну первого этажа и увидела, что в направлении к парадному подъезду направляется что-то, что при ближайшем рассмотрении в свете подъездного фонаря оказалось типичным «снежным человеком». Его внешний вид совпадал с классическим описанием этого существа, рост более 2-х метров, окрас шерсти темно-коричневый, руки длинные, ноги непропорционально короткие, мощные. Потоптавшись у лестницы, существо с таким же звуком пошло дальше. Через несколько метров существо несколько раз неуклюже подпрыгнуло и полетело, наклонив туловище под углом около 45°.

На свежевыпавшем снегу остались хорошо отпечатанные следы этого существа, размер их около 40 см, пятипалые, с сильно отставленным в сторону большим пальцем. Эти следы утром

разглядывали все сотрудники данного учреждения, приходившие на работу. В месте прыжков остались воронкообразные небольшие выемки в снегу, а в месте, откуда начался полет, в снегу зияла воронка диаметром около полуметра. Хоть эта воронка нижним концом уходила в мерзлую землю, однако ни рядом с ней, ни в ближайших окрестностях следов вывернутой земли и снега не было. Вызвали милицию, но милиционер ясности в ночное происшествие не внес...

А горы наши Жигулевские богаты и многими другими аномальными явлениями, что плавно переводит нас к части третьей нашей аномальной мозаики.

Часть третья. Аномальные зоны, или Жигули – заповедник АЯ

Самарская Лука – это уникальное природное образование, стоящее в совершенно особом положении по сравнению с другими природными объектами как в нашей стране, так и за ее пределами. Уникальность эта определяется геологическим строением Луки и ее происхождением, с которым связаны также геофизические, биологические, этнографические и другие особенности этой территории. Следствие этого – огромное количество самых различных аномальных явлений. Оно огромно настолько, что Самарскую Луку можно вполне обоснованно считать Заповедником аномальных явлений. Этот Заповедник еще ждет своих исследователей, поэтому пока о физической природе происходящих в нем аномальных явлений можно судить только лишь с определенной степенью вероятности. Но не то важно, насколько правильно мы понимаем физическую природу аномальных явлений Самарской Луки, а важно другое – быть любознательными и подмечать такие явления природы, которые пока являются для нас аномальными, а в будущем получают свое объяснение и станут самыми обычными, и, может быть, даже потеряют всякий интерес. Пока же «аномальную компоненту» из исторических хроник Самарского края и современных наблюдений можно разделить на несколько вполне самостоятельных подгрупп. Начнем с самых простых, привычных и поэтому наименее волнующих людское воображение.

Первая группа – это световые столбы многокилометровой длины, исходящие из девственного леса Жигулей и бьющие в небо на высоту в несколько километров – о таких рассказывают и туристы, и местные жители, и лесники. Особенно часто такие явления

наблюдаются вблизи Чарокайки и бывшего гудронного завода, хотя бывали подобные феномены и на берегу водохранилища, и над Сокольими горами, в ряде других мест Самарской Луки.

Следующая группа АЯ – это так называемые «кошачьи лапки», группы светящихся шаров в небе над Жигулями. Очень часто появление «кошачьих лапок» случается наблюдать речникам. По их наблюдениям, первым делом в небе возникают белые яркие точки (ярче звезд), которые потом разворачиваются в зеленые светящиеся шары, сгруппированные по пять штук как бы в «кошачьи лапки». Иногда «лапок» бывает две сразу, и наблюдаются на одном и том же месте по несколько часов подряд. Появляются они при любой погоде – могут возникнуть и на фоне звездного неба, и на фоне дневных дождевых туч.

Еще одна группа АЯ получила название «кошачьи ушки», а выглядят эти явления как конусовидные невысокие столбы света, бьющего прямо из земли. Светящаяся зона в них четко отграничена от окружающего пространства – так, как это можно сделать только с использованием современной лазерной техники (которой посреди леса, естественно, неоткуда взяться).

Встречаются и странные «туманные» образования, откровенно нарушающие законы физики. Много раз туристы, побывавшие в Каменной Чаше, наблюдали очень плотные небольшие «облачка» белого цвета, по размеру сравнимые с размерами человеческой фигуры. Облачка эти передвигаются вдоль склонов Чаши в любых направлениях. Что интересно, ветер, сколь бы сильным он ни был, не препятствует движению этих сгустков, которые частенько идут ровно навстречу ветру, ничуть не меняя форму и не развеиваясь под воздействием воздушных потоков.

И, наконец, плазмойды – светящиеся шаровые образования, которые чем-то похожи на шаровые молнии, но гораздо больше них по размерам, да и по другим характеристикам их приходится относить к совершенно особой группе физических объектов.

Надо сказать, что последняя разновидность аномалий органично включена в местную деревенскую культуру – она является частью некоторых обрядов, которые особенно распространены среди небольших национальностей – мордвы, мокшей, чувашей. В основе некоторых местных религиозных течений лежат исторические факты взаимодействия человека, основавшего этот культ, и таких светоносных шаров. С точки зрения ортодоксальной науки, все было бы гораздо проще объяснить, если бы подобные наблюдения оставались в далеком прошлом – мол, мало ли

какие суеверия были у наших необразованных предков. Вот и выдумывали они сказки о нечистой силе, считая душами покойников пролетающие над деревнями огненные шары с искрящимися хвостами... Однако, не выходит списать все на суеверия. И посейчас жители жигулевских сел – образованные современные люди без излишних предрассудков – продолжают наблюдать подобные феномены. То, что характер явлений сохраняется и по наше время, говорит об отсутствии принципиальной разницы между большинством сообщений прошлых веков и свидетельствами современных очевидцев, что, в свою очередь, заставляет предположить преимущественно земной, природный процесс образования подобных аномальных явлений. Возможно, их причина в тектонических процессах, сопровождающихся активным выделением энергии. Но менее волнующими от этого они не становятся.

Представьте себя на месте жительницы села Ширяево, и вы поймете все без лишних объяснений. В 1992-м году поздно вечером она увидела, как недалеко от нее поднялся с земли ярко-огненный светящийся большой шар. Слегка испугавшись от необычности происходящего, женщина собралась закрывать калитку, но в темноте уронила замок и никак не могла его нащупать. Словно почувствовал волнение женщины, из шара протянулся лучик света и осветил упавший замок. Свидетелями этому случаю были больше десяти человек.

Как показывает опыт, народные предания надо изучать пристрастно, но не с той точки зрения, что все они – байки, а пытаясь найти в рассказах необразованных старушек из забытых богом и людьми деревень остатки древнего Знания; изучать их так, как изучал Шлиман легенды о Трое. В легендах же Самарской Луки настойчиво и ярко вырисовывается образ хранительницы подземных кладовых – Хозяйки гор. Она, подобно Хозяйке Медной горы в уральских сказах, владеет всеми сокровищами жигулевских недр, скрытыми в пещерах под Жигулями. Пещер таких, действительно, огромное количество – и природных, которые активно использовались местными жителями в течение многих сотен лет, и рукотворных. Культ Хозяйки, возможно, является отголоском культа Богини плодородия, Матери-земли (земле всегда приписывалось женское начало), одним из следов матриархата, который в течение некоторого времени являлся формой организации у населявших Луку племен. Так или иначе, до второй половины XVIII века Жигулевские горы именовались Девьи-

ми, а на карте 1459 года район гор именуется Амазонией. И легенды, которым не меньше, чем полтысячи лет, рассказывают о группе сестер-богатырок, к которым меряться силой приходили «и добрые молодцы, и калики перехожие».

Видимо, с распространением в наших местах новой веры, легенды о сестрах-богатырках постепенно заменились на рассказы о ведьмах, спящих долгим сном под Жигулями (так часто бывает в истории). В редкую ночь, говорят предания, ведьмы вылетают из-под воды на своих ступах, чтобы потом вернуться и опять уснуть до урочного часа. Можно предположить, что в этом случае мы наблюдаем определенную конвергенцию мифов – схождение, а потом и объединение мифологических линий. Одна из этих линий имеет свое начало в историческом факте существования матриархата, а другая, возможно, свидетельствует о многолетней истории наблюдений неопознанных летающих объектов явно нечеловеческого генезиса, по внешнему виду напоминающих распространенный предмет обихода – ступы.

Предположить подобное позволили современные свидетельства очевидцев. Так, одна из жительниц города Тольятти утром на берегу Волги напротив Жигулей наблюдала, как в небе появилась «звезда», которая быстро росла и в конце концов оказалась «двойной ступой», сложенной широкими концами друг к другу. «Ступа» имела размеры в несколько метров и явно металлический корпус. Из-под воды поднялся конус света, в него влетела «ступа», опустилась под воду и ушла за пределы видимости. Аналогичные случаи много раз сообщали и летчики аэропорта Курумоч – правда, те видели подобные ступы в небе, и не только над Жигулями. Но если неопознанные летающие объекты уже стали достаточно привычным, хоть и не до конца понятным, явлением наших дней, то еще одна яркая загадка Жигулевских гор и их ближайших окрестностей – так называемые «жигулевские миражи» – до сих пор вызывает ощущение легкого шока перед мощью нашей загадочной Природы. И заставляет предположить, что наш мир более, чем трехмерен...

Часть четвертая.

**Пространственно-временные аномалии,
или Возвращаясь домой, не провалитесь
в трещину во времени**

Когда-то, многие века назад, по нашим местам вдоль побережья проходил бараний тракт, по которому из года в год многими сотнями гнали овец. Трудно сказать, где точно он проходил.

Вероятно, вдоль Волги на возвышении. А возможно, трасса его была достаточно растянута не только в длину, но и в ширину, обильно полита потом и даже отмечена костями погибших в пути овец и погонщиков.

Почему бы не допустить, что память этого места до сих пор дает себя знать? На такую мысль натолкнул случай, приключившийся с одной нашей горожанкой – назову ее Мариной. Недавно весной она спокойно шла из магазина домой. Был как раз сезон «охоты на пешеходов», и девушка, отпрыгивая от машин, переходила залитый водой Приморский бульвар из седьмого квартала в восьмой. Ее мысли, как она сама призналась, были заняты только тем, как уберечь новый плащ от брызг из-под колес проезжающих авто. Не уберегла. Но так, как ей и во сне присниться не могло бы.

От проезжей части Марина успела отойти буквально на пару десятков метров, как вдруг заметила, что вокруг нее творится что-то «не то». Вместо привычных многоэтажек и мокрого асфальта весь окружающий участок был занят овцами. Они толкались об ее ноги, грязная в репьях шерсть терлась о новый плащ, блеяние почти заглушало шум оставшегося где-то сзади города. Овец были тысячи. И вокруг было лето! Солнце стояло почти в зените, хотя только что было почти на закате. Присохшая на солнце степь пахла полынью – Марина четко чувствовала ее запах, невдалеке подгоняли овец кнутами погонщики на лошадях... Но и город тоже был. Марина в растерянности оглянулась назад и увидела тот же самый мокрый Приморский бульвар, те же машины, те же дома, вот только шум оттуда доносился приглушенный, словно бы из-за стекла.

Прошло несколько минут. Марина боялась сдвинуться с места. У нее возникло ощущение, что, если она сделает еще хоть шаг вперед, то навсегда останется в этом «овечьем» мире. Да и шагнуть было, в общем-то, некуда. Как-то она ухитрилась сделать шаг назад, в сторону города, и вдруг все пропало – и овцы, и степь, и солнце оказалось снова на закате...

Наверно, почти любой человек на месте Марины повел бы себя точно так же – не поверив самой себе (показалось, мол), она запретила себе думать о том, что только что с ней произошло. И только вопрос матери заставил ее осознать, что овцы и степь – не галлюцинации. Мать спросила: «Ты откуда столько шерсти и репьев на плаще принесла?»

И это далеко не единственный случай подобного проникновения в какой-то иной – то ли «параллельный», то ли «перпендикулярный» – мир, а различные «небесные картины» наблюдались над Жигулями с древнейших времен. Первое известное письменное упоминание о подобном наблюдении относится к трудам арабского летописца Ибн-Фадлана, в 922-923 годах посетившего эти места. По его записям можно понять, что эти явления местные жители считали совершенно обычным явлением. Похоже, что наши предки были недалеко от истины, утверждая обыденность этих явлений, а на основе таких наблюдений в народе появились предания о Мирном городе: «И когда встает над Волгой солнце, видны над рекой дворцы и стены Мирного города. И стоит он по-старому, и ждет, когда богатства его людям понадобятся».

Продолжение части четвертой. Храм Зеленой Луны и другие аномальные сооружения Жигулей

Я не буду вдаваться в тонкости научных гипотез о природе этого класса местных аномальных явлений. Позволю себе предположить, что вам будет более интересно ощутить себя на месте очевидца. Ну, хотя бы вот этого, который в апреле 1974 года, будучи на берегу Волги почти напротив ширяевских мест, вдруг заметил на противоположной стороне реки город-замок, как бы вырастающий из гор. Все было видно настолько четко, что ему удалось рассмотреть даже трещины в каменных стенах. Полная Луна, освещавшая ночной пейзаж, за час с лишним существования миража, передвигаясь по небу, освещала его стены, что говорит о том, что видение имело явно материальную природу (правда, устроенную по непонятным пока законам). Вид и наклон теней, отбрасываемых выступающими частями зданий на стены, за время наблюдения существенно изменялись – так, как они изменялись бы на реальном объекте.

Туристы рассказывают еще и об огромном куполе с множеством больших и маленьких башенок, появляющемся на склоне горы – за ним закрепилось красивое название «Храм Зеленой Луны». Некоторые подходили к нему настолько близко, что замечали, как из-за огромного веса этого сооружения почва вокруг него всегда была несколько влажной.

Большая часть таких сообщений поступает из района близ села Зольное, но специальные поиски никогда не были успешными – купол найти никому не удавалось. Удача всегда бывает нечаянной. И вот как она улыбнулась двоим туристам, которым удалось

увидеть не только этот храм неведомого культа и непонятого происхождения, но и часть совершаемого в нем обряда.

Итак, дело это было несколько лет назад. Представьте себе – середина лета, тепло, поздний ясный вечер, правый берег Волги в Жигулях. Точное место не называю, но оно не столь глухое, поэтому наши двое очевидцев просто так гуляли под Луной, тем более, что через несколько недель у них должна была состояться свадьба.

Луна светила ярко, и вокруг все было очень хорошо видно. Их внимание привлекло нечто необычное, не относящееся к привычному и знакомому много лет пейзажу. Нечто, чего там до сих пор не было. Громадный то ли холм с кочками на вершине, то ли здание ... Подошли поближе – это и оказалось здание почти идеальной полукруглой формы, а то, что издалека приняли за кочки – это были многочисленные малые купола, встроенные в основной свод. Четко стал виден вход – он не был закрыт дверьми, и изнутри шел небольшой свет. Подошли поближе, присмотрелись – не мерещится ли – нет, не мерещится. Солидных размеров камни, из которых здание было сложено, можно было спокойно потрогать рукой, они были холодные, слегка влажные и поросли мхом от времени. Размер одного камня примерно метр на метр, а по ощущениям это был не известняк, привычный для наших мест, а нечто вроде гранита – более прочного и плотного на ощупь. Обработка камней была несколько неровной – под руками ощущалась некоторая шероховатость поверхности, однако притерты друг к другу они были почти идеально – насколько это можно было рассмотреть в лунном свете.

И сама форма здания, повторяю еще раз, была практически идеально полусферической – как у основного, так и у всех дополнительных куполов.

Издалека его действительно можно было принять за холм, так как, видимо, от времени в некоторые места этого купола ветром нанесло небольшой слой земли, где спокойно прижилась трава и даже небольшие кусты, что, впрочем, не портило ощущения величественности этого здания.

Молодые люди, преодолев естественный страх, подошли к проему и заглянули внутрь. Было достаточно светло, так как в центре горел костер. Из обстановки, если ее можно так назвать, удалось разглядеть, что по периметру вдоль стен были расставлены статуи, возможно, изображавшие богинь. Они были выполнены из того же камня, что и само здание – и в свете костра удалось

увидеть, что это действительно серо-розовый гранит. Манера исполнения статуй несколько стилизованная, хотя исполнение их поразило уровнем мастерства скульптора – или скульпторов, – очень точно изображены все детали человеческого тела, детали одежды – самой разной – от легких накидок, почти не прикрывающих совершенное, физически развитое тело до сложных комплексов, видимо, имевших символический смысл. Некоторые статуи были украшены цветами, перед некоторыми лежали венки из ветвей деревьев – похоже, березы и ивы. Видимо, статуи были объектом ритуала, а не просто элементами его внутреннего убранства.

Вокруг центрального возвышения, на котором горел костер, в круге стояли двенадцать женщин в возрасте примерно от двадцати до сорока лет. Одеты они были в одинаковые длинные серые одежды, сотканые из очень грубых волокон – почти рубища. Но возникало ощущение неестественности этой грубости – так, будто это огрубление сделано нарочно и имеет смысл только для ритуала. Возможно, ощущение такого несоответствия культуры народа, к которому принадлежали женщины, и примитивной одежды вызывалось тем, что голову каждой из них обвивал шарф тончайшего окрашенного во все цвета радуги шелка, который при движении поднимался в воздух, так что становилось видно, насколько он легкий и каким изящным рисунком украшен.

Все происходило в полном молчании, даже шаги босых ног по каменному полу были бесшумны. Поначалу жрицы стояли кругом вокруг костра. Затем одна из них что-то бросила в пламя, и дым окрасился в приятный зеленый цвет.

И здесь стоит упомянуть, что здание имело одну конструктивную особенность – отверстие в крыше, но не над центром зала, а с небольшим смещением в сторону. Можно предположить, что это смещение было вызвано необходимостью ловить лучи светил тогда, когда они находятся почти в вершине своей небесной траектории. Станным образом местоположение нашей, так сказать, реальной Луны было именно таким, что она была хорошо видна через отверстие в крыше этого неведь откуда возникшего храма.

Через дым, поднимавшийся к отверстию, лунный свет окрасился в нежный зеленый цвет – что, видимо, имело большое значение для ритуала. Затем женщины взялись за руки и, сначала медленно, а потом все убыстряя темп, закружились в хороводе. Здесь появились первые звуки – их трудно назвать песней, ско-

рее, это был некий набор тонов, не связанных в одну мелодию, однако у очевидцев, как потом они обменялись впечатлениями (а пока просто молча стояли перед входом в храм и пытались рассмотреть каждую деталь события), у них обоих возникло ощущение просветления и гармонии в теле и в душе, ощущения такого тесного единения с природой, какого ни до, ни после у них никогда не возникало.

Звуки порождали ощущение понимания окружающего мира во всех его мелочах – от проблем каждой мелкой зверушки до взаимодействия небесных тел. Наконец темп хоровода стал настолько быстрым, что женщины кружились уже на цыпочках, еле касаясь ногами пола. Эта картина в зеленоватом лунном свете выглядела фантастично, но в то же время не вызывала ощущения неестественности ни у девушки, ни у ее спутника, будто они каждый день могли такое увидеть. Надо еще сказать, что, во-первых, Луна была в первой четверти – то есть месяц, а по своему внешнему виду жрицы этого храма вполне могли бы быть причислены к европейской расе, хотя черты лица двух или трех из них наводили на мысль о восточном происхождении.

Затем хоровод резко разорвался в одном месте, и, по-прежнему держась за руки, женщины, соединенные как бы в живую ленту, по спирали приблизились к стенам храма и сделали еще несколько полных кругов. Все это сопровождалось той же самой мелодией, которая, правда, на этом этапе несколько изменила свой характер и стала вызывать ощущение силы и могущества человека в этом мире, но и ответственности его за все, что он совершил. Наши случайные свидетели до сих пор не могут понять, как простые звуки человеческого голоса могли вызвать все это понимание, проникновение, прозрение, если так его можно назвать.

В храме стало явно светлее, и причина этого была замечена не сразу. Когда хоровод разорвался и женщины пошли вдоль стен, у каждой статуи (к которым они, кстати, не прикасались) появился огонек – это не был огонь в привычном смысле, этот свет напоминал электрический, и светилась только одна какая-то деталь – у одной статуи брошь на одежде, у другой – чашечка цветка в каменной гирлянде. Жрицы еще больше приблизились ко входу и, похоже, собрались выйти наружу, так что наблюдатели, вернувшись к ощущению реальности, побоялись оказаться замеченными и предпочли ретироваться восвояси – попросту говоря, удрать со всех ног. Днем они вернулись к этому месту – подтвердить свои наблюдения, поскольку произошедшее в их сознании никак не

укладывалось, и – ничего, ни храма, ни его следов. Привычный и до мелочей известный пейзаж. А тайна так и осталась без объяснения. Хотя факт, что в ритуале участвовали только женщины, заставляет вспомнить и древнее название Жигулевских гор, и матриархат, который когда-то у нас был не исключением, а скорее правилом.

Но раз уж мы попали в Жигули (а возвращаться из этих красивейших мест в рукотворный лес городских домов часто совсем не хочется), то вспомнилась мне сейчас еще одна история. Одно дело, когда случается нечто аномальное, и тебе о нем рассказывают. Удивление и восхищение перед очередной загадкой Природы в этом случае вполне естественно. Однако когда приходится сталкиваться с повторением аномальных событий, сами понимаете, чувства возникают уже совершенно другие. Начинаешь убеждаться, что ты был прав, что не зря поверил случайному очевидцу таинства природы... И порой пробегает легкая дрожь.

Вот так, неожиданно для самих себя, мы столкнулись с продолжением легенды о крылатой кошке Жигулевских гор.

Часть пятая.

Криптозоология – это не только «снежные люди»...

Вот с чего все начиналось. В год падения кометы на Юпитер мы, то есть 13 человек, в разной степени близких к исследованию аномальных явлений, отправились в недельную экспедицию в Жигулевские горы. Место расположения лагеря – гора Верблюд, любимое место тренировок альпинистов. «Счастливое» число членов группы сложилось как-то само собой, к тому же преувеличенным суеверием мы не отличались.

Странности начались с нашей высадки на Ширяевской пристани, однако, большого значения мы им не придали. Заключались же они в том, что сразу на пристани, пока мы осматривали и распределяли багаж, к нам подошла незнакомая старушка. Ходила рядом, к чему-то приглядывалась... И ни с того, ни с сего стала агитировать нас идти в Каменную Чашу. На уговоры мы не поддались, и направились все-таки в сторону штолен. Вслед нам старушка сказала: «Ладно, только серьезнее надо быть, серьезнее. (Прим. – может быть, кто-то из нас действительно был настроен легкомысленно, однако общий настрой группы был вполне целеустремленным и оптимистичным). «Туда, – сказала она дальше, – низом пойдете, а обратно верхом воротитесь. А как пойдете, так и не оборачивайтесь». Прямо как в сказке.

Конечно, про совет не оборачиваться все тут же забыли. Ширяевские места настолько красивы, что не осматриваться по сторонам, в том числе и поворачиваться назад, было просто невозможно. Однако, остальное сбылось – большую часть пути мы прошли низом, по прибрежной дороге, а вот к месту стоянки действительно возвратились по верховой тропе – так называемой «ленивке». Впрочем, это самый удобный путь...

Опускаю воспоминания о всех странностях, бывших с нами за ту неделю. Хочу напомнить только одну – в последний день к нашему лагерю прибилась «крылатая кошка», существо очень ласковое и очень странное. Мы все осторожно поднимали ее «крылья», заглядывали под них, пытались прощупать, как они устроены, как соединены с телом... Конечно, это были не совсем крылья, не такие, как у птиц. Скорее, они напоминали кожные выросты, достаточно большие, чтобы складываться вдоль боков, так, как складываются крылья, например, у орла. И, конечно, летать эта кошка (не то мутант, не то жертва непонятных опытов местной природы) не могла.

Прошло несколько лет, и представьте наше удивление, когда один из случайных попутчиков рассказывает буквально следующее. Пару лет назад к знакомой его жены на подоконник (квартира на первом этаже) приземлилось существо, которое женщина, не задумываясь, назвала «крылатой кошкой». Внешность у этого существа весьма примечательная. Тело, как у всех наших ласковых мурок, настоящее кошачье, покрыто мягкой шерсткой. Однако дальше начинаются странности. Лапы перепончатые, крылья достаточно большие и хорошо сформированные, но по типу будто не птичьи, а скорее похожи на крылья птеродактиля. И то ли кожистые, то ли мохнатые. Существо посидело на подоконнике, затем прыгнуло (слетело?) на тротуар и какое-то время перемещалось по нему. «Походку» этого чуда женщина образно описала так: «Летает, как курица», то есть очень неловко, неуклюже, пробежит несколько метров, поднимется на небольшую высоту и пролетит какое-то расстояние, потом приземлится и опять пробежит... Женщина потеряла «кошку» из виду, когда побежала звонить своей подруге, намереваясь срочно вызвать ее посмотреть на это диво.

Характерно следующее. Заметка о «крылатой кошке Жигулей» появилась достаточно давно, за несколько лет до этого наблюдения. К тому же, ни сама свидетельница, ни жена сообщившего нам человека, ни, наконец, он сам, ту старую заметку не читали

и о ней не слышали. Характер описания внешности и повадок существа позволяет также предположить, что это не фантазия. «Придуманная» летающая кошка выглядела бы несколько более красочно и эстетично. По крайней мере, выдумщик не снабдил бы ее перепонками и заставил бы летать более красивым стилем, чем куриный. Ведь по законам фантазии мы будем стремиться либо приукрасить реальность, либо припугнуть собеседника какими-то ужасными подробностями. Здесь же все так буднично – приземлилась, спрыгнула на тротуар, убежала... Может быть, и посейчас где-то бегают. Не могу призывать вас поверить в реальное существование «крылатой кошки» (в ее втором, более позднем варианте, т.к. первую-то видели мы все). Но так же не могу и отрицать достоверность этого события. Не хочу только ставить точку после легенды. Ну, а сейчас пришла пора обратиться к той части нашей мозаики аномальных явлений, которая содержит факты наблюдений самого классического, если можно так сказать, аномального явления – неопознанных летающих объектов.

Часть шестая. Неопознанные летающие объекты, или Вести из «посудной лавки»

Этих вестей настолько много (за пятнадцать лет работы накоплено более тысячи сообщений именно такого характера, и огромное количество информации по разным причинам не дошло до нашего банка данных), и настолько часто сообщения о них появлялись в печати, что не вижу смысла заново пересказывать события.

Но есть некоторая часть этого массива информации, которая не позволяет продолжать безмятежно пополнять уфо-хроники. К сожалению, полный отчет в серьезности происходящих событий отдают себе только уфологи, но не государственные и не военные чины, от которых в первую очередь зависит наша с вами безопасность. Хотя факты говорят сами за себя. То, что вы прочтете ниже, почерпнуто нашим коллегой из конфиденциальных бесед с пилотами гражданской авиации, проходившими переподготовку в учебном центре аэропорта Курумоч.

В июне 1988 года в аэропорту Курумоч при заходе на посадку самолета Ан-24 впереди вдруг возникло расплывчатое «облако» (надо сказать, что «нормальных» облаков в небе вообще не было). Как потом вспоминал бортмеханик, у него непонятно почему возникло желание отвернуть от него. Он и сказал командиру: «Отверни от него!» Отвернуть-то отвернули, но все же задели

крылом самолета край «облака» – и у всех возникло ощущение, что некая сила их словно придержала и отпустила. После посадки была расшифрована контрольная запись прибора КЗ-63, которая показала, что именно в этот момент возникла ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ПЕРЕГРУЗКА. А что могло бы быть с самолетом, если бы командир не успел среагировать на совет бортмеханика, или же они не заметили бы вовремя странное «облачко»? Рассчитана ли наша техника на работу в таких условиях?

Пятнадцатого марта 1990 года грузовой самолет шел из Омска в Саранск на высоте 7 200 метров. В районе Перми экипаж заметил, что чуть выше их самолета в небе висел объект диаметром 6-8 метров, в нижней части которого светилось 7 или 8 «фонарей» голубого цвета, а в центре находился источник алого света, из которого в сторону земли бил бледно-зеленый луч. Участок земли, освещенный этим лучом, было видно как днем. Затем луч поднялся и осветил кабину (командир даже пригнулся от неожиданности), после чего втянулся в НЛО, голубые фонари закрутились в одну сторону, а ярко-красный свет (что в середине) – в другую. В течение нескольких секунд объект исчез, но на небе осталось зеленое пятно. Вся эта воздушная феерия продолжалась в течение минут пяти.

Еще одна попытка «пленения» самолета была совершена в октябре 1989 года в районе города Омск. На высоте 4 500 метров над самолетом Як-40 неожиданно зависли 4 круглых ярких диска, расположившиеся как бы в углах квадрата. Из дисков исходили сине-зеленые лучи. Двигатели и электротехническое оборудование самолета продолжали работать. Энергетическое оборудование отказало. На 20 минут самолет был «взят в плен» – летал по окружности и не имел возможности выйти из круга. Через 20 минут диски как будто растворились. Оборудование, к счастью, работало, самолет вышел точно на прежнюю трассу полета. Не случайно сказано «к счастью», так как бывали случаи, когда из таких же странных «облаков» или же из НЛО бывал выпущен луч, который, не повредив стекло кабины, оплавлял работающие приборы, чем чуть не приводил к аварии. А, может быть, аварии и случались, только разве можно по останкам самолета установить настоящую причину его гибели? Приведенные примеры показывают колоссальные и пока даже приблизительно непредсказуемые нашей наукой возможности НЛО, верим мы в их существование или нет. Так не пора ли нам начать относиться серьезнее к феномену? Или будем по-прежнему ждать, пока гром грянет? В

гражданской же авиации боязнь санкций со стороны начальства (несмотря ни на что, отношение руководства остается почти таким же косным) и сегодня заставляет опытных командиров воздушных лайнеров рассказывать о таких выходящих за рамки привычного случаях почти шепотом, наедине и со строжайшим запрещением упоминать фамилии наблюдателей. А вы представьте себе, какую опасность представляют для наполненных людьми самолетов такие вот экстремальные полеты. Конечно, таких – единицы. И тем не менее, знать о них надо, и учить работе в таких сложных условиях – надо. Естественно, что необычные явления в небе замечают не только летчики и пассажиры, и просто «сухопутные» люди. К примеру, вот такая история была нам рассказана Анной Александровной, которая в 1991 году находилась на лечении в Медгородке. Окна ее палаты выходили в сторону леса, и вот в один из дней она обратила внимание, что в лесу будто коридорчик выстрижен – сосны ростом ниже. Чем-то ее это заинтересовало, она стала наблюдать и, к своему удивлению, заметила, как над этим участком леса очень быстро появился и завис некий объект («...будто сверху что-то бросили»). Объект оказался сигарообразной формы. Правда, Анна Александровна употребила чисто женское сравнение – с тюбиком помады, так как один его конец был закругленный, а с другого она заметила легкие выхлопы, светлые и быстро растворявшиеся в воздухе, будто пар облачком выбрасывался. Цвет классический, серый. Повисев в воздухе примерно полторы минуты, «сигара» резко кувыркнулась под прямым углом и очень быстро опустилась, почти упала в лес. Анна Александровна от окна не отходила, и ее терпение принесло свои плоды – через короткое время от места посадки «сигары» поднялся серый шар, цветом темнее, чем «сигара», и на бреющем полете, повторяя форму линии, образованной верхушками сосен, направился в сторону профилактория «Прилесье».

И все было бы похоже на классическое АЯ (т.е. один раз удивились, и повторения не ждите), если бы события не повторялись в том же самом порядке с первых чисел апреля до его середины, и если бы странная «сигара» не прилетала как по графику – ежедневно в 9.00 и 17.00 с точностью до нескольких минут.

Пару месяцев спустя Анне Александровне довелось стать пациенткой уже в другом корпусе Медгородка – в «книжке», откуда прежнее место видно не было, однако ее природная общительность и любознательность позволила ей найти среди пациентов

человека, видевшего в апреле этого же года (т.е. в те же самые дни) появление шарообразного объекта примерно над тем же участком леса. К слову сказать, наблюдений «чего-то летающего» над нашим новгородским лесом на самом деле достаточно много. И не только над лесом. Поэтому не нужно лениться и стесняться рассказать о том, чему свидетелями вы были. Может быть, своим опытом вы поможете кому-то лучше сориентироваться в аномальной ситуации, может быть, ваш опыт поможет когда-нибудь избежать трагедии.

И всегда, когда приходится сталкиваться с рассказами о подобных – экстремальных или рядовых аномальных явлениях – возникает вполне закономерный вопрос. Кто автор? Чьих это рук дело (неважно, даже если у них – щупальца)? И некоторые события, ставшие нам известными, позволяют, по крайней мере, составить «фоторобот» авторов некоторых аномальных событий.

Часть седьмая. Нлонавты, или Лица неместной национальности

Не только «поднимая очи горе», можно увидеть необычное. Несколько лет назад это на своем опыте поняла жительница Автозаводского района, назовем ее Оксаной.

Оксана живет в доме, лицом выходящим на лесной массив в районе Медгородка. Июльской ночью 1998 года ей почему-то не спалось. Она подошла к окну подышать свежим воздухом – а было около трех часов ночи, – и стала наблюдать за звездами на небе. К своему удивлению, через какое-то время ее взгляд выделил из всех прочих одну необычную «звезду», гораздо более крупную и почему-то овальной формы. «Звезда» пульсировала, переливалась светом. Было похоже на то, как работают фонари либо двигатели – разогрев, свечение белым светом, потом остывание (затухание) до слабо-розового света. Правда, ни одного, похожего на этот, технического устройства, Оксана раньше не видела, и сравнить его ей было не с чем. Это нечто медленно наплывало со стороны леса в направлении ДКиТ.

Этот объект был достаточно необычен и вызывал любопытство, однако восприятие его было достаточно спокойным, как говорится, без дрожи в коленках и крика в душе. Ну, подумаешь, НЛО... Мало ли тут их летает... Однако тут же, практически в это же время Оксана обратила внимание, что из леса через проход между детскими садами появились две фигуры. Их необычность Оксана оценила не сразу. Просмотрела, как эти двое пере-

секли улицу Жукова, прошли мимо ближайшего к ней дома, и только когда они через придомовой пустырь направились прямоком в сторону ее дома, только тут она струхнула, задернула шторы и ушла в другую комнату.

Конечно, у кого-то из читающих могут сразу возникнуть определенные бытовые аналогии, но давайте оставим их в стороне, ибо на простых ночных обитателей города эти двое были только лишь похожи. Первым, что удивило Оксану в их облике, была его белизна – брюки, пиджаки, обтягивающие свитера, волосы – все это было белейшее, и в дополнение – очень светлая кожа лица. На общем белом фоне глазу было не за что ухватиться, темных деталей не было совсем (приглядитесь на улице – многие из нас ходят в совершенно белой одежде?).

Вторая деталь, которая бросилась в глаза – эта парочка передвигалась как будто не по пересеченной местности (бордюры, ямки, кочки), а по ровной, будто не замечая препятствий – движения совершенно соразмеренные, плавные. И – абсолютно синхронно до мельчайших подробностей в движении тела, за исключением того, что в отдельные моменты фигуры поворачивали друг к другу головы, как будто переговаривались. Было полное ощущение, что люди так ходить не могут, что больше всего эта походка напоминает походку роботов. Однако кто-нибудь из вас может утверждать, что видел, как ходят роботы на улицах родного города?... Кстати, не вдаваясь в подробности, скажу, что «некто в белом» является весьма частым гостем (а, может быть, участником или, того хуже, инициатором?) ряда очень серьезных аномальных происшествий, ряд из которых был связан с прямой угрозой для физического здоровья людей...

Но на этом история вторая, к счастью, закончилась. Оксана, струхнув, просто не стала досматривать, куда направлялась эта странная парочка. А я, заканчивая рассказ об этой истории, перейду к другой.

Продолжение части седьмой, или Двое в белом на фоне осеннего вечера

Это происшествие случилось более десяти лет назад, однако рассказать подробности его участники решились только сейчас. По их просьбе изменю их имена и назову, скажем, Анатолий Петрович, Марина Николаевна (это его жена) и четырехлетний сын Владик.

Итак, стоял сентябрь 1991 года. Осень была золотая и очень красивая. Ясным вечером Анатолий и Марина решили выехать на машине полюбоваться природой, взяли с собой сына и поехали из Центрального района в Комсомольский по дороге через Портпоселок. Перед въездом в Комсомольск обочина дороги вся была занята машинами. Оказывается, не одни наши герои в этот сентябрьский вечер устроили себе прогулку. После тщетных попыток найти свободное место для парковки Анатолий свернул в лесок в сторону берега Волги. Дорога, выбранная наугад, хоть и имела следы асфальтового покрытия, была настолько узка и окружена деревьями, что машине на ней было не развернуться. Однако был у этого и существенный плюс – в отличие от большака, здесь не было ни души.

Миновали ограду, асфальт кончился, и дорога перешла в грунтовую. Марина как-то спокойно подумала: «Надо же, люди видят всякие аномальные явления, а мне, наверно, так и не суждено увидеть ничего необычного». Успели проехать примерно метров двадцать по грунту, как вдруг сын, сидевший на заднем сиденье, завизжал: «Папа, я боюсь этих охотников!», спрятался под сиденье, откуда уже не показывался до самого дома. Оглянулись и обнаружили непрошенный эскорт, странность которого сразу бросалась в глаза. Метрах в десяти вслед за машиной странной трусцой бежали двое среднего роста в серебристо-белых то ли комбинезонах, то ли трико. Это были явно люди, но какие-то «не такие». Их одежда вся была сделана, как единый кокон, полностью закрывая все тело. На руки будто варежки натянуты, торчал в сторону лишь большой палец. Открытым оставалось только лицо в проеме капюшона диаметром сантиметров пятнадцать.

Каких бы то ни было деталей отделки на одежде различить не удалось, словно бы их вообще не было. Несмотря на близкое расстояние, не удалось разглядеть и лицо. Оно не было гладким без деталей, на этом месте просто не было видно ничего – такое ощущение, что в середине головы образовалась дыра. Марина и Анатолий просто не находят слов, чтобы описать ощущения от лица своих преследователей.

Еще одна странная деталь. Эти двое не отставали от машины во время ее движения, словно бы они были к ней приклеены, однако они не бежали в привычном для нас смысле, а словно бы плыли на некотором возвышении над землей, не касаясь ее ногами и совершенно синхронно друг другу, словно два параллельных изображения с одной киноленты.

Грунтовку преградила неглубокая ложбинка. Машина остановилась, и загадочный двойной эскорт тут же моментально переместился в эту ложбинку. Не перешел, не перепрыгнул, а просто мгновенно оказался там – телепортировался, и замер, будто ожидая, что предпримет Анатолий. Появилась еще одна интересная деталь – у ног каждого «человека в белом» лежало по светящемуся красному шару размером с футбольный мяч. Они не испускали дыма, и, видно, светились не из-за высокой температуры. Ведь была золотая осень, и подстилка из подсыхающих опавших листьев не загоралась.

В какой-то момент Марина сумела рассмотреть преследователей в профиль. Ее удивление еще более возросло, так как каждый из «белых» был толщиной всего сантиметров пятнадцать (из интереса подойдите к зеркалу и попробуйте измерить величину своего тела от груди до спины...). Впрочем, и плоскими их назвать нельзя, так как контуры тел как спереди, так и сзади были вполне прорисованными.

Анатолий, не долго думая, дал задний ход. И пока он выруливал задом наперед по узкой лесной дороге, эти двое опять телепортировались и побежали впереди нее на таком же расстоянии, будто хотели убедиться, что непрошенные отдыхающие убралась восвояси. Да, была и еще одна характерная деталь. В руках один из них держал какой-то прибор, внешне похожий на черную трубочку диаметром сантиметров пять, длиной раз в пять больше.

Выехав на асфальт, Анатолий резко прибавил газ (представьте себя в этой ситуации – сумели бы вы сохранить «джеймсбондовское» самообладание?). «Двое в белом» остановились на опушке леса, вскинув руки вверх – у нас бы этот жест означал победу. А тот, который держал «трубочку», слегка ей помахивал вслед.

Благо, на этом история закончилась. Анатолий и Марина дух перевели только тогда, когда подъехали к дому (уже начинало смеркаться). И затем уже стали анализировать свои ощущения. Марина отметила два характерных момента. Во-первых, обычно ее просто так не напугаешь. Тут же, как только она увидела «людей в белом», ее охватило чувство иррационального, необъяснимого страха. В сознании само собой возникло понимание, что ей не велят смотреть на них, а голова сама собой стала опускаться вниз. Противясь этому принуждению, Марина все время старалась поднять голову и повнимательнее разглядеть, что происходит. Однако потом чувство страха сменилось на противоположное – возникло ощущение, что они не агрессивные и не причинят

зла пассажирам машины. Возникло ощущение, что этих двоих застали враспloch за каким-то своим делом, нарушили секретность их действий.

Сложно прокомментировать то, чего не понимаешь. Однако не зря в начале мы заговорили о мозаике, которая постепенно складывается в полную картину.

Во-первых, «некто в белом» является инициатором различных почти детективных историй, в которых аномальные происшествия нанизаны друг на друга, как бусины на нитку (в отличие от американцев, попадающих в разные аномально-детективные истории по вине «людей в черном»).

Во-вторых, из аномальных хроник всего мира и всех времен можно почерпнуть огромное количество свидетельств очевидцев о некоей «палочке» (так и хочется сказать – волшебной), которая как две капли воды похожа на описанную выше. Она служила и орудием, и оружием. Подобным же предметом пользовались и предтечи современной цивилизации. Например, по преданию индейцев, в Калифорнии некогда процветала высокоразвитая цивилизация гау-масуов. Среди других интересных приспособлений ее представители использовали крылатые серебристые «летающие каноэ», которые летали в небе, издавая гул. Так вот они использовали маленькую трубочку, которая могла уместиться на ладони, однако с ее помощью они защищались от своих врагов, вызывая у тех длительный паралич и ощущение, напоминавшее «множество укулов кактуса» (могли ли индейцы, которые вели почти первобытный образ жизни, более точно описать какой-то вид электрического воздействия?)

К счастью, в нашем случае, видимо, до использования этой «волшебной палочки» дело не дошло.

Завершение части седьмой, или Некто в белом

Эта многолетняя почти детективная история основана исключительно на реальных фактах, полученных от одного из ее участников – бортмеханика гражданского воздушного флота.

Вот уже несколько дней подряд Стас чувствовал себя не совсем уютно. Его включили в состав нового экипажа – как-то сработается он с новым коллективом? Перед первым вылетом экипаж расположился в комнате отдыха. Стас решил вздремнуть перед полетом. Он лег и через несколько минут словно провалился в какую-то бездну. Ощущение падения продолжалось, хотя чувства

страха не было. Непроглядная темнота обступила его со всех сторон, внизу далеко-далеко брезжил свет, и Стас падал в него все быстрее и быстрее. Его будто начал обволакивать странный туман, становилось трудно дышать, а свет становился нестерпимо ярким. Потом в стороне от него появилось несколько ярких вспышек, стало нестерпимо жарко, и Стас, собрав последние силы, протяжно закричал: «Команди-и-и-р!» Это усилие вырвало его из дремотного состояния. Увиденная во сне картина была настолько яркой и реальной, что Стас не сразу понял, что делает рядом с ним сидевший командир, зачем входит в дверь второй пилот... Обрадовавшись, что это всего лишь дурной сон, Стас поднялся и вместе со всеми пошел к выходу.

Рейс на этот раз выдался трудным, с промежуточными посадками, но в Москву прибыли по расписанию. Столица не любила долго задерживать: легкий ужин в летной столовой, заправка топливом, посадка пассажиров – и в обратный путь.

Наступил глубокий вечер. В какой-то момент перед посадкой в порту назначения Стас обратил внимание, что поперек верхнего пульта проскочил бледно-зеленый луч, неведь откуда взявшийся. Как только взгляд и луч соприкоснулись, последний резко изменил направление и ударил Стасу прямо в глаза. Его охватила легкая дрожь, волна тепла прошла с головы до ног. Сразу же резко ударил по нервам удар сирены в наушниках – пожар левого двигателя! До земли оставалось совсем немного, но с облегчением вздохнули только тогда, когда зарулили на стоянку. На земле выяснилось, что сигнал пожара был ложным.

Дома Стас снова переживал перипетии полета и вздрогнул от неожиданной догадки – нет ли связи между лучом и ложным сигналом о пожаре? Но ведь не скажешь же об этом в отряде, могут приписать переутомление и отстранить от полетов...

Прилег на диван, выключил свет. Через несколько минут услышал скрип открывающейся входной двери, потянуло холодком. «Наверное, забыл закрыть,» – подумал Стас и вышел в прихожую. Дверь на лестничную площадку была действительно открыта, а в дверном проеме стоял и слегка улыбался неизвестный ему человек. Безукоризненно ухоженный костюм, рубашка, галстук, ботинки – все белое (а на улице – слякоть и холод). Белые волосы гладко зачесаны назад. Такое ощущение, что этого посетителя опустили в чан с белой краской. Большие выразительные глаза спокойно и приветливо смотрели на Стаса, который, сам себе

удивляясь, отметил, что не испытывает к незнакомцу никаких негативных эмоций.

«Вы как сюда попали?» – первым нарушил молчание хозяин квартиры. Ответ не удивил оригинальностью: «Не твое дело. Пойдем посмотрим твою квартиру.» Удивляясь самому себе, Стас спокойно пошел следом. Незнакомец, не говоря больше ни слова, прошел на кухню, где не глазах изумленного хозяина ... исчез. Стас осмотрелся и обнаружил его в большой комнате. Гость стоял и опять улыбался. «А что там?» – спросил он, указывая на дверь спальни. – «Там жена и дочь спят». – «Пойдем, посмотрим». Стас прошел следом и включил свет. Незнакомец опять исчез из виду. Стас огляделся и увидел его снова стоящим посередине большой комнаты. Постояв молча еще немного, непрошенный ночной гость опять исчез, и на этот раз окончательно. Жена и дочь все время спокойно спали, но, как вы увидите из дальнейших событий, и им пришлось столкнуться с незнакомцем в белом.

Прошло ровно три месяца, и Стас уже почти забыл о случившемся. В один из вечеров, как обычно, возвращались домой на «Жигуленке» командира. К ним присоединились еще трое – экипаж другого самолета. Водитель сыпал шутками и все давил на газ, машина набирала скорость и шла уже под сто тридцать. Пассажиры занервничали, пытались образумить лихача. «Не впервой», – был краткий ответ. На одном из поворотов машина перевернулась и покатилась под откос. Стас очнулся, когда «Жигуленок» уже догорал. На довольно большом расстоянии от него лежали его друзья – кто неподвижно, кто уже приходил в себя. Вскоре сползли все вместе, и оказалось, что все они не только живы, но не получили ни единой царапины и ни единого ушиба!

Это обстоятельство привело друзей в смятение. Вдруг кто-то из них спохватился: «Постой-ка, а где же тот, в белом?» Все вспомнили, что по дороге они прихватили мужчину в белом костюме. Стаса бросило в жар: он вспомнил, где он раньше видел того человека, но ничего никому не сказал. Естественно, поиски оказались безрезультатны – пассажир в белом бесследно исчез.

Для двух экипажей наступил период настоящих испытаний – вызовы в милицию, в летный отряд для объяснений, придирки медиков... Странное дело, как ни строги были медики, они не находили у Стаса никаких отклонений – так же, как и у его друзей. Однако с допуском к продолжению полетов врачи не спешили. Их замешательство было понятно – после аварии состояние здоровья летчиков не ухудшилось, а значительно улучшилось.

Наступила очередная суббота. Жена принялась за стирку. Часть белья нужно было прокипятить. Поставив бачок на плиту, она одновременно занялась приготовлением обеда. Стас вышел на балкон, и вдруг услышал крик с кухни. Бросившись туда, он увидел такую картину: бачок с кипящим бельем медленно сползал с газовой плиты и уже готов был свалиться на окаменевшую от ужаса женщину. Стас не успел сделать больше ни шага, как рядом с женой возник все тот же незнакомец в белом, водрузил бачок на место, галантно улыбнулся и растворился в воздухе.

На следующий день решили семьей отправиться на природу, встали рано. Вот и первый троллейбус – нужно только перебежать широкое и совершенно пустое шоссе. Не успев достигнуть его середины, наши отдыхающие заметили, что на них на бешеной скорости летит невесть откуда взявшийся «Икарус» – но ведь только что ничего не было! Шок и столбняк – обычное состояние для такой ситуации, убежать они бы уже не успели. Вдруг перед глазами возник все тот же незнакомец в белом. Он улыбался, а на его груди сверкал и переливался разными цветами некий предмет. Он поднес к предмету левую руку, и автобус, не снижая скорости, вильнул в сторону и промчался мимо. Семья, еще не опомнившись от шока, влетела в подошедший троллейбус. Но это была не последняя встреча за день.

Как всякие неопытные путешественники, Стас и его семья забыли спички. Обнаружив это только, когда была собрана приличная куча хвороста, они сели и задумались. Вдруг над ветками появился легкий дымок, а затем вспыхнул и огонь – недалеко под деревом стоял и улыбался своей обычной улыбкой незнакомец в белом. Когда костер разгорелся, странный гость медленно растаял в воздухе. «Папа, кто это?» – спросила удивленно дочь. И только тогда Стас рассказал близким все.

С тех пор пришелец стал частым гостем в их семье. К нему привыкли и даже уже не удивлялись стилю его поведения. Спустя два года Стас вернулся из очередного полета. Появившийся по обычаю невесть откуда гость в белом произнес: «Меня не будет некоторое время, но я приду за тобой. Это произойдет скоро. Ты нам пригодишься в будущем». Стас не успел что-либо ответить, как говорить уже было некому.

Прошло время. Глубокой ночью Стас возвращался из очередного рейса. Служебный автобус высадил его метрах в пятистах от подъезда и сразу же отъехал. Не успел Стас взяться за ручку двери у подъезда, как на него сверху упал луч света. Чуть выше кры-

ши пятиэтажки, точно над ним, бесшумно висел полупрозрачный «треугольник» с разноцветными тремя огнями по углам. Вскоре точно такой же аппарат заставил изрядно поволноваться и его, и наземную диспетчерскую службу – на протяжении почти всего полета он описывал различные фигуры неподалеку от самолета, позволяя рассматривать себя во всей красе.

Примерно в эти же дни у Стаса случилась трагедия – умер его горячо любимый отец. Еще не старый, крепкий и никогда не болевший, отец любил сына, и сын отвечал ему тем же. Приехав на похороны, Стас услышал от сельчан странную историю. За два месяца до случившегося, как-то вечером, над домом соседей, к которым зашел в гости его отец, завис светящийся шар и, словно выпустив из себя ослепительный луч, осветил весь дом. Собаки перестали лаять, кошки забились по углам. Все это время не было слышно ни ржания коня, ни блеяния овцы – полная тишина. Этот кошмар продолжался минуты три, а затем шар, словно втянув в себя луч, почти мгновенно исчез в небе. Никто, конечно, не мог предвидеть, что через два месяца этого человека не станет...

Говорят, время лечит, но и через много дней Стас не мог смириться с потерей родного человека. Смутно он догадывался о связи двух событий – появления шара и скоропостижной смерти отца. Но где доказательства?

Прошло еще два месяца. Намечалась свадьба близкого родственника, жившего в деревне в нескольких часах езды. Стас отправил жену и дочку заранее, а сам с другом выехал на «Москвиче» в день, предшествовавший торжествам. Километров за двадцать до пункта назначения машину обступила ночь. Шоссе прямое, чуть под уклон, встречных автомобилей не было. Не успел Стас порадоваться легкой дороге, как из темноты стремительно вырос «КамАЗ» и, вильнув прицепом, сбил машину в кювет. Перевернувшись несколько раз, «Москвич» замер, стоя опять на колесах. Резкая боль в ноге заставила водителя прийти в себя. Нога оказалась сломана, а друг отделался легкими ушибами.

Примерно через час друзей доставили в деревню к родственникам. Потом милиция ломала голову над исчезновением «КАМАЗа» с прицепом (его так и не смогли найти). Блюстители порядка не верили, что в машине были только двое, которые к тому же так легко отделались, и искали трупы – но тщетно. А пока Стас лежал один в комнате у родственников. Ныла сломанная почти в крошку нога. У изголовья, как всегда, ниоткуда – появился уже известный гость в белом и стал делать какие-то манипуляции над сломанной ногой своего подопечного. Оба молчали. Так повторялось

четыре ночи, и перелом исчез без следа, что и подтвердилось рентгеновскими снимками. Незнакомцу, правда, не удалось остаться незамеченным. На четвертую ночь в комнату зачем-то заглянула сестра Стаса, увидела человека в белом и с криком убежала. Наутро она все допытывалась у брата, что это за чудо было – сияющий человек в белом костюме? Стасу оставалось только отшучиваться.

Оставляю эту историю без комментариев. Кто есть этот незнакомец в неизменном белом костюме – можно только догадываться, а он, естественно, сам не скажет. Только не думайте, что это единственный такой случай. Факты подобного многолетнего наблюдения за некоторыми избранными (точнее, подопытными) людьми хоть и крайне редки, но тем не менее известны достаточно давно и распространены по всему миру. В числе подопытных и рабочие, и врачи, и академические работники. А что от них нужно – бог их знает... В рассказанной выше истории и по сей день это не стало понятно.

Отступление от темы

Любимые многими писатели-фантасты братья Стругацкие запустили в наше общество идею прогрессорства, понимая под этим словом миссионерскую цивилизаторскую деятельность, осуществляемую в отношении отстающего в развитии общества другим, более высокоразвитым обществом. И в том мире, который был создан их воображением и воплощен в нескольких книгах, они вынужденно пришли к одной вполне закономерной проблеме. Если человек вмешивается в дела другого общества – это кажется хорошо и полезно. Но как-то неуютно становится, когда догадываешься, что рядом с тобой, Человеком Разумным, Венцом Природы, тоже ходит кто-то, кто считает себя еще более разумным. И спокойно тебя изучает. И старается направить развитие созданного тобой общества в какую-то совсем другую сторону, не спрашивая при этом твоего, человеческого, мнения.

Не могу предполагать, какие реалии жизни взяли АБС, чтобы положить их в основу такой своей концепции. Могу лишь сказать, что не в книгах, а реально – как говорится, здесь и сейчас – происходят такие события, что порой не хочется верить самому себе – до того странным, невозможным кажется происходящее с тобой – обычным земным человеком, который всю свою жизнь спокойно жил и не думал ни о чем аномальном.

Одна из таких историй, выходящих за грань привычной реальности, произошла с группой местных ребят. В свое свободное время они собирались стайкой и частенько заглядывали в один из расположенных неподалеку долгостроев. Пойти-то у нас особо некуда – везде нужны деньги, да и времяпровождение в баре достаточно скучное. А здесь – стены есть, крыша на месте, а то, что окна не вставлены – не беда, хотя была уже поздняя осень. Да и строители не мешают. Кстати, в наркомании и прочих «шалостях» эти ребята замечены не были.

В один из дней прогулка закончилась раньше обычного – ребята вернулись домой и были чем-то очень напуганы. О причинах своего страха они упорно не хотели рассказывать, да и на улицу какое-то время после этого дня вообще старались зря не выходить. После настойчивого выяснения ребята рассказали вот что.

В одну из своих встреч они, случайно заглянув в одну из квартир этого дома, увидели там незнакомых вполне прилично одетых людей, которые возились с какой-то аппаратурой, похожей на компьютеры. Ни в облике, ни в поведении этих людей не было ничего странного. Необычным показалось лишь то, что в помещении было тепло, несмотря на незакрытые оконные проемы. Впрочем, поначалу на это никто не обратил внимания. Лишь потом, восстанавливая картину событий, ее дополнили еще и этой деталью.

Завязался вполне дружественный разговор. Такие встречи продолжались какое-то время вплоть до одного события. То ли один из обитателей этой квартиры неудачно поднял тяжелую коробку, то ли каким-то другим образом это получилось, но кожа на руке у него лопнула и расползлась по трещине, а из-под нее показалась ... вторая рука, совсем не человеческая. Естественно, всю компанию оттуда как ветром сдуло.

Один смелый папа, расспросив-таки своего отпрыска о причинах его страха, пошел осмотреть указанное им место. Конечно, там уже ничего и никого не оказалось.

Можно подумать, что это фантазия ребят, насмотревшихся фантастических фильмов. Только будет ли человек (тем более группа людей) бояться придуманной самим собой истории? Да и детские игры после очередного понравившегося фильма обычно имеют гораздо более массовый и более открытый характер.

Так что после всех таких аномальных реальных историй еще раз хочется вспомнить братьев Стругацких – а, может, они все-таки были правы? И прежде, чем заглядывать в далекий космос,

нужно внимательно оглядеться вокруг – не ходит ли рядом с нами некто Иной, имеющий свои цели и делающий свои дела, пока мы старательно убеждаем себя в том, что человек есть венец творения, и ничего более совершенного Природа не создала.

Часть восьмая

Береза белая была. Ей просто не хватало магния

Не каждый случай, с которым приходилось встречаться в нашей пятнадцатилетней практике, на проверку оказывался аномальным. Иногда очень красивая история, рассказанная очевидцем, оказывалась самой обычной, но только не совсем правильно понятой не готовым к наблюдению человеком. Естественно, что понять это становилось можно, только прошагав не один километр по дорогам, перелопатив не один десяток научных книг, принадлежащих к совершенно разным отраслям науки, перебеседовав с многими людьми – как очевидцами, так и специалистами. Но этот труд оказывается не бесполезен, когда ты нащупываешь истинную причину события, а потом и находишь подтверждения своей правоты.

К примеру, в «Презенте» появилась публикация «Аскульская чертовщина», в которой каких только ужастиков ни рассказывалось про окрестности села Аскулы – и «ведьмины круги», и странные грозы, и береза с белой листвой...

Нас заинтересовали эти факты, и мы решили осмотреть их – вдруг действительно они имеют аномальную природу? Прибегать к помощи «сталкера» не потребовалось – мы без труда нашли описанное место. Круги были, как говорится, «в наличии».

Природу их мы предположили, еще не выезжая из дома, т.к. чаще всего это хорошо известное в науке свойство грибницы, которая, разрастаясь год от года из центральной точки (той, куда упала грибная спора), образует круг, сплошь заполненный тонкими грибными нитями. Внешняя часть этого круга, как правило, более активна, что проявляется в своеобразном усилении роста травы. Гриб как бы помогает ей усваивать влагу и питательные вещества из почвы – вот и получаются кольца более сочной, более высокорослой травы диаметром иногда до нескольких десятков метров. Встречаются и неполные кольца, и фигуры, образованные наложением двух или более колец.

Наличие грибницы в пробах, которые мы взяли в разных точках этого луга, подтверждено анализом, который любезно сделала по нашей просьбе сотрудник института экологии.

С березой дело оказалось несколько сложнее. Со школьной скамьи известно, что зеленый цвет листу придает находящийся там зеленый пигмент – хлорофилл. Однако листья этого дерева были не только обесцвечены – они были больны и даже начинали засыхать. Почему хлорофилл почти полностью исчез из его листьев, мог бы показать химический анализ почвы, однако он сложен, и сделать его в этот отрезок времени было некому. Осталось предположить, что так сказалась на дереве нехватка некоторых микроэлементов (например, магния – именно он является «центральной звеном» в составе этого пигмента). Однако все, что растет в округе, имело совершенно здоровый вид. Могло быть и так, что корневая система этого дерева повреждена каким-либо животным или насекомым, живущим в почве – кротом, медведкой... В любом случае, инопланетяне к этому не имели никакого отношения.

Равно как не имели они отношения и к так называемым «кругам», которые появились на гречишном на поле напротив 19-го квартала в августе этого года.

Завершение темы

За рамками этого рассказа осталось огромное количество фактов, хранящееся в нашем архиве, многие из них представляют, без преувеличения, международный интерес. Остались мы – те, кто в разное время (или все пятнадцать лет) входил в тольяттинскую исследовательскую уфологическую группу. Остались споры и поиски, гудящие от неразрешимых загадок головы, долгие часы почти психотерапевтической работы с очевидцами и участниками аномальных явлений, бессонные ночи, дежурства, наблюдения и поиски. Остались споры и соглашения с коллегами из других городов, совместные исследования, дискуссии на российских и международных конференциях. Осталась грусть от того, что не все аномальщики остались верны своему интересу. Кто испугался нового и непонятного и перешел от исследований к пустоపోрожным философствованиям. Кто счел, что все уже объяснено, и, став проповедником от науки или религии, взял на себя роль толкача какой-то одной точки зрения и занялся неблагодарным делом «обрезания» фактического материала, пытаясь впихнуть его в эту самую точку. Кто просто понял, что дело гораздо серьезнее и можно пострадать самому, и откровенно струсил.

А как же с нашей мечтой о братьях по разуму? Ведь так хочется встретиться с кем-нибудь инозвездным. Пожать друг другу ру-

ки (даже если у него – щупальца). И – чтобы на равных. И – чтобы понять друг друга...

**С благодарностью Ольге Вавилиной –
инициатору и организатору
встречи в январе 1990-го года,
Татьяна Макарова
Надежда Макарова
Александр Статенин
Николай Гусев**

Стихотворен

«Если бы мне пришлось во второй раз прожить жизнь, я бы поставил себе за правило хоть раз в неделю читать стихи и слушать музыку: таким образом все клетки моего мозга сохранили бы живучесть. Атрофия художественных вкусов влечет за собой утрату известной доли счастья, а может быть, и вредно отражается на умственных способностях. »

Арон Резников,
«Первый ректор»

Юрий Панюшкин

АВТОБИОГРАФИЯ

Можно сказать и так, что **2 марта 1952 года** родился я – по случаю, ибо мои родители, за год до этого, не смирившись с утратой сына-первенца, решили восстановить жизнеутверждающую справедливость и таким образом озадачили себя моим появлением на свет. В биографии родителей – эхо коллективизации, две войны, мирный труд на оборону и еще многое из того, что заставляет меня относиться к ним с нежностью и уважением.

Как и в те поры в обязательной графе – «социальное происхождение» – пишу: «рабочее». Вероятно, социально-преходящий статус сказался на том, что по окончании средней школы **в 1969 году**, с трепетом гордым, без тени сомнений переступил я высокий порог заводской проходной. Несложную профессию с мудреным названием «автоклавищик-вакуумщик» до конца, однако, освоить не довелось, а родную проходную заменил мне солдатский КПП.

1970 год. Ноябрь. Далее все четко, по-военному: полгода учебки, присяга, оперативное подразделение, служба радиоперехвата, присвоения, поощрения, ночные тревоги, самоволки и демобилизация в декабре **1972 года**.

Как это ни странно – подчас тяготы и лишения армейской службы кому-то добавляют трудового оптимизма. Так и я: уже в январе 73-го бодро заступил на посменную вахту формовщика Куйбышевского сталелитейного завода. Но невыносимо большая загазованность и несправедливо маленькая зарплата добавили мне к осени 74-го очередную запись в трудовой книжке: «слесарь-жестяник машиностроительного завода». Где и слесарил я по жести до **1976-го**.

В том же году, не припомню из каких соображений, перешел в лабораторию роботостроения Куйбышевского политехнического института. Возможно, по причине, далеко идущей – чтобы там же и учиться. Но на одной из вечеринок знакомлюсь со своей будущей женой, студенткой другого вуза, и **в 1977 году** поступаю в Куйбышевский государственный институт культуры на дневное режиссерское отделение.

Общеизвестно отношение к слову «студент»: это привкус иронии с оттенком зависти. Пример: «у кого ни тех, ни тех – тем дорога в политех». Или: «ума нет – иди в культпросвет». И наоборот: «для кого мозги – обуза, тот шагает мимо вуза».

Как бы там ни было, но, помимо освоения культпросветтеорий и в свободное от них время, я в местном учебном комбинате Речфлота осваивал, себе на радость, теорию и практику судовождения. А затем каждое лето в период каникул с дипломом рулевого-моториста уезжал в Арктику, где и работал в экспедиции спецморпроводок. Иными словами: принимал участие в перегоне речных судов по Северному морскому пути:

Ты жди – и со мной не случится беда,
И думать не стоит о горе.
А хочешь – останусь с тобой навсегда?
Но – море, но море, но море...

1981 год. За спиной облегченно хлопнули двери альма-матер, на выбор предложено несколько городов, я выбираю Тольятти, естественно, не догадываясь, сколь часто он испытывает меня на целинных землях культработы в условиях мегаполиса. Всяческое отсутствие потуг честолюбивых в попытке создания театра песни вскоре пагубно сказалось на судьбе «молодого специалиста», и на семейном совете решено резко сменить климат.

1984 год. Мы выбираем Колыму.

1000 километров от Магадана в сторону Якутии, шахтерский поселок Кадыкчан – и вы на месте. Там я тружусь такелажником и далее – горноспасателем в угольной шахте, а жена – в поселковой школе педагогом и руководителем драмкружка. Судьбы лихие повороты...

И проявится в сумерках сопки немой хоровод,
Будто вылепил их одуревший от скуки мороз.
И так важно поверить, что есть у земли горизонт,
И широкие летние степи, и солнце всерьез...

1988 год – прощальный взгляд на сопки Колымы... Здравствуй, Тольятти!

Успеть бы, дорогой, добавить в этот список
От будущих надежд – вот новая свеча...
Но нам слепит глаза, имея мудрый смысл,
И старая любовь, и тайная печаль.

В том же году был принят актёром в труппу Тольяттинского театра кукол. И даже сменив место работы, по-прежнему пишу песни для его спектаклей.

А, вообще, эти двадцать лет вместили в себя столько достаточно интересных моментов лично для меня, что где-то витает вероятность последующих мемуаров. Нет, кроме шуток, хотелось бы оглянуться и вспомнить: Чукотку, Ямал, Саяны, Таймыр, Охотское море, Аляску, где в 1998 году первыми в истории российского туризма наша группа прошла на катамаране по реке Юкон маршрутом Джека Лондона: от Уайтхорса до Клондайка.

Здесь же и новые книги, музыкальные диски, фестивали песен, выступления за рубежом, спады и подъёмы, и конечно, замечательные встречи и ещё раз встречи. Такие же добрые, как сегодняшняя с вами.

Не щади ты меня молва.
В этом мире таком занятом
Я учусь подбирать слова,
Чтобы быть большинству понятным.

Снова нянчу свои грехи
Подрастают они и вот уж
Переделанные стихи
Бьют во сне по щекам наотмашь.
Но в порыве полночных тем
Понимаю с глаголом внятным,
Что, наверно, живу затем,
Чтобы быть большинству понятным.

2008 г.

ИЗ НЕЗАПЕЧАТАННОГО

То ли яблоки на сливах,
То ли новая строка.
Здравствуй, праздник всех смешливых,
Необидчивых пока.

Петухи едва проснутся –
И на дело по газам!
Если курицы несутся,
Ты не верь своим глазам.

Не держи себя за лоха,
На мякине не колись.
Жди в курятнике подвоха,
Или, лучше, сам снесись.

В небе радуга – стропила,
Скоро двинет ледоход.
Мне столетняя Ненила
Рассказала анекдот.

Как среди апрельских игр
Шутит Африка – страна.
Мол, у вас, товарищ негр,
В чёрном белая спина.

Если день грозит непрухой,
Если с юмором запор,
Познакомься со старухой,
Что смеётся до сих пор.

Нам в печали не загнуться,
И порою плетъ – не плетъ,
Если повод улыбнуться
Есть во всём, коль захотеть.

...Он закружит каруселью,
Да уйдёт и был таков,
День вселенского веселья
Незлобливых дураков.

1 апреля 2004 г.

Я не был чужд восточным заморочкам,
Но мне, увы, в подарок не дана
Ни целиком, ни даже по кусочкам
Великая китайская стена.

И не вбивал межрасовые клинья,
Глотая соль неведомых наук,
Когда мой друг, монах из Шаолиня
Учил ломать дыханием бамбук.

Но ловкость ног и свист разящих пальцев
Для наших дам, как музыка на слух.
Моя, к примеру, стоит ста китайцев,
А я с ней рядом – максимально двух.

Шторма рождает повод мало-мальский.
И день готовит рифы кораблю.
Мне легче за ночь выучить китайский,
Чем объяснить, за что её люблю.

Но вот опять смущаемся, как дети,
Спадает грозовая пелена.
И речь тиха, и бриз, и лёгок ветер,
И ласкова житейская волна.

И с нами несравненная свобода
Губам, рукам и сердцу и уму!
Но лишь одно тревожит год от года,
Что я тебя когда-нибудь пойму.

ОТВЕТ

Я понимаю – ты не рад,
Что так со мной не просто.
Во мне не метр пятьдесят,
А метр девяносто.

И вот под сенью ясеня,
Под желудями дуба
Опять целуешь в брошь меня,
А так хотелось в губы.

Но нет, тебе не ведом страх,
И рушится граница:
В наполеоновских мечтах
Замашки сицилийца.

Мой Бонапарт, я всё отдам!
И к чёрту кривотолки.
Лишь дотянись к моим губам,
Пристав на треуголке.

Я не слышал, как муха икает,
Врать не буду, тем более вам.
И не брёл по равнинам Китая,
И не полз по тибетским горам.

И акулою не был глотаем,
Не висел на дубовом суку,
Но опять почему-то с Китаем
Я рифмую седьмую строку.

Жизнь моя – борона да делянка.
Я Макарка российских телят.
Почему же опять китайянка
Мне приходится на ум и на взгляд.

Просто так, невзначай, между прочим,
Между прочих легла на строфу
Эта дева – раскосые очи,
Что постриглась на днях под «кунг фу».

Я кладу ей ладони на пальцы,
Незнакомый вдыхая парфюм.
Ну, дались же мне эти китайцы!
Черте что и на взгляд и на ум.

Нам бы в рощу, где нас не разыщут,
И хоть осень давно не казна,
Но чем ближе естественный прищур,
Тем понятней её желтизна.

И уже не умру от ветрянки,
Не дождусь из Пекина вестей.
...Просто в зеркало я поутрянке
Посмотрел, проводивши гостей.

Мне, бывало, внушал мой родитель
Так, чтоб я досконально допёр,
Что, мол, каждый по жизни строитель:
Человек, муравей и бобёр.

Да о чём говорить, если даже
Первый колышек в землю воткнув,
Приобщались к строительству также
И Ниф-Ниф, и Наф-Наф, и Нуф-Нуф.

Разгораются внешние зори,
Где-то тлеют гудки поездов.
А пичуга спешит из-за моря,
Чтоб по-новой построить гнездо.

О надежда, удача, фортуна!
Новоселье – предел бытия.
Новый дом – океанская шхуна
Веселит парусами белья.

Городов многоярусных россыпь
На себя принимает земля.
И всё это строителя поступь –
От курятника и до Кремля.

Мне б ещё одну жизнь...
Между прочим,
По-другому б росла голова,
Чтобы званьем «Заслуженный зодчий»
И меня наградила молва.

Мне бы снег воспеть в апреле талом,
Но достали вы меня! И снова
Пожилым и молодым вандалам
Посвящаю искреннее слово.

Сколь уже веков (считать ли надо?)
На Руси и за её рекою
Тянется к прекрасному кувалда
Сучей похотливою рукою.

Испокон дарован общий вензель
Хоть порой работа не артельна.
Если профиль душ размыт донельзя,
То и тупорылость беспредельна.

И опять паучьими шажками,
С амазонским взглядом анаконды
Он крадётся бритвою поганить
Полотно улыбчивой Джоконды.

Или, овладев отвагой бурной,
Ночь аллей пронзая глазом красным,
Тешится борьбой с обычной урной,
Как с пришельцем страшным и ужасным.
Для таких трудов ума не надо.
Ну а если надо, то немного.
...На погосте ржавая ограда,
Пепел да пустынная дорога.

И, конечно, по цене награда:
В час, когда вам будет не до прятков,
Бумерангом ваша же кувалда
Чмокнет в темя ваших вандалюток.

Оглянуться не успел,
А уж как-то разом
Чересчур перекипел
Возмущённый разум.

Первомайская заря,
А во рту протезы.
Варшавянка втихаря
Пьёт без Марсельезы.

Солидарные миры
Мелки да не густы.
Не надутые шары
И пустые бюсты.

Проредило время рать.
Где вы, наши кони?
Знать, уже не проскакать
Всем в одной колонне.

Гей, славяне! Слышь-ка, брат,
Угостил бы салом.
Слово за слово и мат,
Да и по сусалам.

Нынче спросится с кого,
Кто поведать в силе,
Как добились своего
И своих доби́ли.

...Отутюжу-ка пиджак,
Бантом грудь помечу.
В душу память, в руки флаг
И заре навстречу.

Я не то, чтоб совсем иной,
Но не молод зубов оскал
И шатается коренной,
Будто кто его расшатал.

Листья в парке к утру лежат,
Как дописанные листы.
Я, пожалуй, займу деньжат,
Наведу через рот мосты.

И, одевшись не на показ,
Мы, наверно, пойдём гулять.
И октябрь узнает нас,
И позволит его обнять.

На балу городских чудес
И в какой-то забавный миг
Мы войдём под мокрый навес
И закажем себе шашлык.

Подадут с молодым вином
Нам шашлычную благодать.
Вот уж буду своим мостом
Я баранину эту рвать.

Мы домой листву понесём,
Как волшебные фонари.
И поверим, что это всё
Мы не раз ещё повторим.

А сегодня в руке рука
И с улыбкой мне шепчешь ты:
«Ах, как хочется шашлыка,
Поскорей наводи мосты».

Исхожен путь – от лыка до мочала,
Но отдавая дань глухим векам,
Меня всегда по-доброму смущала
Любовь Отелло к носовым платкам.

Ужели был ему настолько дорог
Ключёк батиста с розовой каймой,
Что однозначно превратился в порох
И вспыхнул мавр, едва придя домой.

Где, мол, платок, что в пятницу на рынке
Купил тебе, его хранила чтоб?!
А дальше молоко прокисло в кринке
От тёплых слов в её прекрасный лоб.

Слетает лоск с венецианской масти,
Свинцовый взгляд подобен кулаку.
И ревность – поводыр безумной страсти
К единственно любимому платку.

Воскресный вечер. Где-то мясо тушат.
В домах напротив теплятся огни.
И ждёт мамзель, когда её задушат
За лоскуток матерчатой фигни.

Так где ж платок и кто чужой касался
Его каймы, пусть даже и во сне?
Всё просто: он в субботу истрепался
И сдан в починку Яговой жене.

По счастью, в этот раз финал с фингалом,
Но с ним мораль для будущих веков:
Каприз жены – не повод стать болваном,
А покупать – так дюжину платков.

Жизнь прекрасна, кто бы спорил,
Дайте каждому свою.
Я сегодня набуторил
Пару басен соловью.

В рощу бросился галопом,
Так, что волосы винтом.
Эх, когда-то мы с Эзопом!
Ну, да нынче не о том.

Принимала роща роды,
Испускал голодный свист
Пташкин сын – дитя природы,
Интернационалист.

Пригодилась пара басен –
Аж захватывало дух!
Я солисту в одночасье
Покрошил одну из двух.

Но певец сладкоголосый
Щёлкнул клювом, а потом
От меня умчался косо
Через рощу напролом.

То ли не чистопородный,
То ли птичий идиот.
Или вовсе не голодный,
Если басен не клюёт?

Потому замечу, други:
Не встречал доселе я
Непонятливей пичуги,
Бестолковой соловья.

На дубу чернеет ворон,
Камбала на дне морском.
По зиме одежда колом,
А в июле пыль с песком.

А весной от сель до селе
Ветры тёплые в реду.
Всенародное веселье –
Снова выборы грядут.

Будьте так добры, ребята,
Не рифмуйте «тень – плетень».
Пожалейте кандидата
Заполняя бюллетень.

И с открытыми глазами,
И с душою нарастах
Вы в кабинку только сами,
Но за совесть – не за страх.

Разом жизнь перевернётся.
Ты представь, что, например:
Нам с тобою улыбнётся
Добрый милиционер.

Спрячет потную дубинку
(А зачем ему она?)
Если мы войдём в обнимку
В ту страну, где сплошь весна!

Где не тары-растабары,
Не заведомый кукиш,
Где с аванса – на Канары,
А на пенсию – в Париж.
Мимо леса, мимо лога
Волга вольная течёт.
Молодым везде дорога,
Старикам – везде почёт.

Трактор прёт по жирной пашне,
Только вдруг заглох и встал.
Я бы тоже бредил дальше,
Да чего-то подустал...

Славен замок Эльсинор.
Век за веком каплет.
А вот я с тобой в упор
Не согласен, Гамлет.

Скороспелые кранты,
Ночь скулит в подушку.
На фига устроил ты
Эту заварушку?

Ты на деву посмотри,
Преклони колено,
Если всех в монастыри,
То кого на сено?

И отца её на нож,
И на шпагу братца.
Варвар ты, ядрёна вошь,
Если разобраться.

Можно было без потерь -
Свадебкой, да ладом.
А уж после и за дверь,
И айда по бабам.

Взять Горацио с собой
Да пивка из бара.
Эх, под тенью роковой
Расчехлись гитара!

А жене скажи, нахал,
Пусть и через силу,
Что, мол, ты всю ночь искал
Йорика могилу.

...Быть не быть – гадать не нам
На кофейной луже.
В Эльсиноре свой бедлам,
И у нас не хуже.

К строчке тянется рука
Из иного мира.
Кто читает «Колобка» –
Не поймёт Шекспира.

Ради ваших грандиозных планов
На судьбу – злодейку не галдя,
Вынимайте руки из карманов
Тротуар по льду переходя.

Если надо – чаще поздравляйте
Тех, кому сосватали венец.
Но прошу, друзья, не запивайте
Молоком солёный огурец.

И не надо путать Нильса с Бором
И сигать от счастья из окон,
А логарифмическим прибором
Гвозди заколачивать в бетон.

Просыпайтесь, пойте, сейте просо,
Не пугайтесь каверзной молвы,
А чтоб видеть что-то дальше носа,
Прыгайте чуть выше головы.

Рассмешите птиц, зверей и рыбок,
Распахните душу, как пальто.
Если ж станет вдруг не до улыбок,
Значит что-то с рыбками не то.

И назло ветрам, каким угодно,
Сохраните душу и очаг,
Станьте непосредственно свободны
Но не пейте водку натошак.

Будут вам материки и страны,
Долгий век и лёгкая ладья.
Только выньте руки из карманов,
Тротуар по льду переходя.

БАЛЛАДА О БАРЖЕ СО ЖМЫХОМ

Двое с виду не олухи
Шептали мне натурально,
Идея, мол, рыщет в воздухе,
А мысль материальна.
Поведай нам, как во фьордах
Спасал ты баржу со жмыхом.
Тобой мы гордимся, Фёдор!
(А я, вообще-то Тихон...)
Но если тебе не просто
И глаз на похмелье сыпешь
Мы водки по нормам ГОСТа
Нальём тебе – сколько выпьешь.
И тут меня раззнобило,
Зря мы на память ропщем.
Я всё рассказал, как было
И даже конкретно в общем.

И про баржу со жмыхом,
И что я в семье не третий.
И что отец мой – Тихон,
А я у него Лаврентий.
Кудрявый, который справа,
Точнее немного сбоку,
Прошамкал: «Спасибо, Слава!»
И обнял меня за щёку.

А левый, падая книзу,
Как зёрна падают в пашню,
Сказал, что пора мне в Пизу
Спасать Пизанскую башню.
И пусть я воткну им якорь,
Коль славу делить не станут.
Он что-то ещё прокрякал,

Потом замычал – и в аут.
За петушиным соло
Они отъехали в дали.
О них позабыли сёла
И вместе нас не видали.
А нынче, как мордой в доску,
Узнал я каким-то лихом,
Что где-то вручили Оскар
За фильм «Про баржу со жмыхом».
Якорь вставить злодеям!
Хоть это и не реально,
Но греет меня идея,
Что мысль – материальна.

ИЗ ПОСВЯЩЕННОГО

Нас так вначале пробирало,
Такой озноб за горло брал,
Что в пору драпать до Урала,
А там, глядишь и за Урал.

«Броня крепка и танки быстры!» –
Пел довоенный патефон.
Но враг уже дошёл до Истры,
Уже Москвою грезил он.

То шелестели разговоры,
То предрекало вороньё,
Что нет спасения от своры,
Что мы отверили в своё.

Но не сдававшимся солдатам,
Тому, кто верить не отвык,
Над кровоточащим закатом
Являл Господь Победы лик.

И грянул гром тысячекратно!
И нашу враг познал грозу.
И ночь паучьего штандарта
Солдату пала под кирзу.
...Победы сын в шинель уткнулся,
Он спал, уставший наповал.
И Сталин дымом поперхнулся,
А Черчилль недоумевал.

ОПОЛЧЕНЦАМ 1941 ГОДА

Нас и наши штатские желания
Занесла вселенская пурга.
Мы в атаку шли не по призванию,
Неумело целясь во врага.

И над нами туч кровавых конница
Божий заволакивала день.
И броня утюжила околицы
Разомлевших южных деревень.

От станка ли, от сохи, от парты ли,
Памятуя Родины завет,
Мы листовою обожжённой падали
С дерева немыслимых побед.

Да не всё ль равно – листвою,
колосьями,
Ни у нас не спросишь ни у них,
Хороша в бою винтовка Мосина,
Плохо, что одна на пятерых.

Мы учились незнакомой ярости,
И «ура!» выплёскивала грудь,
Чтобы смерть, в её безумной радости,
От себя на время отпугнуть.

Для кого-то кануло и минуло,
Но я знаю, где-то в небесах
Тикает замедленною миною
Память на невидимых весах.

Над крестом склонилось
человечество,
Дирижёр кивнул – оркестр затих.
Об одном прошу тебя, Отечество -
Помни о защитниках твоих.

БАЛЛАДА О МАЙОРЕ

У окошка, у окна
Генералова жена.
Обещал вернуться нынче пораньше.
Средь московских холодов
Двадцати шести годов
Мужа к ужину ждала генеральша.

Так сидела у окна,
И знобила тишина,
И мороз как будто клацал затвором.
А товарищ генерал

В это время выпивал,
Но, конечно, не один, а с майором.

С тем майором, что, когда
В сорок пятые года
На последнем рубеже кровь вскипала,
Грудь подставил под свинец,
Только выжил молодец
Да и спас тогда майор генерала.

Снова пили за своё
В это время у неё
Постучала ночь да в дверь коридора.
Увозили налегке
В самом чёрном воронке
Конвоир, да лейтенант – сын майора.

Годы струйкою в песок,
Память пулею в висок...
Нам бы где-то появляться пораньше.
Вот и кончен разговор,
Не простил себе майор,
Что не смог в ту ночь спасти
генеральшу.
Вот и кончен разговор,
Кто осудит, что майор
До последнего любил генеральшу.

ПЛАЧ МАРФЫ

Удила лошадушка
Закусила.
Загрустила Марфушка,
Загрустила.
Чёрны ветры по полю
С пылью мчатся.
С голубицей соколу
Не венчаться.

Не венчаться к празднику
С синеглазым.
Пулемётной завязью
Всех да сразу.
Не жена, не вдовушка
Над тобою,
Не бывает кровушка
Голубою.

Не вокруг, а около
Горе вьётся.
Улетают соколы,
Кто вернётся?
Удила лошадушка
Закусила,
Голосила Марфушка,
Голосила...

Юрий Целиков

ИНЖЕНЕР – САТИРИК

Родился 16 ноября 1941 года в вагоне – теплушке на перегоне между станциями Карталы и Бреды Челябинской области, а зарегистрирован в городе Новосибирске, куда прибыла наша семья, эвакуированная из города Воронежа.

Если бы не война, родился бы я в Воронеже, как и моя старшая сестра Валентина и старший брат Александр. В 1944 году вернулись в родной город и там родилась младшая сестра Ольга.

Только кому это интересно сейчас читать?

Родился – учился – работал – женился – приехал на ВАЗ, до пенсии дожил и вот весь рассказ.

Да! Двое детишек и трое внучков...

Уже потерял половину зубов...

С 2001 года пошли невосполнимые потери. Сначала умер папа Кузьма Яковлевич Целиков (прожил 90 лет), потом в октябре 2002 года умерла моя мама Зинаида Васильевна (до 90 лет не дожила 22 дня), а 4 октября 2003 года ушла из жизни любимая женщина, жена, мать моих детей Светланы и Сергея и бабушка моих внуков Артёма, Арсения и Алины.

За три месяца до кончины жены, Целиковой Таисии Васильевны, успел издать книгу «Надпись на ВАЗе», в которой я предпринял попытку изложения фрагментов истории ВАЗа при помощи рифмованных и не рифмованных мыслей и своеобразных зарисовок на злобу дня.

Книга разошлась почти сразу, хотя тираж был 3 тысячи экземпляров. Подготовил к изданию ещё одну, но что-то «внутри» держит меня и не пускает...

А тут вот подвернулся случай и некоторые записи, предназначенные первоначально в эту вторую книгу, решил передать в семейный журнал «Древо».

Эпиграфом к этим материалам я выбрал высказывание Оскара Уайльда:

«Я живу в постоянном страхе, что меня поймут правильно». За эти 2 тяжёлых года кое-что переделал из ранее написанного, кое-что забраковал окончательно, особенно из цикла «на злобу дня»...

Как писал Игорь Губерман:

«Как сдоба пышет злоба дня

И нет её прекрасней!

А год спустя, глядишь, херня,

Притом на постном масле!»

Решил вот засветить эпиграммы на себя и некоторые «отрихтованные» эпиграммы на генералов ВАЗа.

Записывал начальников остроты,
Их оговорки, байки, анекдоты.
О! Мыслей зафиксировал навалом.
Кому б продать? С оплатой чистым налом...

Кто любит ВАЗ, поймёт всё без сомненья...
Кто знает ВАЗ, тому и книжка в руки...
А у кого своё о ВАЗе мнение
Меня возьмёт, возможно, на поруки.

Частенько я в себе «копался»
В самом себе я сомневался
Пытался мысли изложить,
Но как-то понял, могут бить
За мысли, что я «накопал»
И у меня «запал» пропал...

«Колючки» тут и слов игра...
Надеюсь ВАЗовцы простят мне эти «штучки»...
Все эпиграммы – проба лишь пера,
Точнее – проба шариковой ручки.
Пером, конечно, подкольноул бы я острее,
Но я боюсь быть вздёрнутым на рее.

Самоирония – отличное лекарство
Для раненой души, которая в обиде.
Сам юмор защищает нас от хамства
Не только явного, но даже в скрытом виде.

Я не умею гимны петь,
Нет слуха, не читаю ноты,
Могу лишь записать остроты
И каламбурно рифмами «вертеть».

Прелестен возраст пенсионный
Бесплодный, неопределённый.
И я от радости торчу,
Сдав на анализы мочу.

Жить на зарплату – надо ухитриться
Зарплата средняя считается
нормальной,
Как средняя температура по
больнице,
Где в сумму входит и исход летальный.

Известно, что на склоне лет
Приятней тёплый туалет
А наши лучшие утхи
На склоне лет – внучат успехи.

Люблю детей, жену любил,
Бурлила жизнь и я бурлил,
Теперь жизнь тише потекла
И даже... трещину дала...

*Внукам: Артёму,
Арсению, Алине.*

Полуночное...

Ваш дед всегда был неподвластным,
Но к детям не был безучастным.
О! Дорогие мои внуки!
И в вашей жизни будут «глюки»
Жизнь – не в компьютере программа
Как говорила моя мама
И если будет где-то «сбой»
В семью стремитесь вы... домой!
Опора в жизни лишь семья.
Внучата! В том уверен я.
(Писал сквозь дрёму этот «бред»
Дремуче-ироничный дед).

Директора на ВАЭЕ, как в гареме,
Их холят, лечат, берегут...
Но вот на «суженных» всё время
Кого-то обязательно ... «стригут».
(По вторникам так и теперь бывает...
каким мужик придёт, жена не знает).

Как сохранить мне чувство меры,
Не потеряв при этом веры
В порядочность топ-менеджмента..?
Скатиться, что ль до комплимента?!
И «покатился» я неспешно,
Но с чувством юмора, конечно...

Комплимент руководству...*(почти по Губерману)*

Начальство верно ВАЭу служит!
Заводу шибко повезло...
Ведь всё могло намного хуже,
Ещё херовей быть могло.

Ветеранам ВАЭа из команды**1-го генерального директора**

Причудливо и бестолково,
Средь разворванной страны,
Уходят «дети Полякова»,
Ушли и «СОКиные сыны»...
Над ВАЭом новенькие флаги
«Вахтовый метод» и «варяги»

А теперь несколько слов о создании «рекламной листовки» под названием «Лучшие модели АВТОВАЭа, 6 х 6», изданной тиражом 36 экземпляров 1 апреля 2003 года.

Дело было так: газета «Московские новости» опубликовала на первой странице портрет В.В.Каданникова с подписью «Лучшая модель ВАЭа» и на второй – третьей страницах большой материал о нашем заводе, о Борисе Абрамовиче Березовском, об «Автомобильном всероссийском альянсе» и т.д.

Статья подтолкнула меня к идее создать «буклет» с эпиграммами на всех директоров завода за весь период жизни ВАЭа.

И вот что получилось...

1. Поляков Виктор Николаевич (03.03.1915 – 01.07.2004)

Взвалил на плечи АВТОВАЗ.
Он и сейчас пример для нас.
Портрет сей дорог и хорош,
Но... Поляков тут не похож.
За спину он не прятал рук -
Мы знаем! Будет знать ли внук?

2. Житков Анатолий Анатольевич (10.04.1913 – 09.11.1997)

Технар, московский юморист.
В театре жизни он артист:
Под «матерок» текла работа,
Не обходясь без анекдота...
Был всем доступен и открыт.
Он, слава Богу, не забыт.

3. Исаков Валентин Иванович (09.06.1928 – 07.01.1997)

Завод держал в своей руке
Надёжно, крепко... в кулаке.
Порядочен» в быту был прост..
Сам в шестьдесят оставил пост.
«Спины не гнул, прямым ходил».
Жизнь АВТОВАЗу посвятил.

4. Каданников Владимир Васильевич (родился 3.09.1941)

Здесь генеральности предел!
От дум слегка он поседел...
Умён и по мужски красив.
Как президент честолобив.
Тут на портрете... сам Кадан
Картинно любит свой карман.

5. Николаев Алексей Васильевич (родился 31.01.1935)

Головушка вся в серебре,
А где-то бес сидит в ребре.
Он – символ ВАЗа... сексуальный,
Наш «новорусский» генеральный.
На ВАЗе пятый он по счёту.
Любил... работу и охоту.

6. Вильчик Виталий Андреевич (родился 14.10.1946)

Вписался он в «модельный ряд».
О нём... ещё заговорят!
Андреич в том ряду – шестой,
Теперь он ВАЗа – крепостной,
Он помнит «чудное мгновенье»,
Когда отдал бразды правленья.

**Эпиграмма – вещь злободневная, много событий
произошло на ВАЗе с тех пор, как вышел наш журнал, но
Юрий Кузьмич всегда в теме!**

Ну какой же патриот
Закупил на ВАЗ «тойот»?
Может ВАЗ «японцу мать»
Призовут оборонять?

На удивленье АВТОВАЗу
Топ-менеджмент сменили сразу.
За что же видным, важным топам
Вдруг дали экстренно по жопам?
Ведь если есть на них вина -
Где уголовные дела?

В ВАЗовской высотке голубой
Видно что-то плохо с головой.
Положив на иномарки глаз,
Переориентируют весь ВАЗ.
«Нетрадиционную езду»
так и хочется послать в... далёкий путь...
на «Лендкрузерах» в Москву куда-нибудь...

Только прибыль завелась –
Москвичи в Тольятти шасть!
Прибыли спасатели –
Прибыли сосатели...

***Ждём ваших следующих виршей, Юрий Кузьмич, удачи
Вам и... смеха нам!***

И дождались...

***В последние минуты уходящего поезда, перед сдачей в
работу этой книги...***

«Борцам» с коррупцией вручаются медали
От имени коррупционной вертикали.

ВАЗ отправлять на свалку рано
Пока Москва стрижет «барана»
И золотое сняв руно
Кусочек продали в «РЕНО»
Да! ВАЗ еще в большой цене,
Причем с приличным «РЕНОме».

Борис Скотневский

**О великая и могучая русско-еврейская тема!
Какие высокие и благородные мысли и
чувства вызревали на твоей ниве! А сколько
низких и подлых? Но несмотря на все
сложности, обиды, изгибы – повороты этой
темы для меня некоторые вещи абсолютно
ясны.**

**Пожалуй, главная из них та, что можно
быть настоящим, большим (и далее по
нарастающей) патриотом России, будучи
евреем (полукровкой и далее по понижающей).**

**Недавно прочитанная книга воспоминаний о
первом ректоре Тольяттинского
политехнического института Ароне Наумовиче
Резникове и особенно его дневниковые записи,
которые он вёл в последние годы жизни, не то
что укрепили меня в этой мысли, но как-то
глубоко, бесстрашно, человечно и трагично
высветили её. Под впечатлением прочитанного
стихи, написанные в разные годы,
объединились в нечто целое, тематическую
подборку.**

**Посвящаю её светлой памяти Арона
Наумовича.**

Пусть запоздалый, но глубокий поклон...

Во мне как судьба говорит

История боли.
Я русско-еврейский гибрид
На жизненном поле.

И корни мои вплетены
В российскую землю,
И небу родной стороны
С любовью я внемлю.

И русская песня мила
Без края предела.
И русская мать родила
И бабка жалела.

Не где-то под спудом обид,
Которым не таять,
Еврейская память скорбит..
И русская память.

Две памяти в сердце слились.
Что неотделимы.
Две крови во мне обнялись,
Вполне совместимы.
Меня обжигают огнём
И любят как сына
Две памяти в сердце моём –
А сердце едино.

Памяти отца

I

Он не уедет ни за что,
Ни насовсем, ни в гости.
Наденет старое пальто
На пожилые кости.

Пойдёт смотреть во все глаза,
Дышать родимым ветром.
И наплевать, что это за
Сто первым километром.
Глаза не видят ничего
И ноги ходят еле...
Но добрый дух ведёт его
К какой-то вечной цели.

II

Страну почуяв под собой
Живём, мудреем...
И стал он русскою землёй,
Хоть был евреем.

Он прожил жизнь не за живот –
Любовь и слёзы.
И стал землёй. Такие вот
Метаморфозы.

Антисемиты всех мастей.
Равняйтесь и смирно!
Склонитесь пред землёй своей
Светло и мирно.

Грядущее покрыто мглой.
Когда устану
Я стану русскою землёй,
Лишь ею стану.

Ваня – еврейское имя... и Анна
Тоже еврейское имя. Так странно!
Может кого-нибудь хватит инфаркт, -
Это научно доказанный факт.

Всё перепуталось в мире подлунном –
Древнее имя с племенем юным,
С новой травой седая трава...
Что ж ты, Ванюша, не помнишь
родства?!

Где тут Русь? И где там Иудея?
Всё так тесно, что бросает в дрожь.
Кинешь камень в подлого еврея -
В русского святого попадёшь.

Эта жизнь смертельной динамита
От могил до горней высоты...
Загляжусь я на антисемита,
На его библейские черты.

Ни сильнее не стал, ни мудрее...
Лишь нежнее стал наверняка,
Горемычное сердце еврея
Ощувив у себя за века.

И доньне в теплынь или стужу,
На свету, в темноте – всё равно, –
Развесёлю русскую душу
Утешает, как может, оно.

Не надо долго говорить.
Не надо злиться.
Давайте всё-таки любить
Чужие лица.

Ну не любить. Хотя б не бить
В лицо ногою.
Позвольте же лицу побыть
Самим собою.

Пусть улыбается оно
Пока живое, –
На всю Вселенную одно –
Лицо чужое.

Дешинец – зверинец

«Для нас непреложным является
невмешательство в личную жизнь
детей, внуков или других
родственников. Мы никогда
не выступаем со своими советами,
предложениями и т.д.,
разве что члены семьи сами
попросят об этом»

Арон Резников,
«Словарь жизни»

Кристина,
Мария-Изабелла,
Лата Гедун Шераб

КЕША

волнистый попугай (1,5 года)

Кешу подарили Беллочке на семилетний день рождения. Когда клетку с Кешей поставили на стол, он повернулся ко всем спиной и изрёк:

– Идите все на фиг! Руки прочь!

Немного погодя Кристиночка начала его знакомить с другой живностью в доме.

– Кеша, это хомяк!

– А я птичка, – гордо вытянув шею отвечал попугай.

– А это собачка Коть...

– Коть хорошая девочка... дура.

Через некоторое время, встав перед носом у Кота, высказал мысль:

– Зубки надо лечить!

И заорал, летая и угрожающе размахивая крыльями:

– Укольник! Укольник! Надо позвать скорую помощь! У-У-У.. Не приехала... Надо позвать пожарных! У-У-У.. Не помогло! Надо позвать милицию! У-У-У! Никто не едет, никто меня не жалеет!

Когда Кеша своей наглостью надоел Котьке и тот цапнул его за хвост, попугай пару минут никак не мог соединить семантический ряд с визуальным, а затем ясно произнёс:

– Коть – сука!

Бабушка Таня попыталась его остановить, за что и получила:

– Бабушка – свинья!

Вмешалась Кристина. Ей было сказано:

– Девочка, отстань!

Однажды Кешу постигла новая идея:

– Котя, съешь Белю!

Постоянно поёт какие-то блатные песни и создаётся впечатление, что пересказывает телевизионные сериалы, так как часто слышно: «Менты», и прочие захватывающие детективные слова.

Любит сидеть на голове, особенно у Виталия. Долго умашивается, строя то ли гнездо, то ли оборонительное сооружение.

- Сколько тебе лет?
- Да, наверное, пятьсот!

Очень любит смотреться в зеркало:
– Кеша, Кешечка. Кешунчик!

Через несколько дней, увидав Тилиту, заявил:
– Бабушке сто лет!

ШИНШИЛЛА

2 месяца

Пока молчит, но молчание компенсирует повышенной активностью.

ХОМЯКИ

1 год

Когда дети возятся с другими животными, своими маленькими ручками цепляются за перекладину клетки и пытаются просушить головы, чтобы их тоже взяли поиграть.

КОТЬ – КОТЬ

(собака Ури -Алми – Яконик)

8 лет

До недавнего времени ощущал себя главным в доме, а теперь находится в некоторой растерянности из-за наглости Кеша, который оказывается даже лаять умеет, а вот Коть до сих пор ещё не заговорил.

Пока верстался этот журнал, случилось горе: безвременно погиб попугай Кеша. Мы его похоронили в лесу под раздвоенной сосной. Пусть земля будет тебе пухом, наш любимый попугай.

КРИСТИНА

8-11 лет

В Самаре у дедушки Саши:

1. Спросонья:

- Дедушка, ты здесь?
- Да, – отвечает лежащая рядом и вовремя сориентировавшаяся Танюша.
- Дай мне твою ручку!
- На, – протягивает руку Таня и Кристина спокойно засыпает.

2. Идёт домашний концерт, Кристина выступает в роли конферансье, пафосно объявляет каждый номер:

- Выступает Кристина Вавилина, исполнит песню...
- Выступает Белла Вавилина,

расскажет стихотворение...

- Выступает бабушка Вавилина (в миру – Татьяна Мазанова), она очень, очень старая...

Тольятти

Яне:

- Грудь у тебя уже выросла, когда рожать будешь?

Бабушке Инне:

- Бабушка, если тебе что-нибудь нужно, ты только скажи. У нас дома полно всякого хлама!

Папе Виталию:

- Думал ли ты когда-нибудь, папа, что у меня, у такой маленькой может быть свой кошелёк?!

В гостях. Взрослые играют в бильярд, вдруг один нецензурно выругивается. Яна заходится в возмущённом вопле. Только Кристина остаётся полностью невозмутима:

– Ну, эти слова мы уже давно знаем...

В гостях у Гоши с Верой Кристина читает вслух записку, прилепленную на холодильнике:

– Не пить, закопать!

Родители безмерно удивились, но затем сообразили:

– Не пить, закапать...

– Доктор сказал у бабули Белли такая болезнь – геркулёз (склероз).

На столе у Кристины лежит записка:

«Марго, ничего не дрогоать.

Написала Кристина».

Родители водили девочек на взрослую комедию. После этого Кристина (10 лет) сказала:

– Конечно, хорошее кино, но там было несколько моментов, которые Белле (7 лет), не стоило смотреть...

– Ох уж, этот Давид! У него прямо попа в шиле!

Беседа с бабулей Инной о любви. Бабуля говорит, что замуж чаще всего выходят не за первую любовь.

– Да, – говорит Кристина, – вот у меня сейчас, например, четыре любовника...

Увидав сёмгу, Кристина закричала:

– Мама! Папа красную селёдку купил!

Давайте создадим в интернете сайт нашей семьи «три долбал (даббл) ю собака точка ру».

Подробно рассказывает, как попугай Кеша ругает Котьку, и добавляет:

– Коть молчит...

– Бабуля, знаешь кем я буду работать? Диктатором!

– !?!

– То есть дизайнером...

– Мама попросила меня выбросить коробку из-под ЗЕМФИРЫ в шоколаде!

Кристина упорно памятник «Родина – мать» в Волгограде называет «Мать – природа».

Крис очень часто переставляет буквы и слога в словах. На вопрос: «Из чего пекут белый хлеб?» отвечает:

– Из шпеницы!

Прилетели во Францию. Кристина:

– Ура! Это моя Родина, Турция!

На дне рождения у Беллы Крис произносит тост:

– Желаю тебе учиться на 4-ки и 5-ки, а иногда на тройки, т.к. совсем без троек учиться нельзя...

– Белю нельзя с Котькой выпускать гулять!

– Почему?

– Там есть собака породы попс (мопс), Котька его съедает!

На восемнадцатилетии Таечки, Кристина, произнося поздравительный тост, вдруг продекламировала стихотворение: «Выпьем, добрая старушка!...»

– Мама, мама, посмотри, «томатный суп графа Кудакталы»! – восхищенно кричит Кристина, изучая поваренную книгу для детей (графа Дракулы).

Утром мама, заправляя стиральную машину, внимательно рассматривает установочные программы. Удивлённая её редкой неподвижностью, Кристина сообщает отцу:

– Мама стоит, как вскопанная!

– Бабуля, когда ты будешь в раю, мы все твои мультики поделим...

Бабуля Инна делает с Кристиной цветы из бисера. Забыв название «анютины глазки», говорит:

– Давай сделаем голубознайку!

– У меня такие повспоминания о Франции?

– Мне такой страшный сон снился, что я даже подскокнула!

Глядя, как бабуля Инна отделяет варёное мясо от костей,

Кристина сказала:

– А я тоже ящики люблю (имелись в виду хрящики).

Оля с девочками в гостях у бабы Беллы. На столе всякие разносолы, в том числе форшмак.

Пришла соседка, её усадили за стол, она стесняется. Кристина потчует:

– Кушайте, пожалуйста, башмак!

Беллочка дожила до того, что её начали цитировать!

Утром Кристина умывается и с шумом выбивает нос.

Мама поощряет:

– Давай, давай, как слон...

– А у меня, как говорит Бея, всего один слон был, – отвечает Кристина.

Разглядывая вертикально стоящую на полке книгу, сильно вывернув голову, Кристина медленно читает:

– А – пы – ты...

– Китайский автор Мишель Монтень «Опыты», – отзывается дядя Гоша...

– А у нас из школы уже двух мальчиков выключили (исключили).

В списке рекомендуемых к летнему прочтению произведений, у Кристины в тетрадке написано:

«Девочка с планеты Земля» – Кур Булычёв.

– Бея, иди скорее – «Елараш» начался!

Вера кормит восьмимесячную Алису детским питанием из баночки. Крис спрашивает:

– А людям это можно есть?

У нас один мальчик в школе спотакнулся, упал и ударился головой!

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРАХ...

На зимние каникулы Кристина и Белла были торжественно препровождены к дедуле Саше в Самару. Это так называется «к дедуле Саше». На самом деле основная нагрузка, естественно, ложится на плечи Танюши (его жены).

Подготовка по встрече внуков была проведена мощная: холодильник ломился обилием деликатесов, а в бумажнике у деда лежало огромное количество билетов на все детские спектакли, имеющие неосторожность случиться в Самаре за подотчётный дедуле Саше период.

Наступило первое театральное утро. Семейство расположилось на завтрак. Беллочка, лениво гоня кусок по тарелке, задумчиво произнесла:

– Я, наверное, в театр не пойду. Я, наверное, с дедулечкой останусь.

– Да, что ты, деточка, – начала убеждать ребёнка Татьяна, – такой замечательный спектакль, такая чудесная сказка – «Стойкий оловянный солдатик»!

Белла ничего не ответила, спокойно дала себя цивилизно одеть, и бабушка с внуками отправились развлекаться.

Некоторое время, очевидно для приличия, Белла благосклонно просматривала действие, после чего непреклонно заявила:

– А мне страшно!

И Танюша вынуждена была всё оставшееся время, пока Кристина приобщалась к мировой культуре, носиться по этажам и анфиладам театра с неутомимой внучкой.

...Когда на следующее утро Беллочка, рассеянно глядя в потолок, произнесла:

– Я, наверное, сегодня в театр не пойду...

Как вы думаете, стал ли её кто-нибудь уговаривать?

Ольга Вавилина

МАРИЯ-ИЗАБЕЛЛА

5– 8 лет

Играя в «Кто будет первым?» Белле достался вопрос: «Какая есть детская болезнь: свинка, собачка, коровка, лошадка?»

Через неделю, когда снова собрались играть, Белля сказала:

– А я помню, какая есть детская болезнь! Хрюшка!

Беллочка делает массаж и приговаривает:

– Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы... Пришёл жираф, пришла его жирафиня, а потом пришёл их жеребёночек...

Белла рыдает:

– Мама! Кристина так меня по уху ударила, что теперь оно у меня даже не двигается!

Спит вместе со старшей сестрой Яной. Вдруг садится на постель и решительно заявляет:

– Яна, мне пора!

– Куда? – моментально проснувшись от неожиданности, спрашивает Яна

– У туалет!

Белля катается на детской карусели – паровозике. Накаталась, слезла, подошла к бабушке, управляющей мероприятием, нежно её погладила по лицу и ласково произнесла:

– Спасибо!

Бабулечка обмерла, чуть не расплакалась и всё оставшееся время катала нашу девочку бесплатно.

Но вы можете не сомневаться, что Беллочка на такую реакцию не рассчитывала, она просто очень светлый и ласковый человек...

Семья Вавилиных летит из Франции в Россию. Путешествие продолжается уже более 12 часов. Все вымотались, а рейс «Аэрофлота» не только задержали на 2 часа, но ещё и плохо обслуживают. В довершение мероприятия долго не подают трап:

– Ты чего лестницу не тащишь? – орёт Беллочка на весь самолёт, напряжённо вглядываясь в иллюминатор, – Какой козёй!

– Тише Беллочка, как тебе не стыдно, – шёпотом урезонивает её мама.

– Да нет уж, пусть говорит, – встревает сидящий сзади мужчина, – Что ж ты, деточка, раньше-то молчала, – с сожалением прибавляет он.

Только сели в самолёт, Беллочка спрашивает:

– Мамочка, а когда мы упадём?

Зная о предвидческих способностях дочери, Оля забеспокоилась:

– Беллинька, почему ты об этом спрашиваешь?

– А вот тут под сиденьем, – начала азартно объяснять Беллочка, – есть такой жилетик, и если мы упадём, его нужно надеть, нажать кнопку, он надуется и можно поплавать!

При выходе же из самолёта, ребёнок запричитал, завертелся и стал слёзно умолять отдать ему открыточку. Этой «открыточкой» оказалось индивидуальное руководство по организации спасательных работ.

Белла рассуждает о знакомых мальчиках старшей сестры в перспективе:

– Когда я вырасту, то выйду замуж за Кирика, а если он к тому времени умрёт, то придётся искать кого-нибудь другого...

В 6.30 утра, увидав Яну, выходящую из своей комнаты, Беллочка произнесла ангельским голоском:

– Ясенька, как хорошо, что ты проснулась...

И добавила гнусным голосом Масяни:

– А то я думала, что так и буду всё утро ходить голодная, как собака!

– Мамочка, как ты думаешь, что я сегодня получила в садике?

– Что, деточка?

– Удовольствие!

Утром, нежась в постельке:

– Я – маленький котик, у меня есть хвостик, я им хвастаю..., – задумалась и поправилась, – то есть маху!

Родители в 1 ночи возвращаются домой. Тишина, все спят. Вдруг тихо, как привидение появляется Беллочка и серьёзно говорит:

– Сейчас я вас покормлю!

Петух курекает:

– Ку – ка – ре – ку!

Беллина загадка:

– Маленькие ножки

Красненькие рожки?

Ответ: – Чучело болотное!

Беллочка занудничает:

– Мам...мам...мам...

– Чего тебе Беллинька?

– Дай мне себя!

Обидевшись на своего дядю Олега, Белла говорит:

– Козёй!

– А я твоему папе пожалуюсь!

– Ну, тогда точно козёй!

– У нас деда Володя не только строитель, но и чинитель! Он мне копилочку починил!

– Когда я вырасту, то выйду замуж за Алёшу.

– Беллинька, он же Яночкин муж!?

– А она себе другого найдёт.

– Я хочу, чтобы папа подарил мне большую куклу, для неё всю мебель и коляску. Я буду с ней гулять в коляске и тогда наступят незабываемые, прекрасные дни.

Ночью прибегает к бабуле Тане.

– Я буду спать с тобой, но только под главным одеялом!

– Со мной в школе дружит одна девочка, потому что я умница!

Беллочкины песни:

1. «На поле транки трохатали...»
2. «И лопнул мир попополам...»

Рассказывает сказку:

– И он пригласил её утром на ужин при свечах...

У бабули Инны идёт просмотр старой записи: «выпускной у Кристины в саду». Белля смотрит очень внимательно. Вдруг видит себя на руках у мамы:

– Это я?

– Ты.

– Какая хорошенькая!

После лечения пчёлами Оля смазывает Белличкину спину ментоловым раствором. Довольный ребёнок говорит:

– Освежает...

У родителей проживал тибетский лама (учитель), проникшийся большой симпатией к Белле. Выходя из своей комнаты, он сразу начинал её искать, откуда-нибудь из-за угла выворачивала Белла и вопрошала:

– Лама, тебе одиноко?

– Беллинька, возьми из тазика чистые носочки.

– Я возьму эти, они уже засохли, – говорит ребёнок, снимая носочки с верёвки.

– Какой хорошенький мотолок!

– Беллинька, а тебе отметки в школе ставят?

– Не отметки, а звёздочки! У меня есть звёздочка с маленьким-маленьким минусом. И ещё одна просто звёздочка. А ещё есть звёздочка с большим-пребольшим плюсом (разводит руками как рыбак, показывающий пойманную рыбу). А ещё есть тучки, но у меня ни одной тучки нет!

– А тучки, это какие отметки: двойки, тройки или четвёрки?

– Ну, уж точно не четвёрки!

Беллочка, рассказывая о компьютерной игре, произносит:

– А потом появился лежебёночек! (жеребёночек).

– Верочка, ты беременная? А я первоклассница!

У бабули Инны болит спина. Белля говорит:

– Давай я сделаю тебе массаж.

– Сделай, пожалуйста!

– Тебе массаж с разговорами или без?

В китайском ресторане:

– Мама, смотри, у них даже официантка – китаец!

Командирским тоном бабуле Инне:

– Ну-ка, дай мне попить!

– Беллинька, ты забыла одно слово сказать!

– Ну-ка, пожалуйста, дай мне попить, – тем же тоном отвечает Белля.

– Мама, ты меня сегодня из садика заберёшь?

– Нет, Беллочка, за тобой зайдёт баба Тома.

– Надо так: кто детей в садик относит, тот их оттуда и забирает!

Заснула, обнявшись с мамой в родительской кровати. Ночью пришла Яна и забрала её к себе.

Утром, проснувшись, склочно, шепелявя:

– Что со мной произошло?

Беллочка собирается утром в садик. Ещё с вечера заготовлена игрушка – тигрёнок. Идёт Виталий и несёт тигрёнка Беллочке. Ребёнок, решив, что папа берёт игрушку к себе на работу в банк, жалобно говорит:

– А я тоже хочу тигрёнка...

Выпал первый снег. Беллочка:

– Ой, снежок, а скоро будет ПОЛНЫЙ снег!

Не выговаривая, почему-то в некоторых словах «л», Белла вместо «ладно», говорит «Яна».

Бабуля Тома её вразумляет:

– Надо говорить «ладно», а Яна – это твоя сестра.

– Яна. А сестра у меня Яся!

В машине:

– Мне так скучно, что даже есть хочется...

– Я сейчас письмо напишью...

Белля закрывает дверь в ванную комнату и... тишина.

Знающая своего ребёнка Оля кричит:

– Беллочка, что ты там делаешь?

– Угадай с трёх раз, – спокойно отвечает дитя.

Оля ломится в ванную, но оттуда уже выходит Белля с мокрыми волосами. Так никто и не узнал, что она там натворила.

Белля с бабулей Инной играют в больницу. Ребёнок ставит ей градусник, вынимает его, внимательно рассматривает и начинает причитать:

– Ай – яй – яй! Какая высокая температура: пять с половиной!

– Доктор, ну зачем вы меня пугаете? – давясь от смеха, спрашивает бабуля, – вы лучше меня полечите!

– А у нас лекарства кончились, – невозмутимо ответило дитя.

Анекдот от Беллы

– За забором стоит голая женщина в белом платье и трусах. К ней подходит мужчина и спрашивает: «А почему ты такая голая?».

Смеяться здесь.

Белля понарошку разговаривает по телефону. Цель беседы – пригласить подружку в гости. Затем ребёнок подходит к маме и суёт ей трубку для разговора. Родительница, поддерживая игру, продолжает «разговор».

– Мама придуряется, – констатирует Белля.

Яна, разгибая по очереди пальцы, перечисляет Белле, что она может ей приготовить: яйца, сосиски, пельмени, кашу...

Белля выбирает пальчик и говорит:

– Мне вот этот – макароны!

Нужно заметить, что она большой любитель макарон и любой пище предпочитает именно их. А Яна ей макароны готовить не хочет, потому, как нельзя одни макароны кушать, поэтому хитрит:

– А на этом пальчике не макароны, а кашка!

– А на каком пальчике у тебя макароны? – озабоченно спрашивает Беллочка.

На мелодию «Я леплю из пластилина» Белля поёт:

– Я зато летать умею,
Потому, что я потею!

Беллочке мама прижгла на ручке бородавку и велела её не мочить. По возвращении из садика, ребёнок отчитался:

– Я когда ручки мыла, даже ни разу на неё не наступила!

В Самаре у дедушки Саши

1. Таня читает «Муху – цокотуху»:

– А теперь, душа-девица, на тебе хочу жениться!
– Любовь, задумчиво вздыхает Беллочка.

2. На улице.

– Танюша, научи меня, пожалуйста, хорошо себя вести...

3. Белла плачет, Танюша спрашивает:

– Ну, чего ты хочешь, Беллочка?
– Дай мне, что у тебя есть, – заливается слезами ребёнок.

Дома

В свои неполные 5 лет Беллочка является хорошо сформировавшимся «крутым металлистом». Как только по радио врубается что-нибудь тяжёленькое (типа «Deer purple»), ребёнок радостно кричит:

– Оставь моё любименькое!

– Яна, поставь мне «Зайку чу-чу», – вопит Беллочка.

И Яна послушно ставит песню Гюриллас.

Фотографируют Давида, ребёнок не хочет проявлять радостную активность и угрюмо смотрит в объектив. Постепенно дурное настроение распространяется на всех, кроме Беллы. Мило улыбаясь, она произносит:

– Давид, уебнись (мы не выговариваем букву «р»).

Раздаётся взрыв гомерического хохота.

...Давид продолжает хмуро смотреть в объектив.

Дача

Белла внимательно глядя на то, как Гоша тщательно руками перемешивает мясо с майонезом на шашлык, задумчиво изрекает:

– Этого никто не будет есть. Точно...

Всё лето весь дачный массив посёлка «Фёдоровка» просыпался от протяжного утреннего крика – вопля Беллочки:

– По – ду – ги (подруги)

Нужно заметить, что на этот вопль сбегалась вся окрестная детвора.

Приехали взрослые дяди и начали с гиканьем и посвистом прыгать в наш крошечный (2 x 2) бассейн:

– Пигай, пигай, толстячок! – поощрила особо рьяного купальщика деточка.

Ночь, тишина, Белла, уже в течение пары часов маскирующаяся под диванную подушку. В час ночи, когда все уже решили, что ребёнок уснул, грянуло:

– Один белый, другой серый, два весёлых гуся!

– Не задушили песню, молвила Танюша...

Бежит по дорожке, навстречу попадается Тилита:

– Мадам, пропустите, – церемонно просит Беллочка.

Выйдя на балкон 2 этажа, Беллочка начальственно выкрикивает:

– Кристина, тащи мои тапки! – за что незамедлительно и получает...

Беллины сказки

1. Лаконичная:

– Жили-были солдат, принц и красавица, а кто слушал – молодец!

2. С замороженным сюжетом:

– Жили-были принц с принцессой. Мамы у них умерли, а папы встретились. (Нужно заметить, что в этом месте Яна, слушательница данной сказки, напряглась и чуть не спросила: – И поженились?)

3. Комментарий к сказке:

– И пришли три маленьких гомика (гномика)...

Дом

– Белличка, ну почему ты так поступаешь, разве у тебя головка не думает?– сокрушённо спрашивает баба Тома.

– Головка – то у меня думает, у меня ручки не слушаются, – откровенно отвечает деточка.

Сонную Белю Виталий несёт в туалет:

– Папа, а знаешь что?

– Что, Белинька?

Закрывая глаза:

– А вот увидишь...

– Мама, дай мне что-нибудь ПОКУСНЕНЬКОГО!

– Беллочка, у тебя есть сердце?

– Есть!

– Где?

– В желудке!

Белла подходит к маме, страдальчески держась за живот:

– У меня внутри кость поворачивается...

– Не злите меня, у меня сегодня настроение плохое...

Находясь в гостях, где все в полуголом виде мылись в бане, Беллочка долго и нудно доставала хозяев следующей фразой:

– Извините, пожалуйста, а где тут у вас раздевалка?

Бар «О–ле»

Катается на автомате, деньги заканчиваются и девочка понимает, что ни мама, ни папа больше не дадут. Слезает и грустно становится рядом.

Но, по счастью, к автомату подходит служитель и инкассирует деньги. Белла мгновенно воодушевившись:

- Дяденька, у тебя деньги есть?
 - Есть, – вынужденно соглашается молодой человек.
 - Ну, так бросай, – убеждённо говорит ребёнок.
- Денежка летит в автомат и Беллочка продолжает кататься....

В Самаре:

– Бабуля Таня, наклонись ко мне, ниже, ниже... Оказывается, у нашего дедули Саши две жены...

У зубного врача:

- Я тоже буду врачом, только не зубным, а человеческим.

Кристина кричит:

- Белля, мультики!
- Ещё как!

Разговор с дедулей Сашей:

- Мы едем в Турцию, там будет на пятнадцать лучше!
- Чего будет лучше?
- Веселий!

– Беллинька, сегодня праздник – День Независимости России!

– Она что, не зависает что ли? (Ребёнок компьютерного детства).

Семья смотрит футбольный матч. Папа Виталий спрашивает Беллочку:

- А наша-то команда как называется?
- Лада ТВ...

В машине Кристина передаёт Белле банку с морской солью:

- На, поддержи.
- Не хочу.
- Ну, тогда поставь на пол.
- Ну да: она рассолится!

С удовольствием поедает у бабули украинский борщ.

– Бабушка, дай мне рецепт! (решила начать с самого «простого» блюда).

– А в мультике «Мадагаскар» такие животные – гигиены, они хотели всех съесть!

Бабуля с Беллой рассматривают нарисованного тушканчика.

Бабуля:

– Смотри, какой он забавный: уши как у зайца, хвост, как у крысы, лапы, как у кенгуру.

– А кто его таким сделал?

– Природа?

– Нет!

– Бог?

– Нет!

– А кто?

– Учёные! Соединили всё вместе!

– Мне понравился мультик про Алёшу Поповича.

– А как ты думаешь, почему у Алёши было прозвище «Попович»?

– Наверное, потому, что в те давние времена самой главной частью была попа!

В 7 часов утра, перед отходом в школу:

– У меня сегодня самый прекрасный день рождения! Вы мне подарили то, о чём я долго, долго мечтала! Благодаря тебе, Кристина, у меня теперь есть телефон, благодаря тебе, мамочка, я теперь буду ездить на роликах, а благодаря тебе, папочка – дышать ароматным воздухом (Виталий сбегал утром и купил для неё букет цветов).

– Бабуля, ты в молодости пиво пила?

– Ну, пила 1 – 2 стакана в месяц.

– Очень плохо, если бы не пила, сейчас выглядела бы на 15 лет!

ДАВИД

5-8 лет

Давид с бабулей рассматривают книжку, на корочке которой нарисованы обложки других сказок. Давид говорит:

- Я хочу все эти книжки.
- Купим тебе. Я или мама с папой.
- Нет, вот эту уже купить нельзя!
- Почему?
- Её уже Илюше купили...

– А мама мне сказала, что в Самаре много Давидов (имеется в виду в Америке).

– Нам с папой по ночам не хочется спать, мы с ним режемся в «дурака».

– Бабуля, ты кого больше любишь: меня, папу или Зета?

Лето. Жара 30 градусов. Давид звонит бабуле по телефону и просит рассказать сказку.

– Давидка, очень жарко!

– А ты из-под вентилятора рассказывай!

– У нас с тобой уже 80 кассет мультиков, – говорит бабуля.

– Надо, чтобы было 100, – включается Давид.

– Это уж, наверное, на моём веку не получится, – парирует бабуля.

Спустя минуту:

– А вы скоро умрёте?... Я просто так спросил...

– Давид, ты будешь есть малосольный огурец?

– Нет. Я люблю многосольный.

Посмотрев, как 65-летняя бабуля Тома делает стойку на голове, Давид заявил:

– Когда я стану дедушкой, я тоже буду так делать.

Бабуля забыла дать Давиду ночную пижаму. Задумчиво говорит:

– Стареем...

– В Евразии живут евреи?

Читает с Бабушкой Инной, как Геракл, когда умер его друг, назвал город его именем. Давид:

– Бабуля, когда ты умрёшь, я тоже назову город твоим именем – Инна Ароновна...

– Чистая вода не пахнет, – говорит бабуля Инна.

– Немножко пахнет... Как говорится – хорошего понемножку.

Давид с Костиком всё время выясняют, кто из них главнее. Вот один из диалогов:

– Моей жене будет 30 лет, – заявил Костик.

– А моей – сорок, парировал Давид.

– Тогда моей 60!

– А моей 180, – сказал Давид и, безусловно, победил.

– У греков Зевс, а у нас – Христос воскрес.

– У-шу – китайское боевое искусство, а каратэ – армянское (у него тренер – армянин).

– У нас с родителями такие поговорки: «писа с кнопкой», «пупок с тумблером», «пиридунок».

Бабуля из-за спины вынимает очень понравившиеся ему подарки. В восторге Давид восклицает:

– Ах ты, жопка моя любимая!

Полдня один сидит дома. Папа и мама периодически ему позванивают. Очередной раз, поговорив с отцом, Давид прощается:

– Ну, пока, журналистик...

Увидав восьмимесячного сына Толика, Давид спросил:

– А вы корм ему купили?

– Давид, принеси, пожалуйста, Толика! – пошутил Гоша.

– Джин с тоником или просто тоник, – не расслышал Давид.

Ночью во сне Давид с кем-то сражался. Когда на его крики «прибежала» бабуля, то увидала следующую картину: Давид с закрытыми глазами стоит около дивана, а махровая простыня, которой он укрывался, закинута на третью полку книжного шкафа.

Давид первый раз играл на стадионе в товарищеском матче по футболу. На вопрос, чем отличалась его команда от соперника, самокритично ответил:

– Слабостью!

Играют в «зелёную комнату», Давидин друг Костик говорит:

– Злой волшебник Нотариус! (Мортариус)

У нас мальчик есть в классе. Он хорошо улыбается. Но учится плохо...

– Вам повезло со мной!

– Почему?

– Потому что я такой озорной парнишка. У меня, конечно, есть недостатки, но больше достатков!

Увидав кучку ребят из каратэ, Гоша спел:

– Они стояли молча в ряд, их было восемь...

– Поросят, – тут же добавил Давид.

Очередная история про друга Давида – Костика. Песню

«Я шоколадный заяц,

я ласковый мерзавец,

Я сладкий на все сто», Костик исполняет так:

«Я шоколадный заяц,

я ласковый Мазаец,

Я сладкий на весь стол!»

По телевизору идёт передача с участием девушек. Гоша спрашивает Давида про очередную участницу:

– Она тебе нравится?

– Да.

– На 4 или на 5?

– На дохленькую пятёрочку..

– А эта?

– Эта на семёрку!

Давид с мамой встретили на улице тренера по футболу, который спросил:

- Давид, ты почему не ходишь на тренировки?
- Не могу: я сопровождаю беременную маму в бассейн.

Родители купили холодильник, через день его должны привезти.

Гоша решил разыграть Давида:

- Сынок, через день у нас поселится высокий, широкоплечий блондин, крепкий, зовут «Атлант».
- А на долго поселится?
- Да лет на 12-цать.
- Ну всё, я переезжаю...

Отец спрашивает:

- Давид, что такое секс?
- То же самое, что и любовь.
- Ну вот я, например, люблю Диму Петрунина, Зета (собаку) – что у меня с ними секс?
- Нет, это только у мужчины с женщиной. Вот у тебя с мамой секс, а у меня с Ирочкой секс.

Разговаривая о чём-то с бабулей, Давид спрашивает:

- А ты почему так решила?
- Догадалась!
- Можешь работать в ФБР.

– Давид, когда мы будем заниматься математикой, после мультика, или после завтрака?

– Бабуля, давай не впадать в подробности – через час.

У Давида болит горло. Бабуля говорит:

- Давай нарисуем йодную сетку.
- Не хочу сетку. Нарисуй череп с костями.
- ... Пришлось рисовать.

Давид говорит отцу, что тот купил ему мало сладостей. Отец:

- Ах, ты неблагодарная свинья!
- Нет, я свинья благодарная!

Разозлившись на Давида, Вера крикнула:

– Ах ты, сукин сын!

– Ты так не ругайся, ты же себя имеешь в виду!

Получил тройку, не выполнив домашнее задание.

Вера спрашивает:

– Давид, почему ты не доделал это задание?

– А там написано: «Для любознательных», а я не любознательный...

Гоша почитал Давиду на ночь, и, думая, что он заснул, на цыпочках крадётся из комнаты.

Давид:

– Па-а-ап, ты что это затеял?

Гоша спрашивает:

– Давид, можно у тебя в комнате санки будут жить?

– Какие самки? – отвлёкшись от компьютера, удивляется Давид.

Пристегнув себе на кончик носа тугую прищепку и громко пукнув от боли, Давид воскликнул (не снимая прищепки):

– Господи, как больно!

Читая родителям детские анекдоты из журнала «Винни – Пух», Давид предупреждает:

– Потом буду читать каверёзные вопросы!

– Мы гуляли в лесу, там было такое растение – латынь, фу, ты – полынь!

Увидав свежeweымытое окно, удивился:

– Мам, похоже у нас стёкла спёрли!

Прочитав название одного из мультиков про Микки Мауса «Любовный треугольник», Давид задумчиво спросил:

– А любовный круг может быть?

Дорогая «Телесемь»,

Ты нужна нам очень всем!

Все мы читаем телепрограмму:

Мама про звёзд и, конечно, рекламу;
Папа про спорт, а ещё анекдоты;
Бабушка наша решает кроссворды;
«Телевичок» – вот страничка моя,
Дружная, значит, мы ТЕЛЕСЕМья!

За это стихотворение, написанное совместно с родителями, Давид получил приз – симпатичного телевичка – игрушку.

Провожая Давида на соревнования по каратэ и желая блеснуть знанием терминов, бабуля сказала:

– Не забывай про кинсей (удар ногой).

– Ноги – это моё сильное место, – моментально отреагировал Давид.

– А я думала – голова, – задумчиво сказала бабуля.

– Бабуля, а ты знаешь, что у меня две головы?

– Знаю, – говорит бабуля, припоминая анатомию мужчины.

– А покажи, где вторая?

– Не буду.

– А вот где! – и Давид показывает на руке наклейку в виде головы.
...Хорошо, что бабуля не стала показывать...

Давид очень расстроенный пришёл со двора.

– Папа, я расскажу тебе секрет: мы с мужиками подсматривали, как тётя с дядей целовались.

– А чего ты расстроен?

– Противно, что и мне когда-то придётся этим заниматься...

Гоша с Давидом пришли с тренировки. В доме нет горячей воды. Гоша почти насильно засовывает его под холодный душ. Давид кричит:

– И из-за этого надо лишать меня свободы?

– Какой свободы?!

– Свободы горячей кожи?

Увидав на полке в магазине набор специй: горчица, перец, хрен, Давид рассмеялся и на ухо спросил Веру:

– А при чём здесь писк?! (О существовании растения хрен он не подозревает).

– Сейчас десять минут первого, значит я должен выйти без тридцати.

– Так не говорят.

– Да, да, знаю, без половины.

Вера с работы контролирует сидящего одного дома Давида:

– Ты пообедал?

– Нет.

– Почему?

– Я просто второй раз позавтракал.

В гостях у кузин обиделся на Кристину, отошёл и сел в сторонке.

Баба Тома подсела к нему и говорит:

– Мужчина не должен обижаться.

– Нет, мужчина не должен бояться и трусить, а обижаться он может.

После того, как Давид записал рекламу мальчишеским голосом, Вера попросила его сказать текст девчоночьим голосом, он возмущённо отказался. Вера сказала:

– Сынок, мне очень нужно.

– Ну ладно. Только отвернись...

Мама рассказывает Давиду о группе «Битлз» и говорит, что название «Битлз» переводится как «жуки». Немного подумав, Давид говорит:

– Мухлёвщики, что ли?

(Очевидно потому, что про хитрого человека говорят: «Ах, ты, жук какой!»)

Семья собирается играть в карты, Гоша рисует таблицу и первого вписывает Давида. Сын укоризненно:

– Папа, ты меня пицешь первым? Право не стоит! Сначала беременную, потом гостя...

Папа посоветовал, чтобы добиться успеха у любимой девочки, нужно поменьше уделять ей внимания. Прошло какое-то время и Гоша спрашивает:

– Ну как отношения с Ирочкой?

– После твоего совета – хорошо.

– Ну, ты Онегин!...

– Папа, ты мне льстишь!

Услышав в фильме выражение «Боже правый!» сильно удивился:
– А что есть Боже левый?

Гоша спрашивает:

- Давид, сколько будет 11 разделить на 2?
- Пять и шесть, – подумав ответил сын.

Гоша про кого-то говорит:

- Дикая нация!
- Это ты здорово придумал, – подхватывает Давид.
- Это не я, а Ильф и Петров.
- Ага: один придумал «дикая», а другой – «нация», – задумчиво произнёс ребёнок.

Искренне удивляется:

- Почему, как только мне надо мыть посуду или идти на каратэ, у меня начинает болеть живот?
- Бабуля, тебе нельзя играть в эту игру!
- А почему?
- На коробке написано: «от пяти до четырнадцати лет».

В ванне, задумчиво глядя на свою писю:

- Наверное, мне надо сделать обрез!

Нарисована маленькая лошадь. Мама говорит:

- Это пони.
- Не пони, а понь, – возражает Давид (по аналогии кони – конь).

Папа ночью отнёс Давида в туалет, неожиданно сын говорит:

- Ты мороженое?
- Почему? – спрашивает отец, решивший, что Давиду что-то приснилось.
- Потому что ты сладкий.

Глядя на французскую фотографию Оли, сидящей у подножия «Памятника погибшему альпинисту», восклицает:

- О, памятник Татищеву!

В гостях у кузин про их пёсика – пекинеса:

У вас очень удобная собачка, только маленькая и грызущая очень...
(Очевидно, по сравнению с живущим в их доме ротвейлером).

Вера рассказывает Давиду о своей подруге – художнице, которая пишет иконы и имеет 4-х детей.

Он на всю улицу кричит:

– Как так, пишет иконы и занимается сексом? Не понимаю, как серьёзные люди, которые хотят детей, занимаются такими глупостями?

– Давид, как твоё настроение?

– Настроение поднимается, как хлеб в печи!

Разговор с отцом:

– Ненавижу немцев, хорошо отношусь к германцам!

– Да ты, Давид, шовинист!

– Это тот, у кого есть машина «Шеве-Нива»?

Давид всё время что-нибудь забывает.

Гоша его отчитывает и говорит:

– Память молодая...

– Что же ты жужжишь, – сразу добавляет Давид. (Навеяно песней «А пчёлочка золотая, а что же ты жужжишь?»)

О рыбалке:

– Как же рыба до сих пор не поняла, что червяки в воде не плавают?

– Давид, зачем ты столько лампочек включил?

– Я люблю, когда очень светло. Я – человек света!

Собираясь жарить шашлык, Гоша говорит:

– А в качестве поджигательной жидкости используем водку.

– Боже мой, какие жертвы! – живо реагирует Давид.

Разговор с бабулей Инной о долголети:

– Я хочу дожить, Давид, до твоих детей.

– Здорово! Это будет лет через 16.

– А твоей жене сколько будет лет?

– Ну, если та, о которой я сейчас думаю, то она старше меня на год...

Читаем очередной греческий миф: «Подошла Гера и села рядом с Зевсом».

Давид:

– У них Гера садилась рядом с Зевсом, а у нас я сажусь рядом с Ирочкой (любовь из садовской группы).

Начав смотреть новую кассету с записанными мультиками, Давид пришёл на кухню к бабуле и с каменным лицом сказал:

– Я тобой очень недоволен.

– Что случилось?

– Ты записала мультик, который у нас уже есть!

Давид пишет в тетради. Бабуля подбадривает его:

– Всё что ты захочешь, ты сможешь сделать.

Давид подумав:

– Я не могу дома строить...

Новый альбом в коробке проложен объёмной бумагой, которая если сильно нажать на неё издаёт треск.

Давид:

– Ого, она ещё и трахается!

– Бабуля, застегни мне пуговицу на рукаве.

– Ты же сам умеешь застёгивать пуговицы.

– Да, но у меня не три руки! (Имеется в виду, что он застёгивает двумя руками, а одна рука уже занята манжетой).

Бабуля, читая страшную сценку из «Хоббита», воскликнула:

– Какой ужасная картина!

Давид сразу:

– Покажи!

Звонок в дверь.

– Давид, иди открой Костику.

Открыл, сообщает:

– Это не Костик, это хуже...

(Пришла девушка, которая моет у бабули полы и заставляя Давида всё убирать).

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Вступительная статья	4
2.	Вокруг света. Виталий Вавилин	9
3.	Второе поколение. Александр Рудой	75
	Борис Рудой	97
4.	Третье поколение. Ольга Вавилина	109
	Георгий Герцовский	127
5.	Четвёртое поколение. Кристина Вавилина	129
6.	Наш вернисаж. Максим Кантор	135
7.	Наши гости. Елена Камбурова	147
8.	Наше зарубежье. Иосиф Письменный	199
9.	Наши друзья. Татьяна Макарова	221
10.	Стихотвор. Юрий Панюшкин	261
	Юрий Целиков	285
	Борис Скотневский	293
11.	Детинец-зверинец	299

[illegible]

[illegible]